В. Г. Чесноков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

(последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.)

Учебное пособие

Воронеж 2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Воронежский государственный технический университет»

В. Г. Чесноков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

(последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.)

Учебное пособие

Воронеж 2024

УДК 72.03(075.8)
ББК 85.113я7
Ч-512

Рецензенты:

кафедра архитектуры Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (и. о. зав. кафедрой, канд. пед. наук И. А. Миронова);
А. А. Радин, главный архитектор-реставратор фирмы ООО «РАС» (г. Воронеж)

Чесноков, В. Г.

Ч-512 **Деятельность архитектурно-строительных служб в Воронежской губернии (последняя четверть XVIII - первая половина XIX вв.):** учебное пособие [Электронный ресурс] / В. Г. Чесноков. − Электрон. текстовые и граф. данные (36,7 Мб). − Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM): цв. – Систем. требования: ПК 500 и выше; 256 Мб ОЗУ; Windows 10; SVGA с разрешением экрана 1024x768; Adobe Acrobat; CD-ROM дисковод; мышь. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7731-1198-6

Данное учебное пособие на примере Воронежской губернии даёт представление о зарождении архитектурно-строительных служб в стране, их структуре и работе в период с последней четверти XVIII века и до начала реформ, которые повернули Россию на путь капиталистического развития и способствовали коренному перелому во всех сферах государственной деятельности, включая архитектурно-строительную. На широком общеисторическом фоне показаны результаты работы архитекторов, стоявших у истоков становления воронежской региональной архитектуры и формирования её особенностей.

Рекомендовано в качестве дополнительной литературы при изучении дисциплин: «История архитектуры и градостроительства России», «Региональные особенности архитектуры ЦЧР» для студентов направления подготовки 07.03.02 «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» (профиль «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия»), 07.04.02 «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» (программа «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия») и направления подготовки 07.03.01 «Архитектура» (профиль «Архитектура»).

Библиогр.: 104 назв.

УДК 72.03(075.8)
ББК 85.113я7

Издается по решению редакционно-издательского совета Воронежского государственного технического университета

ISBN 978-5-7731-1198-6

© Чесноков В. Г., 2024
© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…… 4
ВВЕДЕНИЕ……. 5
§ 1. Организация строительных процессов в России в XVIII веке……..... 7
§ 2. Формирование губернской архитектурно-строительной службы и её деятельность в последней четверти XVIII века…….. 14
§ 3. Законодательные основы регулирования архитектурно-строительных процессов в первой половине XIX века……..... 43
§ 4. Проведение государственной градостроительной политики и реализация жилищно-гражданского строительства в губернии……..... 61
§ 5. Руководство процессами проектирования и строительства объектов культовой архитектуры……..... 96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...… 110
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 114
ПРИЛОЖЕНИЕ. Иллюстрации…….. 124

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПбИИ РАН – архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

ВГВ – Воронежские губернские ведомости

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВГУИТ – Воронежский государственный университет инженерных технологий

ВУА – Военно-исторический архив РГВИА

ГАВО – Государственный архив Воронежской области

ГСДК – Губернская строительная и дорожная комиссия

ГСК – Губернская строительная комиссия

ГУПС – Главное управление путей сообщения

ГУПСиПЗ – Главное управление путей сообщения и публичных зданий

МВД – Министерство внутренних дел

МПС – Министерство путей сообщения

ОР БАН – Отдел рукописей библиотеки Академии наук

ОР РНБ – Отдел рукописей РНБ

ОР РГБ – Отдел рукописей РГБ

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РАН – Российская Академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

РНБ – Российская национальная библиотека

СК МВД – Строительный комитет МВД

ВВЕДЕНИЕ

Архитектурно-строительная деятельность является важнейшей составляющей жизни любого государства, которая всегда в процессе исторического развития подвергалась определенному регулированию. Его масштабы на местах определялись не только столичными установками, но и региональными условиями, обусловленными действием множества факторов. История этой деятельности, направленной на формирование урбанизированной среды обитания человеческого общества как сложного социально-экономического, научно-технического, а иногда и политического явления, традиционно вызывает большой научный и общественный интерес.

Сказанное в полной мере относится к Российской империи, в которой в период с последней четверти XVIII и до середины XIX в. происходило совершенствование организации архитектурно-строительной деятельности. Воронежская губерния в этом отношении не была исключением и к 60-м годам XIX в. работа её архитектурно-строительных служб достигла высокого уровня. Стоявшая за этими процессами работа местной администрации и специалистов архитекторов обладает большим потенциалом для изучения как составной части общегосударственного комплекса работ по регулированию архитектурно-строительной деятельности в стране и является важной частью истории региональной архитектуры.

Знание этого пласта отечественной истории может служить основой современных попыток решения проблем, связанных с архитектурно-строительным комплексом, успешное функционирование которого невозможно без осознания преемственности на разных уровнях решения задач по созданию комфортной жилой среды. В этом качестве изучение организации архитектурно-строительной деятельности в Воронежской губернии приобретает не только теоретическую, но и практическую ценность.

С 1773 г. началась работа над регулярным планом, который лежит в основе современной планировки Воронежа. Работа над ним по существу послужила началом формирования архитектурно-строительной службы в Воронежской губернии, что и определило нижнюю временную границу заявленного в названии пособия периода. Верхняя граница определена началом периода реформ, которые повернули Россию на путь капиталистического развития и тем самым способствовали коренному перелому во всех сферах государственной деятельности, среди которых архитектурно-строительная традиционно занимает одно из ведущих мест.

Данное учебное пособие является по существу первым комплексным систематизированным изложением истории формирования и деятельности архитектурно-строительных служб в Воронежской губернии тесно увязанным с процессом становления общероссийского законодательства. Такой подход позволил выявить не только общие, но и специфические региональные черты в

их деятельности, а на примерах реальной архитектурно-строительной практики наглядно продемонстрировать полученные результаты.

Для воссоздания этой масштабной ретроспекции использовался большой объем письменных и архивных источников, среди которых основной массив составляют документы Государственного архива Воронежской области (ГАВО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые в значительной мере вводятся в научный оборот впервые.

Поскольку градостроительное освоение Воронежской губернии шло в контексте единых исторических процессов, то изложенная в пособии информация может быть полезной и при изучении архитектурно-строительных процессов имевших место на территории близлежащих российских регионов.

§ 1. Организация строительных процессов в России в XVIII веке

В начале XVIII века в России началось формирование архитектурно-строительного законодательства. Это было связано с масштабными преобразованиями в сферах социально-экономической и политической жизни государства. Первые указы Петра I, касающиеся градостроительства, были направлены на упорядочение застройки Москвы. В 1701 году он издал указ, согласно которому на месте сгоревших домов следовало строить новые из кирпича или мазанки, в зависимости от достатка владельца. В том же году в Москве была создана «Канцелярия каменных дел», которая следила за строительством в городе и обеспечивала население пожароустойчивыми материалами.

В 1704 году вышел указ, запрещающий москвичам строить дома внутри дворов. Новые постройки должны были располагаться вдоль улиц, как в городах западных стран. В других городах России, включая Воронеж, строительство продолжалось по старым правилам, с минимальной государственной регламентацией. Благоустройство населённых пунктов становится важным направлением государственной политики только после начала строительства Санкт-Петербурга. Пётр I, стремясь создать достойный облик новой столицы, по существу заложил основы нормативной базы архитектурно-строительной деятельности в стране. По инициативе императора был осуществлен ряд реформ оказавших существенное влияние на процесс её становления. Дадим им краткую характеристику.

Губернская реформа 1708–1710 годов. В результате её проведения Россия была разделена на восемь губерний. Это обстоятельство способствовало развитию и некоторому повышению качества городов получивших статус губернских[1]. С этого времени функции заказчика всех видов строительных работ, осуществляемых за казённый счёт, окончательно переходят государству.

Реформа органов центральной власти 1711 года.

Для управления страной во время отсутствия Петра I был создан Правительственный Сенат. Этот новый орган быстро становится законодателем новых подходов в застройке городов. Именно под его патронажем в последующие годы возникали новые государственные учреждения, решающие все вопросы градостроительного развития страны.

Реформы органов государственного управления 1717–1720 годов.

В этот период вместо устаревших приказов создаются новые центральные органы государственного управления — коллегии, которые подчинялись непосредственно Сенату. В некоторых из них были созданы «строительные отделы».

По инициативе Петра I в 1718 году в Санкт-Петербурге была основана Главная полицмейстерская канцелярия, которая работала под контролем Сената

[1] В 1709 г. Воронеж вошёл в состав Азовской губернии и стал её центром в 1715 г. С 1725 г. губерния именовалась Воронежской.

и регулировала, в том числе, строительство в городах. Полицейским поручалось следить за тем, чтобы здания строились в соответствии с планом города, поддерживать санитарный порядок и контролировать соблюдение правил противопожарной безопасности. Когда полиция появилась и в других городах России в 1733 году, эта практика распространилась на всю страну.

Реформы органов городского самоуправления 1720-1721 годов.

В 1720 году в Санкт-Петербурге появился Главный Магистрат, который контролировал работу выборных городовых магистратов во всех крупных городах. В «Регламенте или Уставе Главного Магистрата», принятом 16 января 1721 года, было указано, что в зависимости от количества жителей все города делятся на пять категорий, и для каждой категории предусмотрены определённые общественные и административные здания.

В 1720 году в Санкт-Петербурге создали Главный Магистрат, который контролировал работу выборных городовых магистратов в крупных городах. В «Регламенте или Уставе Главного Магистрата», который приняли 16 января 1721 года, было указано, что в зависимости от количества жителей все города делились на пять категорий. Для каждой категории предусматривались определённые общественные и административные здания.

Два крупных пожара, произошедших в Санкт-Петербурге в 1736–1737 годах, стали причиной создания в 1737 году «Комиссии о Санкт-Петербургском строении». Эта комиссия сыграла значительную роль в формировании основ архитектурно-строительной деятельности в стране. Нормы, разработанные комиссией, впоследствии использовались для строительства в других городах и были включены в строительный устав.

В послепетровское время значительный вклад в понимание организации архитектурно-строительных процессов в стране внёс трактат-кодекс «Должность архитектурной экспедиции»[2], созданный в рамках работы комиссии. В этом документе рассматривались такие темы, как государственное управление строительством и планированием городов, деятельность архитекторов[3] и их обязанности, производство строительных материалов и организация строительных работ, свод строительно-технических правил, теоретические аспекты архитектуры и организация подготовки архитектурных кадров. Однако этот труд так и не стал официальным документом, поскольку в 1742 году комиссия была распущена.

В первой половине XVIII века идеи «регулярности» постепенно внедрялись в градостроительную практику через издание соответствующих указов. Эти указы были направлены на то, чтобы сделать планировочную

---

[2] Аркин Д.Е. Должность архитектурной экспедиции. Трактат-кодекс 1737-1740 годов // Архитектурный архив. 1946. Вып.1. – С. 7 – 100.

[3] Только при Петре I в России начали называть словом «архитектор» тех, кто проектировал здания и контролировал строительные работы. До этого для обозначения строителей использовались термины «зодчий», «палатный мастер», «муроль», «каменный и плотничный староста».

структуру российских средневековых городов более геометричной, упорядочить и регламентировать застройку всех типов сооружений — как общественных, так и частных.

Во второй половине XVIII века сфера деятельности инженеров расширилась, что потребовало создания отдельного ведомства в 1757 году. Основной задачей этого ведомства было строительство военных объектов, но благодаря высокому профессионализму офицеров инженерного корпуса их также использовали для решения гражданских задач. В указе от 25 июля 1763 года говорилось, что за разработку специальных планов для каждого города и каждой губернии будут отвечать межевая канцелярия и канцелярия главной артиллерии и фортификации. Военные инженеры, числившиеся в инженерном корпусе, получали жалование за работу в комиссиях, которые занимались гражданскими проектами.

Создание множества комиссий было одной из характерных черт правления Екатерины II. Отличие этих административных образований от других заключалось в том, что они были временными и существовали только до тех пор, пока не решат проблему, ради которой их создали. Однако деятельность некоторых комиссий продолжалась десятилетиями.

11 декабря 1762 года Екатерина издала указ, согласно которому Сенат создал «Комиссию для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы». Этот орган был необходим, чтобы решить проблемы благоустройства двух крупнейших городов империи и разработать меры по повышению их пожарной безопасности. По сути, «Комиссия» была архитектурно-проектной организацией, которая обеспечивала решение этих задач за счёт упорядочения застройки и внедрения каменного строительства. Именно поэтому позже её переименовали в «Комиссию о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы».

Ключевую роль в работе комиссии играли высокопоставленные чиновники. Среди них особенно выделялся сенатор И.И. Бецкой, который в то время считался экспертом в области современного городского планирования. Именно благодаря его усилиям идея строгого регулирования застройки получила поддержку императрицы и общества, став новой нормой городской жизни.

В мае 1763 года будущий главный архитектор «Комиссии…» А.В. Квасов и архитектор П.Р. Никитин были привлечены к разработке проекта по восстановлению Твери, которая пострадала от пожара. Это был первый опыт создания «регулярного» города с использованием градостроительных принципов, которые были известны российским архитекторам ещё со времён Петра I, но ранее не применялись к старым городам за пределами столиц.

Пожар в Твери стал причиной издания указа «О сделании всем городам … специальных планов …», поскольку выяснилось, что у города нет необходимого фиксационного плана для восстановления. Именно с этого указа началась масштабная кампания по составлению фиксационных и разработке на

регулярной основе новых генеральных планов российских городов. В этой масштабной работе Тверь стала образцом при проведении реконструкции в других русских городов[4].

Учитывая большой объём работы и недостаток квалифицированных инженерных кадров, в 1764 году Сенат издал указ «О снятии специальных планов всех губерний с их городами». Согласно этому документу, для выполнения работ предлагалось привлекать отставных военных инженеров и фортификаторов, которые умели проводить инструментальную съёмку местности и создавать масштабные чертежи. Губернаторам подсказали, где взять специалистов, и они активно использовали этот ресурс при составлении фиксационных чертежей и проектов по перепланировке городов. Кроме того, знания и навыки этих специалистов оказались очень полезны в связи с выходом в 1765 году «Манифеста о генеральном размежевании земель во всей империи». Результаты межевания, часто сопровождаемые предложениями местных властей по реконструкции городов, отправляли в Петербург, где их передавали в Сенат, затем в «Комиссию о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», где и начиналась проектная работа.

Архитекторы «Комиссии…» определяли границы каждого города так, чтобы они образовывали компактную фигуру. В полном соответствии с принципами регулярности они делили городскую территорию на кварталы прямолинейных очертаний, расположение которых подчинялось повторяющимся композиционным схемам.

В 1772 году архитектурную команду «Комиссии…» возглавил Иван Егорович Старов. Он недолго проработал в комиссии, но успел сделать многое. В начале 1774 года, незадолго до ухода в отставку, Старов участвовал в работе над планами двух важных городов того времени — Воронежа и Пскова. Этот год можно считать началом активного распространения преобразований в архитектуре и градостроительстве за пределы двух столиц. С 1763 по 1774 год «Комиссия…» разработала планы всего 40 городов, большинство из которых пострадали от разрушительных пожаров. К 1 января 1797 года, когда комиссия завершила свою работу, ею было создано 305 новых генеральных планов для провинциальных городов[5].

Значительному ускорению этого процесса способствовал манифест, который назывался «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» изданный 7 ноября 1775 года. Этот документ стал ключевым в процессе децентрализации власти и усиления её на местном уровне.

Прежде чем провести реформу губернского управления, необходимо было тщательно оценить состояние губерний. Местные власти должны были предоставить информацию о своих городах. На основе этих данных города классифицировались по значимости и численности населения: так появилось разделение на «штатные» и «заштатные» города. В результате реформы

---

4 Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М., 1984. 168 с.

5 Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М., 1984. С. 40.

большинство строительных норм, которые раньше действовали только в отношении губернских городов, стало применяться и к этим новым объектам регулирования.

В манифесте был представлен примерный состав губернии, где органами управления становились губернское правление и казённая палата, под эгидой которой должна была функционировать строительная экспедиция. Именным указом от 24 марта 1781 года этим экспедициям, помимо содержания дорог и мостов, было поручено заниматься всеми казёнными и общественными постройками в городах. Контролировать частное строительство в губерниях им было поручено только в 1796 году.

Манифест также инициировал создание губернских межевых частей, которые должны были возглавляться губернским землемером, а в каждом уезде — уездным или поверенным землемером. Кандидатуры этих специалистов утверждались Сенатской межевой комиссией.

Документ устанавливал чёткую иерархию в системе «губерния — уезд», что отражалось и в структуре управления полиции, ответственной за благоустройство в населенных пунктах, и контроль за жилыми зданиями. В городах, где располагались военные гарнизоны, полицейские обязанности исполняли коменданты, а в остальных городах вводилась должность городничего.

После публикации манифеста, вызвавшего рост объёма проектных работ, изменилась схема взаимодействия между проектными и согласующими органами. Основная работа по составлению планов стала выполняться на местах, а «Комиссия…» фактически превратилась в орган, который руководил перепланировкой и строительством городов по всей стране. Комиссия анализировала поступающие проекты, при необходимости вносила изменения и готовила генеральные планы к утверждению на высшем уровне.

Губернаторы стали ответственными за организацию работ на местах. Они же занимались согласованием планов городов в Сенате и «Комиссии…», а также с горожанами. Это позволяло улучшить конечный результат, поскольку на предпроектной стадии максимально учитывались особенности рельефа местности и экономические возможности горожан.

Города получали общественные постройки в зависимости от своего статуса. Например, в губернских центрах обязательно строились здания губернского правления и присутственных мест, дом губернатора, собор, учебные заведения, больницы и почтовые станции. Эти постройки со временем сформировали первые архитектурные ансамбли, украсившие центры российских городов.

В уездных городах в 1780-х годах попытались типизировать набор и архитектуру казённых зданий, которые должны были в них располагаться. Например, в городах Воронежского наместничества (Землянске, Нижнедевицке, Богучаре, Коротояке, Боброве, Павловске, Острогожске и Калитве) планировалось на главной площади построить дом городничего,

гостиный двор, присутственные места, соляные и винные магазины[6]. Однако эти проекты не были реализованы из-за нехватки государственных средств и слабой экономической базы городов.

В конце XVIII века начали обсуждать, как организовать строительство в губерниях. Раньше жилые дома строили сами или нанимали мастеровых знакомых со строительным делом. Храмы возводили подрядчики по образцу уже существующих. Если в каком-то регионе нужно было спроектировать и построить казённые здания, туда обычно отправляли архитекторов из столицы. После пожара 1748 года даже в Воронеже долго не могли подготовить и отправить в Сенат чертежи для восстановления зданий, потому что в городе не было специалистов, способных это сделать.

Обычно считают, что должность губернского архитектора появилась благодаря манифесту Екатерины II. Но в самом его тексте о её введении в штатное расписание губерний ничего не сказано[7]. Из-за недостатка специалистов, знающих «архитектурную науку» должность вводили не повсеместно, а только там, где это было необходимо при утверждении штатов для отдельных губерний и наместничеств. После выхода манифеста этот процесс действительно ускорился.

Должность губернского архитектора в провинции впервые была учреждена 18 сентября 1772 года. Это следует из доклада Белорусского генерал-губернатора, к которому прилагался штат губернских канцелярий для Псковской и Могилёвской губерний[8]. Согласно этому документу, архитектор должен был получать жалование в размере 400 рублей в год, а его помощник — 160 рублей[9].

Также известно, что 31 января 1775 года такая должность была введена в штат Иркутской губернии, т.е. вновь до выхода манифеста. В докладе Сената «О новом разделении Иркутской губернии на провинции…» сообщается, что губернатор предложил ввести в штат должность «архитектурии гезеля»[10] для надзора за государственными и частными постройками. Сенат поддержал эту идею и порекомендовал назначить на эту должность квалифицированного архитектора с соответствующим жалованием[11]. Однако реально вакансия была

---

[6] Лавров В.А. Типовые проекты в застройке центров русских городов второй половины XVIII века» // Архитектура СССР. 1956. № 7. С. 37-38.

[7] Данный указ ввёл повсеместно должности губернских и уездных землемеров, которые находились в подчинении губернской межевой части, являющейся частью губернского правления.

[8] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т.19, № 13866; Т. 44: Книга штатов: Ч. 2. С. 147.

[9] Для сравнения приведём данные о жаловании других губернских служащих. Так, например, по штатам 1763 г. копиисты получали 60 рублей в год, асессоры (майоры) – 450 рублей, коллежские асессоры (полковники) – 750 рублей.

[10] «Архитектурии гезель» — это первое звание в архитектуре, которое присуждалось после перехода из учеников в подмастерья.

[11] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 20. – № 14242.

заполнена только 1 февраля 1779 года, когда было образовано Иркутское наместничество.

Считается, что первым губернским архитектором в России, фамилия которого широко известна был Фёдор Фёдорович Штенгель. Его назначили на эту должность в Тверь в январе 1776 года, когда город активно восстанавливался после пожара. Однако проведённые исследования показали, что должность губернского архитектора фактически существовала в Воронежской губернии уже с 1773 года. Её занимал московский архитектор Николай Никитич Иевский[12]. Ему поручили эту работу «…по нужде, за неимением знающих ту науку (*архитектурную*), по договору и временно»[13].

Тем не менее, именно Тверь стала воплощением многих принципов архитектуры русского классицизма. Опыт и приёмы, которые применялись при проектировании Твери, получили широкое распространение при проектировании и строительстве других городов. Именно для Твери были созданы первые проекты «образцовых» домов, а с первой половины 70-х годов XVIII века ко всем проектам перепланировки городов, которые делала комиссия Бецкого, прилагались созданные на их основе проекты серии «фасадов примерных против протчих вновь строющихся городов каменным и деревянным домам»[14].

Возобновлённая практика образцового строительства значительно повлияла на темпы строительства и качество возводимых построек. В этом велика заслуга архитектора Ивана Михайловича Лёма, который работал в команде Бецкого в самый активный период её деятельности. Именно он в 1778 году создал проекты образцовых фасадов восьми домов и лавок, которые планировалось использовать при строительстве в городах Российской империи. Эти проекты, оформленные в классическом стиле, различались по количеству этажей, размеру и используемым материалам.

В отличие от эпохи Петра I, когда проекты, разработанные государственными органами, служили обязательными стандартами, «образцовые» проекты второй половины XVIII века задавали лишь основные габариты зданий и пропорции фасадов. Централизованная система типового строительства во многом решала проблему нехватки специалистов на местах.

В 1782 году вышел «Устав Благочиния или Полицейский», который явился закономерным продолжением вышеперечисленных реформ. Он определил новую структуру и принципы работы полиции, за которой теперь были закреплены функции по контролю за строительством и благоустройством в городах. Согласно уставу, в губернских городах были созданы Управы

---

[12] Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVIII – начало XX вв.) // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 99–100.

[13] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 261.

[14] Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М., 1984. С. 60.

благочиния, которые возглавляли полицеймейстеры или городничие. Они подчинялись напрямую губернскому правлению.

Только управа могла выделять места под строительство в городе и его окрестностях, а также контролировать благоустройство и состояние дорог (например, деревянных мостов, мостовых на площадях и главных улицах). По сути, она выполняло в провинции функцию государственного контроля за реализацией градостроительной программы идущей из столицы.

«Грамота на права и выгоды городам Российской империи», которую также называют первым «Городовым Положением», была подписана императрицей 21 апреля 1785 года. Этот документ окончательно запретил стихийную застройку городов. Теперь города должны были строиться по утверждённому плану, подписанному императрицей. Кроме того, грамотой было декларирована передача некоторых полицейских функций городским думам. Например, в 6-м пункте 167 статьи сказано, что городские думы должны следить за состоянием общественных зданий, заботиться о строительстве всего необходимого для горожан, а также создавать площади для торговли, пристани, амбары и магазины.

Перечисленные нами законодательные акты легли в основу новой государственной политики России в области градостроительства. Хотя не все планы правительства были полностью реализованы, масштаб изменений в городах был огромным и демонстрировал полную победу классического стиля в русской архитектуре. Именно с этим стилем связывался идеальный образ нового города, к которому следовало стремиться в развитии провинциальных городов.

§ 2. Формирование губернской архитектурно-строительной службы и её деятельность в последней четверти XVIII века

В XVIII веке в Воронеже произошло несколько важных событий, которые весьма существенно повлияли на его архитектурный облик. В начале века в городе наблюдался строительный бум, связанный с деятельностью Петра I направленной на создание флота. Однако многие здания, построенные в Воронеже в это время, были уничтожены пожаром 1748 года. После этого трагического события приступили к восстановлению застройки города, но уже на плато, отступив от берега реки. При этом территория Воронежа значительно расширилась после переноса канцелярии губернатора за городской вал, ближе к началу современного проспекта Революции[15], и появления новых слобод при суконных мануфактурах.

[15] Если судить по плану Воронежа 1768 г. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 1), губернаторская усадьба располагалась на месте, занятом ныне учебными корпусами Воронежского государственного университета инженерных технологий (ВГУИТ).

До 1770-х годов в Воронеже строили по-старому: скученно и хаотично. Других специалистов, хотя бы косвенно связанных с архитектурой и строительством в Воронежской губернии, кроме военных инженеров и землемеров, в тот период не было. Об этом, в частности, свидетельствуют подписи на дорегулярных планах Воронежа хранящихся в архивах. Например, в рукописном отделе библиотеке Академии наук (РО БАН) есть копия плана, снятая в 1760-х годах поручиком Воронежского гарнизона Елецкого полка Михайлой Ермерковским[16]. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) хранится план 1763–1764 годов, составленный инженер-поручиком Степаном Шишковым[17], а в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) имеется план 1771–1773 годов, который «сочинил» коллежский регистратор землемер Прохор Акиндинов[18].

Горожане продолжали по-прежнему строить жилые дома самостоятельно или нанимали мастеровых, уделяя при этом мало внимания мерам противопожарной безопасности, несмотря на то, что подавляющее большинство зданий в Воронеже были деревянными. Согласно плану С. Шишкова, в городе было всего 32 каменных строения: архиерейский дом, 21 жилой дом и 10 каменных церквей.

Дома обычно располагались внутри участка, а на улицу выходили глухие заборы и хозяйственные постройки, что было удобно для подвоза сена или других сельскохозяйственных товаров. Улицы не были благоустроены: отсутствовало освещение, твёрдое покрытие, разделение на проезжую часть и тротуары. Многие улицы оставались узкими, кривыми и часто заканчивались тупиками.

Храмы, расположенные в самых заметных местах города, придавали выразительность его панораме, несмотря на убогость застройки в целом. Подрядчики, занимавшиеся их строительством, брали за основу уже существующие здания, что значительно облегчало процесс их создания и обеспечивало надежность постройки. Такой же подход применялся и при возведении казённых зданий и сооружений.

Только в последней четверти XVIII века произошли значительные изменения в планировке Воронежа и его внешнем виде. Это было связано с работой «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», созданной по указу Екатерины II, и с появлением в Воронеже губернской архитектурной службы.

Однако подготовка к этим изменениям, как показывает анализ сохранившихся дорегулярных планов Воронежа, началась ещё задолго до начала активной работы «Комиссии…». Особенно интересен в этом

---

[16]Акиньшин А.Н., Чесноков Г.А. Историческая география Воронежа по планам города (XVIII – середина XIX в.) // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 119.

[17] РГВИА. Ф. 349. Оп. 9. Д. 2932.

[18] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 891.

отношении план города, созданный Степаном Шишковым. Он заслуживает внимания не только потому, что является первым из сохранившихся до наших дней инструментальных планов Воронежа. Для нас этот план представляет интерес в большей степени потому, что содержит первое известное нам предложение по перепланировке города на регулярной основе. Автор предложил выпрямление большинства старых улиц в прибрежной части города и включение в застройку новых кварталов правильной геометрической формы, ограниченных современными улицами Плехановская — Никитинская — Комиссаржевской.

Анализ плана Воронежа, созданного П. Акиндиновым задолго до пожара, показывает, что он также содержит предложение по развитию города на регулярной основе на верхних отметках плато в северо-западном направлении. Этот план небольшой по размеру и содержит минимум информации, но его ценность в том, что он, как и план Шишкова, подтверждает, что идеи по регулярной планировке Воронежа возникли до знаменитого пожара 1773 года, который стал лишь поводом для ускорения процесса обновления городской планировки. Таким образом, попытки губернских властей по регулированию застройки Воронежа до пожара можно рассматривать как подготовительный этап реализации идей, пришедших из новой столицы.

Есть все основания полагать, что после пожара эту работу продолжил архитектор Н. Н. Иевский, фамилию которого впервые в научный оборот ввел воронежский краевед А. В. Кожемякин[19]. Н. Н. Иевский обучался в архитектурной школе известного московского зодчего Д. В. Ухтомского. С 1759 по 1771 год он служил в Москве и работал в «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», а также в Гоф-интендантской конторе, которая ведала всеми строительными делами императорского двора. Архитектор участвовал в создании таких значимых объектов, как Кремлёвский, Головинский и Коломенский дворцы. В 1771 году в чине коллежского асессора он ушёл в отставку с государственной службы и поселился в родовом имении в селе Грязи Липецкой округи. Но уже в 1773 году по приглашению воронежского губернатора Н. Л. Шетнёва снова вернулся на службу, чтобы выполнить фиксационный чертёж застройки сохранившейся в Воронеже после пожара. Работа над ним заняла три месяца[20].

На чертеже нет подписи автора, но исследования московского историка архитектуры А. Ф. Крашенинникова доказывают, что это работа Н. Н.

---

[19] Кожемякин А.В. Новые историко-краеведческие находки // Записки воронежских краеведов. Воронеж, 1983. Вып. 2. С. 120 – 124.

[20]Этот чертеж называется «План города Воронежа, с показанием погоревшей части, минувшего августа 10 дня 1773 года» (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4. – Л. 1). На нём видно, что почти весь старый центр города выгорел. Пожар начался от комплекса Воронежской епархии, который находился на месте нынешнего главного корпуса ВГУ, и распространился до земляного вала XVII века, который проходил по нынешним улицам Станкевича, площади Ленина и Театральной. Всего сгорело 249 обывательских домов, что и было указано на чертеже.

Иевского[21].Чертеж, выполненный Иевским, имел ключевое значение для подготовки генерального плана города, поскольку содержал предложения по регулярной перепланировке Воронежа (рис. П.1). В основе этих предложений лежал принцип «трезубца» — широко используемый в России XVIII века метод планирования. Центральный луч проходил через старую застройку, а боковые лучи совпадали с направлениями радиальных улиц, ведущих к архиерейскому подворью, располагавшемуся на месте старой деревянной крепости. Таким образом, архитектор подчеркнул важность исторического центра города. Дорога-аллея, ведущая от дома губернатора, на этом плане превратилась в городскую улицу, вдоль которой формировались кварталы правильной формы.

В целом, Н. Н. Иевский, как и его предшественник С. Шишков, стремился упорядочить застройку на склоне Воронежа и предложить новую планировку в нагорной части, на плато за городским валом, в системе прямоугольной сетки улиц. Фактически он, вместе с губернской администрацией, возглавил начальный этап работы над генеральным планом, и такая деятельность губернских архитекторов, как мы уже отмечали, впоследствии стала характерной для их взаимодействия с «Комиссией…».

План 1773 года был отправлен губернатором Н. Л. Шетнёвым в Сенат, а затем передан в «Комиссию…». Об этом говорится в докладе Сената: «Губернатор… представил… план всему городу, означа на оном погоревшие места»[22]. Из документа также следует, что предложение, поступившее от воронежской администрации, было тщательно рассмотрено. На его основе выдающийся русский зодчий эпохи классицизма Иван Егорович Старов (1745–1808) разработал первый регулярный генеральный план Воронежа. Традиционно считается, что он является единственным автором этого градостроительного документа, но как показали проведённые исследования его полноправным соавтором можно считать Н.Н. Иевского. 11 марта 1774 года план был утверждён Екатериной II и стал законом под названием «Об отстройке города Воронежа по случаю бывшего там пожара» (рис. П.2). После «высочайшей конфирмации» плана завершился второй этап работы над ним.

Проанализируем этот и более поздние планы Воронежа, созданные в последней четверти XVIII века, поскольку именно эти документы дают возможность получить представление о работе архитектурной службы губернии.

Рассмотрим, прежде всего, план И.Е. Старова. В верхней левой части чертежа находится пояснительный текст озаглавленный «Описание плана Воронежской губернии города Воронежа». Приведём из него отрывок, который имеет отношение к теме, которой посвящено пособие: «Строение полагается в городе и в кварталах прикрытых кармином каменное, в предместии под желтою краскою деревянное, по фасадам, представляемым при сем какой пропорции,

[21] Крашенинников А.Ф. Проекты архитектора Кваренги для Воронежа // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. Воронеж, 1985. С. 163, 189.
[22] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т.19, № 14134. План хранится в РГИА (Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4).

построить что может службы во дворах как то людские покои, сараи, конюшни и тому подобное строить деревянное и бес каменных фундаментов, а кто и в тех местах где назначивается деревянное пожелает вместо деревянного построить каменное и застроить сплошным строением, также и выше фасад строй каменное запрещения не иметь, деревянное строение в одном корпусе больше 12 сажен и выше 6 аршин не строить, и чтоб каждый корпус одним от другого не ближе пяти сажен был, кровли крыть на каменных строениях железом или черепицею, а до разведения черепичных заводов гонтом или тесом, на деревянных строениях тесом же а хворостом и соломою не допускать. Которые обыватели в тех местах, где полагается каменное строение и по фасадам застроить не в состоянии и у коих дворовые места отходить будут под улицы и площади и на старых местах строиться не могут, таким отводить другия, оставшиеся места придавать к соседним дворам, и отводить желавшим выстроек по фасадам, а где есть строения оставить до такого случая когда сами собой уничтожится есть лиж хозяева и прежде того добровольно по плану перестроят и на другие места строения перенести пожелают не запрещать. В прочих же частях как в городе, в предместьях и за предместьями неразрегулированные места по имению больших буераков заочно разрегулировать комиссия не сможет, а применять по сему плану потребуется время разрегулировать и его в натуре по плану исполнить будет неможно малые перемены удлинить равным образом и места под дворы и строения отводить не выходя из настоящего в плане положения предоставить воронежскому губернатору».

Из данного текста следует, что более детальное планирование участков, о которых у архитекторов комиссии не было полной информации, должно было проводиться на месте. Это имело смысл при наличии квалифицированного специалиста, который мог бы выполнить такую работу под контролем губернатора. На основании этого можно сделать вывод, что в столице знали о таком специалисте в Воронеже. Вероятно, именно ему предназначался фрагмент текста, описывающий характер новой застройки и порядок реализации генерального плана.

Материалы, подготовленные Н. Н. Иевским, позволили И. Е. Старову создать окончательный проектный план, который максимально учитывал историческую планировку, сохранившуюся каменную застройку и особенности рельефа на котором располагался город. Всё это способствовало тому, что этот градостроительный документ оказался очень жизнеспособным.

Для сравнения можно привести пример соседнего губернского города Курска, план которого был утверждён в 1782 году. Главный недостаток проекта заключался в том, что в нём совершенно не учитывался сложный рельеф местности. Структура плана, правильная и упорядоченная на бумаге, требовала значительной доработки, поскольку не было проведено предварительной работы, аналогичной той, что была выполнена в Воронеже.

Согласно новому плану, Воронеж разделили на 236 кварталов. Архитектор И. Е. Старов сохранил и развил идею Н. Н. Иевского о создании укрупненной и геометрически правильной сетки улиц. На чертеже старая планировка показана пунктиром, что позволяет наглядно сравнить её с новой. При разработке проекта были учтены все каменные строения, уцелевшие после пожара, с тем, чтобы при прокладке новых улиц их не пришлось сносить.

В качестве примера может служить первый трёхэтажный жилой дом Воронежа, который принадлежал фабриканту С. А. Савостьянову. Этот дом ныне находится по адресу ул. Плехановская, 3. В краеведческой литературе он известен под названием «Магистрат». На плане 1773 года видно, что изначально главный фасад этого здания выходил на улицу, которая впоследствии была упразднена. Согласно новому регулярному плану, дом Савостьянова выходил на красную линию новой Большой Московской улицы уже не главным, а торцевым фасадом.

Тем не менее, при создании кварталов правильной формы сетка новых улиц довольно часто накладывалась на существующую застройку. В результате старые проходы и проезды оказывались внутри новых жилых образований. Иногда новая улица проходила через чьи-то земельные участки и при этом многие дома согласно плану подлежали сносу. В перспективе это вело к перераспределению земельных участков по всему городу, что вызывало недовольство горожан и споры при выделении новых земельных участков под застройку.

По проекту И. Е. Старова, Воронеж делился на три зоны: новую (на нагорном плато, к западу от исторического центра), реконструируемую (в пределах старого земляного вала) и зону с нерегулярной застройкой приречных склонов. Город получил чёткие границы благодаря новому валу. Планировалось перенести за эти границы мясные и рыбные торговые ряды, предприятия по вытапливанию сала и кожевенные заводы, а также бойни. Вал проходил вдоль современной улицы Кольцовской и изначально служил для ограничения предместий. Поскольку практической потребности в таком земляном укреплении давно не было, то оно просуществовало всего лишь до конца XVIII века.

И. Е. Старов, сохранив в целом композиционную структуру старого центра Воронежа, сделал акцент на центральном планировочном луче, который вёл к дороге на Москву. Эта улица, получившая название Новая Московская (позже Большая Московская, сегодня Плехановская), задумывалась им как главная торговая артерия с гостиным двором, основными рынками и площадями.

Самая большая площадь, получившая название Щепные ряды, располагалась между современными улицами Пушкинская и Ф. Энгельса. Напротив неё, там, где сейчас находится Центральный рынок, разместилась Хлебная площадь. К ней примыкала территория Староконной (сегодня — площадь Ленина).

Левый луч, проходивший по улице Большая Девицкая (сейчас — улицы Платонова и 9 Января), был спроектирован с учётом предложений полученных из Воронежа. Он вёл от площади перед архиерейским двором до современной улицы Кольцовской. Сохранив своё направление, Большая Девицкая по новому плану стала значительно длиннее.

И.Е. Старов оставил правый луч (улица Мещанская, ныне Володарского) также в основном в предложенном ему виде. Доходя до границ старого городского вала, он менял направление и переходил в Большую Дворянскую улицу (ныне проспект Революции), которая вела к новой губернаторской резиденции, расположенной в 1,5–2 км к северо-западу от старого центра. Создание на этой улице в 1780–1790-е годы нового административного центра — заслуга губернской архитектурной службы, так как в плане Старова его создание не было предусмотрено.

Хотя у комиссии было проектное предложение от Н. Н. Иевского, она, тем не менее, допустила ошибку, разместив новую административную площадь к юго-востоку от нынешней Театральной улицы, рядом с современной Советской площадью. В результате «казённое строение и губернаторский дом» оказались на краю холма переходившего овраг (район современной улицы Орджоникидзе). Впоследствии губернской архитектурной службе пришлось исправлять эту ошибку. Поскольку в целом по стране подобного рода ошибки носили массовый характер именным указом от 17 января 1783 г. было разрешено, «исходя из удобства и местоположения», отходить от плана[23].

Важной композиционной осью Воронежа стали следующие за другом улицы Старо-Московская и Большая Садовая, которые теперь объединены в улицу К. Маркса. Все перечисленные выше улицы должны были стать главными городскими магистралями, что отразилось в их ширине (за старым земляным валом — 21 метр) и проектных предложениях по их застройке. Между ними на плане были прочерчены поперечные улицы шириной в 13 метров.

На чертеже были отмечены участки, предназначенные для строительства каменных и деревянных зданий. Возведение этих строений должно было осуществляться в соответствии с прилагаемыми типовыми проектами, как указано в тексте, поясняющем чертёж. Информация о том, что город планировалось застраивать с использованием рекомендованных проектов, также содержится и в уже упомянутом нами докладе Сената «Об отстройке города Воронежа, по случаю бывшего там пожара». В этом документе сказано, что комиссия, выполняя предписание сената, представила на рассмотрение сенату новый план с описанием и фасадами каменных и деревянных домов. Согласно исследованиям С. С. Ожегова, такие проекты с начала 70-х годов XVIII века прилагались ко всем проектам перепланировки городов, разработанным «Комиссией»[24]. Тем не менее, историкам до сих пор не удалось

[23] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 21, № 15641. С. 799.
[24] Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М., 1984. С. 60.

найти в архивах чертежи этих первых типовых проектов, предназначенных для Воронежа.

Жители города должны были селиться на его территории в зависимости от своего достатка. В центре и ближайших кварталах разрешалось строить только каменные двухэтажные (иногда допускались одноэтажные) дома. Эти районы предназначались для дворянства и купечества. Окраины отводились для малоимущих и неимущих горожан. Центр города, застроенный каменными домами, должен был стать символом величия империи и иметь парадный вид. Все эти правила нужно было строго соблюдать. Хозяевам дворов, которые не могли позволить себе построить хорошие дома из-за своей бедности, выделялись места за Ямской слободой, за первой кольцевой улицей (улица Лесных дворов, сейчас это улица Кольцовская), которая проходила вдоль нового городского вала. Кварталы планировали застраивать по периметру, а внутри них размещать хозяйственные постройки и огороды.

План Воронежа 1774 года важен для нас не только потому, что он стал первым регулярным генеральным планом, который определил, как будет реализовываться государственная политика в области гражданского строительства в крупном губернском центре. Для Воронежа большое значение имеет то, что заложенная в проекте городская планировка была практически полностью воплощена в жизнь, хотя и не всегда точно. Это стало возможным благодаря последовательному усовершенствованию законодательной базы и наличию в городе квалифицированного архитектора, что было редкостью для провинции, на начальном этапе реализации плана.

После утверждения проекта начался третий этап — его реализация и корректировка на месте губернской службой. Так получилось, что Н. Н. Иевский, который стоял у истоков создания первого регулярного генерального плана, выполнял и всю основную работу по его воплощению. При этом документально установлено, что до 1779 года он не состоял на государственной службе. Тем не менее, он фактически исполнял обязанности губернского архитектора с 1773 года, что позволяет считать именно этот год началом формирования губернской архитектурной службы.

Н. Н. Иевский не только контролировал строительство, но и занимался другими важными делами: прокладывал новые улицы, распределял земельные участки под застройку в городе, выдавал разрешения на строительство и реконструкцию частных домов, проектировал государственные и общественные здания и следил за соблюдением строительных норм. Он также занимался расширением и выпрямлением старых улиц и решал конфликты с теми, кто успел построить жильё до утверждения нового плана. В его обязанности входило рассмотрение жалоб, связанных с распределением после пожара «жилых крепостных мест»[25].

Будучи губернским архитектором, Н.Н. Иевский решительно противостоял тем, кто не соблюдал утвержденный план. Например, в 1780 году,

[25] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 34. Л. 89. Д. 23. Л. 201 об.

когда он давал разрешение крупному городскому чиновнику А.А. Репьеву на строительство дома на улице Большой Девицкой, рядом с Введенской церковью, предупреждал его, что если здание будет возведено с отклонениями от утвержденного плана, оно будет «разломано»[26].

Кроме того, согласно архивным документам, Н.Н. Иевский составлял сметы на государственные объекты, выполнял работу, схожую с обязанностями подрядчика (обеспечивал доставку необходимых строительных материалов и рабочих, контролировал расходы), и нес материальную ответственность за использование выделенных средств. Стоит отметить, что в те времена строительство государственных сооружений осуществлялось исключительно через систему подряда[27].

Формально за строительством государственных зданий на местах следили губернаторы, а губернский архитектор на протяжении всего процесса строительства непосредственно проверял, соответствует ли работа подрядчика плану и бюджету.

Анализ последующих по времени планов Воронежа также показывает, насколько разнообразной была деятельность губернского архитектора. Один из первых таких планов датирован 1777 годом и составлен землемером Прохором Акиндиновым. Этот план демонстрирует, что на регулярной основе город разросся на верхних отметках плато в северо-западном направлении. В том же году губернатор И. А. Потапов представил в Сенат описание Воронежской губернии, которое служит своего рода пояснением к плану. В нём говорится, что город благоустраивается, узкие и кривые улицы расширяются и выпрямляются, а вместо старых деревянных строений появляются каменные дома изящной архитектуры, в том числе двухэтажные и отмечается, что «к строению порядочному домов на казенном иждивении содержится архитектор»[28]. Данная информация указывает на последовательность и активность воронежских властей в реализации плана И. Е. Старова, а также подчеркивает важную роль губернского архитектора и объём работы, которую он выполнял.

---

[26] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1.. Д. 8. Л. 201, 202.

[27]Процесс выглядел следующим образом. Сначала выбирали подрядчика на торгах — того, кто предлагал наименьшую цену за строительство. Об итоговой цене сообщали Сенату, поскольку именно он давал распоряжение об организации торгов и контролировал правильность составления смет, на основе которых определялась начальная стоимость подряда. В качестве примера можно привести переписку между Воронежским наместническим правлением и Сенатом о строительстве винного магазина в Воронеже. В ней упоминается о «неправильной смете, составленной местным архитектором Иевским», и содержится указание «исправить её со всей тщательностью» (ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 183 об.). После того как Сенат одобрял стоимость, между казённой палатой и подрядчиком заключали договор на выполнение работ. Подрядчик должен был построить здание или сооружение самостоятельно, используя свои материалы и средства. После окончания строительства казна выплачивала подрядчику оговорённую сумму.

[28] Воронежские губернские ведомости. 1848, № 4. С. 25.

На краю «Карты составляющемуся Воронежскому наместничеству»[29], датированной августом 1779 года, есть чертёж Воронежа. Карту подписали исполнитель подполковник Христофор Финстель и наместник генерал-поручик Е. А. Щербинин. План города небольшой, примерно 20 см на 15 см. На нём нет названий улиц и пояснений. Показаны лишь самые значимые каменные и деревянные здания, расположенные в основном вдоль Большой Дворянской улицы, на которой в частности отмечен дом губернатора Потапова со службами (рис. П.3).

Тем не менее, этот фиксационный план Воронежа наглядно показывает, как архитектурная служба всего лишь за пять лет кардинально изменила планировку города. На чертеже видно, что на плато она уже практически полностью соответствует плану 1774 года, а прибрежную часть города постарались привести к некоему подобию регулярности.

Это подтверждается и запиской 1779 года Е. А. Щербинина, адресованной Екатерине II[30]. В ней говорится: «Город Воронеж… по опробованному е. и. в. плану новым каменным и деревянным строением умножаетца…». В 1780 году на плато начали строить и двухэтажный дом самого наместника. Архитектор Н. Н. Иевский расположил его на Большой Дворянской улице (на месте современного углового корпуса ВГУИТ) и тем самым, как было уже отмечено, положил начало формированию нового административного центра в Воронеже.

На карте Воронежского наместничества внизу есть изображения трех фасадов жилых домов, которые должны были использовать при строительстве в губернском центре. Эти проекты представляют собой одноэтажный деревянный дом, имитирующий каменную постройку, а также двух- и трёхэтажные дома из камня.

Однако, как показали проведенные исследования, в последней четверти XVIII века строительство в Воронеже не было простым копированием образцовых проектов. Это объясняется тем обстоятельством, что в проектах, созданных правительственной «Комиссией от строений…», специальными оговорками позволялось вносить изменения в архитектурный декор фасадов и внутреннюю планировку, исходя из экономических возможностей и желания застройщика. Губернская архитектурная служба Воронежа активно пользовалась этими оговорками.

Карта Воронежского наместничества представляет интерес и планами старых и новых уездных городов включенных в его состав. Всего их

---

[29] РГВИА. Ф. ВУА. – Д. 18667. ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 4. Л. 202 . Воронежское наместничество просуществовало до 1796 г. Территориально оно полностью соответствовало Воронежской губернии.

[30] Города Воронежского наместничества. Записка Е. Щербинина Екатерине II. 1779 г. // Воронежский край в XVIII веке. Документы и материалы по истории края. Воронеж, 1980. С. 157.

четырнадцать и они дают наглядное представление об их дорегулярной планировке.

26 сентября 1779 года был утверждён штат Воронежской губернии, в соответствии с которым в состав губернского правления была впервые официально введена должность губернского архитектора. С этого момента Н.Н. Иевский, как государственный служащий, отвечал не только за застройку губернского центра, но и за территорию в 50 тысяч квадратных вёрст. На этой территории под его надзором велось строительство дорог, мостов, а также присутственных мест, соляных магазинов, денежных кладовых и острогов в уездных городах.

Здесь стоит упомянуть оклады чиновников Воронежской губернии, ответственных за архитектурно-градостроительные вопросы, которые были определены штатным расписанием губернии. Так, уездный землемер получал 300 рублей в год, губернский землемер — 400 рублей, а губернский архитектор — 300 рублей. Меньший оклад архитектора по сравнению с землемером можно объяснить периодом активного освоения новых земель государством, когда требовалось быстро обеспечить эти территории необходимыми картографическими и градостроительными документами.

Воронеж, став центром наместничества, начал развиваться быстрее. По инициативе Е. А. Щербинина город стали активно благоустраивать для того чтобы его облик соответствовал новому административному статусу. Требования к застройщикам стали выше, из-за чего строительство закономерно подорожало.

Современник этих преобразований историк Е.А. Болховитинов отмечал, что с открытием Воронежского наместничества, Воронеж получил «лучший вид и знатность … по несравненно умножившимся от граждан строениям больших каменных и деревянных домов новейшей архитектуры. К чести Воронежского купечества надо сказать, что оно … старается украшать город многими хорошего вкуса зданиями»[31]. Лучшие здания в основном находились на Большой Дворянской.

Чтобы как можно быстрее сделать город таким, каким он должен быть согласно генеральному плану, губернатор И. А. Потапов собственноручно утверждал разрешения («билеты») на постройку частных домов и издавал указы, на основании которых губернский архитектор составлял документы на участки для строительства.

Историк А. Н. Акиньшин, изучив архивы ГАВО установил, что всего лишь за шесть месяцев 1780 года губернский архитектор Иевский выдал жителям 75 разрешений на перепланировку старых зданий, что свидетельствует об интенсивности ведения строительных работ в городе. В тоже время анализ этих документов показал, что большинство домов планировалось строить из

[31] Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии [вступительная статья и примечания А.Н. Акиньшина]. Воронеж, 2011. С. 45.

дерева на каменном фундаменте и высотой в один этаж. Только пять домов из общего числа должны были быть кирпичными.

Всего же, если судить по сохранившимся документам, Н. Н. Иевский за всё время пребывания на должности выдал несколько сотен таких разрешений. Их изучение доказывает, что перепланировка коснулась не только центральных улиц расположенных на возвышенности нагорного плато, но и отдалённых прибрежных районов. При этом землю под строительство домов выделяли не только на перекрёстках, что было нужно для скорейшего определения границ кварталов, но и по желанию воронежцев вдоль всех улиц.

В текстах сохранившихся «билетов» часто встречается требование строить дома в соответствии с выданным планом и фасадом. В документах подробно описывалось, где именно будут находиться новые дома относительно других зданий, которые служили ориентирами. Это было необходимо, поскольку тогда ещё не существовало нумерации домов. Используя старые названия улиц и различные планы Воронежа, можно достаточно точно определить, где находились новостройки, о которых в них идёт речь. Данная информация может представлять большой интерес при проведении предпроектных историко-библиографических исследований.

Здесь следует заметить, что размеры земельных участков отводимых под усадьбы сильно различались. По информации от историка архитектуры Л. В. Тыдмана[32], в период регулярной застройки за каждым домом должен был быть участок земли площадью не менее 800 квадратных метров, что вполне увязывается с местной практикой. В тоже время размер участка мог варьироваться в зависимости от социального статуса и финансового положения владельца. В случае Воронежа — от 8 до 70 соток, а усадьба губернатора И. А. Потапова, судя по плану 1779 года, вообще занимала более 3 гектаров. На размер участка влиял и рельеф местности: на неудобных для строительства территориях участки увеличивали, чтобы компенсировать недостаток ровной земли.

Вопрос о неравномерности участков и связанных с этим проблемах рассматривался в статье краеведа А. Шишкина[33]. Он привёл отрывок из обращения магистрата к генерал-губернатору В. А. Черткову, вероятно, датированного 1788 годом. В документе выражалась обеспокоенность возможным недостатком в городе свободных мест под застройку в ближайшем будущем и в частности, говорилось: «Особливо же дворянам обширные места… одному владельцу – по 3 и по 4 места не давать». Далее сообщается, что многие из дворян, отнюдь не имеющие нужды в излишнем пространстве дворовых мест, занимают саженей по 200-и, а «заняв таковые пространные места», не только не строят на них «порядочных хоромных домов», но даже не

[32] Тыдман Л.В. Изба, дом, дворец: Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000. С. 65.
[33] Шишкин А. Из забытого прошлого // Дон. 1897. 21 дек.

огораживают их, продают другим, крайне нуждающимся в местах, за очень высокую плату.

На фоне общей информации о размере и расположении участка выделяются «билеты», в которых, помимо обязательных данных, содержатся подробные инструкции по строительству дома и рекомендации по пожарной безопасности. В качестве примера может служить билет[34], выданный купцу М. М. Абрамову на новый участок. В нём указано, что строительство должно вестись в строгом соответствии с планом и фасадом, а также приведены конкретные требования к размерам фундамента, окон, кровли и труб. Кроме того, даны рекомендации по использованию материалов: кровлю следует делать епанчёй[35] из луба, а не «по берёзовой сколе»[36], печи сооружать только на каменных фундаментах, а трубы в потолке должны быть толщиной в полтора кирпича и выступать на полтора аршина от верха кровли.

Билет, выданный нотариусу И. А. Долгополову[37], содержит примерно такие же требования к строительству дома. Но особый интерес представляет заключение, в котором, помимо указания строить дом по плану и фасаду, содержится угроза сломать строение в случае нарушения. Также указано, что новое строительство можно будет начать только через год после такого наказания. Здесь же написано, что наружные стены дома необходимо обшить тёсом и украсить столярной работой, а фасад обязательно покрасить краской, как кровлю и стены.

В основном же тексты билетов похожи друг на друга, что можно рассматривать как своего рода свидетельство массового строительства новых жилых домов в Воронеже с использованием «образцовых» проектов. К каждому билету нужно было сделать чертёж фасада дома и план земельного участка. Учитывая масштабы строительства в послепожарный период и нехватку профессиональных кадров, без «образцовых» проектов обойтись (т.е. при индивидуальном проектировании) было бы почти невозможно.

Помимо ежедневной рутинной работы связанной с обязанностями губернского архитектора Н. Н. Иевский проявил себя и как талантливый архитектор. В период с середины 1770-х до начала 1780-х годов им были выполнены для Воронежа проекты целого ряда значимых казённых и общественных зданий.

В городе до наших дней сохранился дом губернатора И. А. Потапова, который сейчас занимает областной художественный музей имени И. Н. Крамского. Это трёхэтажное здание в стиле барокко, построенное в 1777–1779 годах на Большой Дворянской улице (рис. П.4). Его стилистические

---

[34] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 28, 29.

[35] Епанча – высокая четырехскатная кровля с горизонтальным ребром образующим конек.

[36] Речь идёт о том, чтобы при строительстве деревянной крыши в качестве подложки использовать более мягкую и волокнистую кору липы (луб), а не кору берёзы, которую из-за её жёсткости называли сколом.

[37] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

особенности и близкие отношения между губернатором и Н. Н. Иевским позволяют предположить, что именно губернский архитектор был автором проекта. Косвенным подтверждением этого является и то обстоятельство, что при строительстве здания он фактически выполнял не только надзорные функции, но и роль подрядчика.

Дом стоял в центре большого участка, огороженного каменной стеной. Перед главным входом, как тогда было модно, находился парадный двор с одноэтажными служебными постройками из камня. Ворота со стороны улицы вели внутрь двора, а за домом располагался большой разбитый по всем правилам регулярный сад.

Документально установлено, что при участии губернского архитектора были сооружены: каменный магазин для соли и солдатская школа (1776); линия из 255 симметричных каменных лавок на новой торговой площади (1779); дом аптекаря Зегера (1779), который позже выкупили для казны и превратили в первый городской почтамт; больница Приказа общественного призрения (1780). В 1777–1778 годах для городов Воронежской губернии Н. Н. Иевским были созданы типовые проекты уездных присутственных мест.

Деятельность архитектора получила высокую оценку современников. 17 февраля 1781 года наместник Е. А. Щербинин отправил в Сенат доношение, в котором написал следующее: «По представлении ко мне из наместнического правления по сообщению оного наместничества из уголовной палаты, какова приложена челобитная о награждении той палаты асессора коллежского асессора Николая Иевского с засвидетельствованием особо от... господина Потапова, что Иевский, как в рассуждении долговременной в оном чину бытности, так и за употребленные труды в разрегулировании по плану в городе Воронеже строения, где он исправлял должность архитектора с достойным похвалы рачением награждения заслуживает оного. Прошу Сенат в уважение его трудов произвести в чин надворного советника»[38].

В то же время сохранились документы губернского правления, которые свидетельствуют о том, что с советника палаты уголовного суда Иевского взыскали сумму, необходимую для ремонта соляного магазина в Воронеже. При этом стоит отметить, что с момента строительства магазина прошло 14 лет, и почти 10 лет минуло с тех пор, как Иевский перестал быть губернским архитектором. Этот факт из его биографии ярко демонстрирует, насколько архитектор в то время был ответственен за свои решения.

Государственный соляной магазин, как было принято в то время, построили на главной торговой площади города. Проект прислали из Московской главной соляной конторы (рис. П.5), а надзор за его реализацией указом губернской канцелярии был возложен на губернского архитектора в соответствии с указом губернской канцелярии от 11 июня 1776 года.

При эксплуатации на стенах магазина появились трещины, что в перспективе грозило обрушением. Поэтому поводу наместническое правление

[38] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 27. Л. 120.

и Сенат начали активную переписку. К 1789 году она превратилась в целое дело под названием «О постройке в Воронеже соляного магазина»[39]. Из его материалов стало известно, что Сенат предложил взыскать с архитектора 1697 рублей, необходимых для ремонта магазина. Однако губернатор И.А. Потапов заступился за него. В результате сумму, которую должен был выплатить Н.Н. Иевский, уменьшили на 542 рубля. При этом остаток денег Сенат предложил взыскать из жалованья надворного советника или провести ремонтные работы самостоятельно до следующего лета.

Можно предположить, что Н.Н. Иевский выбрал второй вариант, поскольку он требовал меньше затрат. В связи с этим интересна версия В.А. Митина о том, что контрфорсы по периметру стен, изображённые на фиксационном чертеже 1803 года губернского архитектора В.Б. Белокопытова, были спроектированы Н.Н. Иевским и построены на его средства. Это техническое решение должно было предотвратить дальнейшее разрушение соляного магазина.

В 1781 году, когда в штате не было губернского землемера, Н.Н. Иевский, уже асессор уголовной палаты, был отправлен устанавливать границы с соседними губерниями. Стоит отметить, что и в дальнейшем из-за нехватки специалистов знания и навыки архитектора не раз оказывались востребованными. Так, в 1790 году советник уголовной палаты Н.Н. Иевский вместе «с механиком Валером» и архитектором Сахаровым привлекался для оценки зданий, построенных для губернского и городового магистратов[40].

Н.Н. Иевский числился в уголовной палате, но фактически исполнял обязанности асессора седьмой экспедиции казённой палаты. Эта экспедиция с 1781 года контролировала государственные расходы на строительство в губернии. Всего же в воронежской губернской казённой палате было два асессора, которые рассматривали дела по строительной части. В тоже время Н.Н. Иевский тесно сотрудничал со строительной экспедицией, в которую входили губернский архитектор и губернский землемер.

Сохранилось мало информации об этой стороне деятельности казённой палаты. Известно, что в 1781 году палата обратилась к наместническому правлению с просьбой передать финансирование строительства кирпичных заводов и соляных магазинов в Землянске приказу общественного призрения. Палата участвовала в строительстве кирпичных заводов и в других уездных центрах. Однако, согласно рапортам вице-губернатора Ф.И. Ярцова от 1790 года, не удалось найти мастеров и рабочих для этих целей, поэтому было решено продать сооружения для производства государственного кирпича в 13 уездных городах[41]. Возможно, это решение было связано с приостановкой казённого кирпичного строительства во время русско-турецкой войны.

---

[39] РГАДА. Кн. 4590. Л. 35-89.
[40] ГАВО. Ф. И-14. Д. 213. Л. 4.
[41] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 34. Л.184 об.; Д. 212. Л.109, 129 об.

Тем не менее, важно отметить, что именно казённая палата контролировала строительство всех питейных заведений и соляных магазинов, поскольку винная и соляная монополии находились под строгим государственным контролем. Поэтому в 1780-х годах в Воронежском наместничестве активно строились эти сооружения.

.А. Щербинин в своих письмах к окрестным наместникам часто просил прислать в Воронеж архитекторов и землемеров, так как таких специалистов не хватало. Особенно остро проблема укомплектования кадрами стояла в землемерной службе, которая была более разветвлённой по сравнению с архитектурной, поскольку охватывала всю территорию наместничества. Губернскому землемеру подчинялась губернская чертежная, которая занималась оформлением межевых документов, а также уездные землемеры. Их количество зависело от числа уездов, которых в Воронежской губернии на 1779 год было 15.

Ситуация осложнялась тем, что в 1781 году началась масштабная работа по разграничению (по размежеванию) границ Воронежской губернии с соседними губерниями, которая длилась почти два года. Кроме того внутри самой губернии проводилось размежевание границ уездов.

Землемеры занимались не только геодезической съёмкой территорий, межеванием казённых земель и разделом земель по купчим крепостям, измерением городских мест, отводимых под застройку, привязкой зданий на местности, копированием планов, но и топографическими съёмками городов и сёл, на которые наносились существующие здания. Также их часто привлекали к надзору за строительством казённых зданий в уездных городах и составлению смет, что было обусловлено полным отсутствием архитекторов в уездах.

Среди землемеров, работающих в уездах, высоко ценились знания в области архитектуры. Например, Нижнедевицкого землемера Г.Г. Шпажинского, который «имеет склонность, охоту и знание в правилах архитектуры», наместник В.А. Чертков попросил межевую экспедицию Сената назначить уездным землемером в Острогожскую округу. Это было сделано для того, чтобы Шпажинский, помимо выполнения своих основных обязанностей, мог следить за строительством в городе Острогожске, которое требовало профессионального архитектурного надзора. Эта просьба была удовлетворена указом Сената от 31 июня 1792 года[42].

После создания Воронежского наместничества возникла необходимость в разработке новых регулярных планов уездных городов. Поскольку не хватало специалистов-архитекторов, эту работу пришлось выполнять землемерам. Предложения по изменению старых планировок были направлены в Сенат, а затем доработаны архитекторами «Комиссии». В письме наместника В.А. Черткова от 2 марта 1784 года, адресованного статс-секретарю императрицы графу А.А. Безбородко, сообщается, что эту работу по подготовке планов «к

[42] ГАВО. Ф. И-14. Оп.1. Д. 246. Л.186, 186 об.

высочайшей конфирмации» возглавил известный столичный архитектор Фёдор Иванович Волков.

Документально подтверждено, что план города Боброва с прилегающей территорией был разработан в 1780 году уездными землемерами Г. Дьяконовым и Е.А. фон Коловым[43]. Г.Г. Шпажинский участвовал в создании вариантов плана Нижнедевицка, где он работал уездным землемером до 1792 года[44]. Губернский землемер С.П. Владыкин совместно с Е.А. фон Коловым в 1785 году разработали генеральный план города Павловска[45]. Новые регулярные планы воронежских уездных городов были утверждены 20 апреля 1786 года.

Владыкин фактически создал службу уездных землемеров и руководил ею в течение 15 лет. Результаты его работы по подбору кадров отражены в протоколах заседаний Воронежского наместнического правления. Так, в «приговоре» от 29 октября 1780 года находим: «Инженер-прапорщика Егора Колова[46] определить Павловским уездным землемером», и далее «Об определении уездными землемерами подпоручика Никиты Сербина, архитектурии ученика Петра Сахарова. Первого определить в Богучар, второго определить куда нужно, когда он прибудет в Воронеж»[47].

Пётр Никифорович Сахаров, второй губернский архитектор, до переезда в Воронеж служил в Москве в Государственной коллегии экономии и Каменном приказе. В феврале 1781 года он был назначен землемером Воронежской округи, а в апреле того же года сменил Н.Н. Иевского на посту губернского архитектора.

Предложение о назначении Сахарова на эту должность было сделано Е.А. Щербининым 29 апреля 1781 года в обращении к наместническому правлению[48]. В документе говорится, что Сахаров проявил себя как специалист в архитектуре и может эффективно выполнять обязанности губернского архитектора. На просьбу назначить землемера Петра Сахарова на должность архитектора Воронежской округи, отправленную из Петербурга, ответили отказом 8 июня 1781 года. Официальная причина отказа — нехватка землемеров. Однако, как показывают архивные документы, Сахаров фактически выполнял обязанности и землемера и архитектора: участвовал в создании карт наместничества и уездов, регулярных планов уездных городов и отводил в них участки под каменное строительство.

---

[43] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18667.

[44] Кригер Л.В., Чесноков Г.А. Архитектура исторических городов Воронежской области. Воронеж, 2002. С. 281.

[45] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 31; Ф. 1399. Оп 1. Д. 326.

[46] Егор фон Колов был прислан в Воронеж из Смоленской межевой конторы (ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 18. Л. 50 об.).

[47] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 8. Л. 104, 106 об.

[48] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 261, 261 об.

Согласно документу «Производство в чины уездных землемеров» от 8 октября 1782 года, штат землемеров был практически укомплектован. Помимо упомянутых ранее семи землемеров, в документе значатся ещё восемь. Это позволяет сделать вывод, что к тому моменту в 12 из 15 уездов уже были свои землемеры[49].

Вместо Сахарова на должность губернского архитектора назначили Ивана Ивановича Волкова (середина XVIII века — после 1828 года). Он дважды занимал эту должность: с 1783 по 1793 год и с 1804 по 1807 год. Первый раз Волков был губернским архитектором во время правления Воронежским наместничеством генерал-губернатора В. А. Черткова, которого назначили в 1782 году вместо Е. А. Щербинина. Чертков, как и Волков, приехал в Воронеж из Азовской губернии и поэтому они были наверняка знакомы.

При поддержке наместника архитектор активно работал над реализацией регулярного плана города 1774 года. Он занимался выпрямлением и расширением ряда улиц (их нынешние названия: Сакко и Ванцетти, Софьи Перовской, Чернышевского, 25-го Октября), составлял сметы на ремонт и строительство государственных зданий и сооружений, а также выдавал жителям разрешения и чертежи на постройку домов. Как губернский архитектор, он выполнял и распоряжения казённой палаты, касающиеся освидетельствования и проектирования объектов не только в Воронеже, но и на территории наместничества.

Среди чертежей архитектора значительную часть составляют созданные с использованием «образцовых» проектов. В тоже время есть и полностью авторские проекты, которые в значительной степени способствовали формированию нового архитектурного облика города. Именно они говорят о высоком мастерстве зодчего[50].

Одним из первых государственных заказов И. И. Волкова стал проект 1784 года по перестройке дома аптекаря А.И. Зегера под здание почтовой конторы (рис. П.5). Сейчас на этом месте находится Главпочтамт (проспект Революции, 25). В районе современных улиц Кости Стрелюка и Володарского по проекту Волкова в 1788–1790 годах были построены двухэтажные здания губернского и городского магистратов (ныне утрачены). Однако строительство этих объектов принесло архитектору немало проблем. Весной 1790 года в готовых зданиях обнаружили дефекты. Для их проверки наместник В. А. Чертков создал комиссию, по результатам работы которой с подрядчика взыскали две тысячи рублей, а архитектору перестали выплачивать жалование до устранения недостатков.

Долгое время украшением города был дом сына генерал-губернатора Д. В. Черткова, который построил И. И. Волков в 1792 году. Дом находился на углу современных улиц Ф. Энгельса и Чайковского, а с 1824 года в нём размещалось Дворянское собрание. В первозданном виде сохранилась построенная 1804–

[49] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 125. Д. 58. Л. 24.
[50] РГАДА. Ф. XVI. Граф. материалы, № 919, 950, 1016, 1017.

1819 годах по проекту Волкова Алексеевско-Воскресенская церковь в Алексеевском Акатовом монастыре Воронежа. К сожалению жилой дом самого архитектора в значительной степени утратил первоначальный облик (улица К. Маркса, 43).

В рапорте от 14 января 1792 года коменданта города Костромитинова И. И. Волков всё ещё упоминается как «землемер, исправляющий должность архитектора»[51]. С 1 января 1792 года его должен был сменить Лаврентий Калиновский, служивший в Курском наместничестве. Однако по каким-то причинам этот перевод не состоялся, и Волков продолжал исполнять обязанности губернского архитектора ещё год. Вероятно, именно это обстоятельство побудило наместника В. А. Черткова написать в донесении, адресованном Сенату, что «по неимению в Воронежской губернии положенного по штату губернского архитектора… исправление оной должности, как в губернском, так и в уездных городах, препоручается людям, у других должностей находящихся, знающих архитектуру»[52].

Именно таким человеком был И. И. Волков, который с 28 января 1791 года совмещал работу губернским архитектором с должностью Калитвянского уездного землемера. В указе Сената межевой экспедиции от 20 мая 1793 года «О производстве землемеров в следующие чины», вышедшем уже после освобождения Волкова от обязанностей губернского архитектора, он фигурирует как уездный землемер и упоминается как «заштатный» архитектор[53]. Возможно, в этом качестве И. И. Волков пребывал до 1804 года, то есть до его нового назначения на должность губернского архитектора.

Реализация нового плана застройки Воронежа сопровождалась рядом проблем. Одной из них стало самовольство погорельцев, которые спешно возводили свои дома без учёта общего плана. Ситуация изменилась после того, как В. А. Чертков пригрозил снести все заборы на улицах. После этого в городе начали массово появляться «лицевые строения», т.е. здания выходившие фасадом непосредственно на улицу, как это предполагалось по генплану. Большая часть работы по перепланировке города была выполнена именно во время его наместничества.

Сохранившиеся в архиве документы демонстрируют масштаб работы В. А. Черткова по созданию нового архитектурного облика Воронежа. Он составил и подписал множество документов, регулирующих жизнь города в соответствии с регулярным планом, включая рекомендации по благоустройству улиц. Такая активность губернатора объясняется тем, что успех в реализации генерального плана значительно влиял на расположение монарха.

При В. А. Черткове центральные районы города начали застраиваться ансамблями административно-общественных и культовых зданий в духе русского классицизма. Одним из примеров таких ансамблей является комплекс

---

[51] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 247. Л. 4.
[52] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 246. Л. 186.
[53] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 27. Л. 266; Д. 268. Л. 116.

зданий Воронежской епархии, перестроенный по проекту знаменитого столичного архитектора Джакомо Кваренги в 1784–1787 годах (рис. П.6, П.7). Обновлённый ансамбль епархии с 70-метровой колокольней замыкал на себя перспективу трёх главных улиц Воронежа.

Здесь следует отметить, что в XVIII веке возведение религиозных сооружений проходило без участия губернских архитектурно-строительных служб. Этот процесс регулировался «храмозданными грамотами», которые выдавали епархиальные архиереи. Иногда церковные власти обращались напрямую к архитекторам, как это вероятно произошло с Д. Кваренги. Только этим предположением можно объяснить, почему придворный архитектор взялся за проект перестройки епархиальных зданий в провинциальном Воронеже.

Ещё один важный ансамбль к сооружению, которого приступили — это комплекс административных зданий наместнических и губернских присутственных мест на Большой Дворянской улице (рис. П.8, П.9). По мнению В. А. Митина, проекты всех зданий входивших в него выполнил также Д. Кваренги[54]. Однако более убедительной кажется точка зрения А. Ф. Крашенинникова, столичного историка архитектуры. Согласно его мнению, Д. Кваренги был автором только центральной части комплекса (гражданской, уголовной и казённой палаты), созданного по указу императрицы на основе переработки ранее выполненного проекта И. Е. Старова[55]. Повышенное внимание к комплексу губернских присутственных мест вполне закономерно, поскольку среди казённых зданий, которые в первую очередь ассоциировались с властью, они играли главенствующую роль.

Воронежская казённая палата 23 ноября 1787 года сообщила в Сенат, что заключила контракт на строительство зданий для наместнического правления с воронежским купцом Иваном Нечаевым. К сообщению была приложена копия контракта, в которой описывался процесс строительства и указывались материалы для изготовления фундаментов, стен, перекрытий и других элементов зданий. Поручителями по контракту выступили известные купцы и фабриканты: Василий Тулинов, Иван Иванов сын Тулинов и Дмитрий Андреев сын Гарденин[56].

Тем не менее, проект архитектора Кваренги не был реализован полностью. В 1787–1788 годах построили только двухэтажный корпус казённой палаты (проспект Революции, 21). Завершить строительство помешала война с Турцией, в связи с чем в 1788 году было решено прекратить финансирование строительства присутственных мест в губерниях до особого распоряжения. Тем не менее, в период с 1788 по 1795 год на Большой Дворянской улице всё же

---

[54] Митин В.А. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало Большого Воронежа. В 2 т. Т. 2. Екатерининский классицизм. Воронеж, 2010. С.91.

[55] Крашенинников А.Ф. Проекты архитектора Кваренги для Воронежа // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. Воронеж, 1985. С. 185.

[56] РГАДА. Ф. 248. Д. 950. Л.209 – 213.

были построены губернские присутственные места. Они были значительно скромнее, чем планировалось для наместнического правления. Эти здания представляли собой четыре двухэтажных корпуса, построенных по обеим сторонам от места, где должны были располагаться комплекс наместнического правления. С большой долей вероятности можно утверждать, что эти здания были спроектированы губернским архитектором И. И. Волковым, который использовал как основу фасады зданий с чертежей Кваренги (рис. П.10)[57]. В любом случае именно Волков составил смету на строительство наместнического правления, гражданской и уголовной палат, трёх каменных корпусов и двух галерей. Он также руководил отводом участков, выбором подрядчиков, организацией торгов и строительством всего комплекса. Он же заверил копии чертежей Кваренги «на построение…каменных палат» в Воронеже, которые, возможно, он сам и выполнил[58].

Из письма Кваренги[59], написанном в 1784 году наместнику В.А.Черткову, можно также сделать вывод, что некий воронежский архитектор мог участвовать в реализации его проектов в Воронеже. В письме обсуждается возможная реконструкция дома губернатора И. А. Потапова. Кваренги сообщает, что готов предоставить необходимые шаблоны и обещает учитывать все пожелания и требования архитектора, ответственного за проект.

Этот дом предлагалось передать в казну в 1785 году и перестроить для генерал-губернатора. В. А. Чертков аргументировал это решение в письме к А. А. Безбородко, указывая на экономию в размере 10 279 рублей по сравнению с новым строительством. Тем не менее, дом не был принят в казну, и в 1800 году его продали коменданту Воронежа, генерал-майору П. А. Сандбергу, и губернскому архитектору, коллежскому асессору В. Б. Белокопытову[60].

В документах 1784 года, опубликованных А. Шишкиным, содержится список из 27 наиболее значимых городских объектов. Первым в этом списке упоминается губернаторский дом. О нём и других важных объектах города также сообщается в «Топографическом описании Воронежского наместничества», составленном в 1785 году С. И. Линицким. В этом документе описывается масштабное строительство в городе: «Сверх оных по высочайше конфирмованным вновь планам начато строение казённых присутственных мест и перестраивается архиерейский дом с колокольнею, училищным домом с библиотекою по новой архитектуре; так же и в городовых построениях, лавках и в частных домах великая прибавка; и всюду видны вновь производящиеся

[57] В 1890-х годах на территории занимаемой ныне корпусами ВГУИТ снесли две постройки. Ныне сохранились корпус губернского правления и корпус уголовной и гражданской палат. Сейчас у них общий адрес — проспект Революции, 23. В 1857–1859 годах эти дома соединили вставкой, которая немного выступает вперёд (рис. П.11). В ходе послевоенной реконструкции проспекта Революции у здания появился ещё один этаж.

[58] РГАДА. Ф. 248, граф. материалы. Д. 949.

[59] Вестник постройки Воронежского губернского музея. Воронеж, 1914, № 2. С. 8.

[60] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 656, ч. 1. Л. 49.

каменные и деревянные строения. Кирпичных заводов, как в городе, так и за городом - 59… Кирпич продается от 3 до 3 рублей 50-ти копеек тысяча»[61].

В 1786 году на строительство кирпичных заводов в уездных городах выделили 6000 рублей[62]. Вероятно, такое решение призвано было уменьшить дефицит кирпича и, возможно, предотвратить рост цен на него. Это предположение основано на информации, обнаруженной в тексте письма наместника Е. А. Щербинина графу А. Р. Воронцову, написанном в 1781 году. В нём в частности говорится, что кирпич «с економических заводов» продаётся по цене не более 2 рублей 60 копеек за тысячу[63]. Из этого можно сделать вывод, что всего за четыре года его стоимость увеличилась почти на рубль.

Зная цену кирпича, можно примерно рассчитать стоимость строительства небольшого одноэтажного кирпичного дома размером 6 м х 9 м. Она составит не менее 200 рублей только за фундамент и стены. Для того чтобы оценить значение этой суммы приведём стоимость коровы в ценах того времени – она стоила от одного до двух рублей. Сравнение этих двух цифр весьма наглядно показывает, насколько дорогим было кирпичное строительство в те годы. Тем не менее, если в 1777 году в Воронеже было всего 76 обывательских каменных домов, то к концу века их стало уже 272, многие из которых были двухэтажными.

Несмотря на потерю многих архивных материалов в годы Великой Отечественной войны, в ГАВО, в фонде Воронежской городской думы (И-61), сохранился небольшой массив документов, представляющих интерес для воссоздания истории застройки Воронежа. Он включает переписку наместнического правления и губернской администрации с городской думой по вопросам хозяйственной жизни, благоустройства и переустройства градостроительной структуры Воронежа.

Из документа от 22 ноября 1785 года[64], подписанного В. А. Чертковым, мы узнаём о создании в городе комиссии по урегулированию дворов. Её цель — защитить хозяев от убытков, если часть их дворов отойдёт под казённые строения, улицы, площади или соседние дворы. В состав комиссии вошли комендант города полковник Костромитинов, губернский землемер Владыкин и губернский архитектор Волков.

Комиссия должна была взыскивать средства с владельцев дворов, в состав которых войдут прирезанные куски, а деньги, полученные от этих сборов, использовать для расчетов с теми, от кого эти участки отошли и на благоустройство города.

---

[61] Описание Воронежского наместничества 1785 года. Воронеж, 1982. С. 41 – 42.
[62] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 655. Л. 19.
[63] Письма Евдокима Алексеевича Щербинина к графу Александру Романовичу Воронцову. 1774 - 1782 гг. Публикация, предисловие и примечания Н.П. Воскобойниковой // Из истории Воронежского края. Сб. статей. Воронеж, 2009. Вып. 16. С. 241.
[64] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 142, Л. 3 об., 4.

Проблемам благоустройства Воронежа посвящено достаточно много документов. Так, например, Чертков, ссылаясь на полицейскую инструкцию, предписывает магистрату города обязать владельцев дворов убирать улицу до середины напротив своего дома. Здесь же говорится о необходимости выравнивания и мощения улиц. Предложение генерал-губернатора было принято магистратом, в связи, с чем губернского архитектора Волкова обязали представить «ведомость, по коей исчислить, какое количество квадратных саженей находится под дворами», с тем чтобы собирать по одной четверти копейки с каждой квадратной сажени[65]. В документе, опубликованному в газете «Дон», по ведомости, составленной Волковым, выборный от всех жителей Воронежа купец Русинов собрал на мощение улиц за два года (1786 и 1887) сумму в 1465 рублей 21 копейку[66].

В 1786 году наместническое правление поручило губернскому архитектору скопировать и предоставить в городской магистрат план Воронежа, чтобы город был осведомлён о своих границах. Это распоряжение, вероятно, было связано с необходимостью выполнения пункта 3 «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи». Им категорически запрещалось застраивать и распахивать получаемые от казны городские выгоны. Чтобы не нарушать этот запрет, нужно было точно знать, где проходит городская граница. Работа по размежеванию городской и выгонной земли была проведена в июне 1790 года землемерами Томилиным и Васильевым[67].

Наместническое правление в соответствии с правительственными рекомендациями требовало от губернских архитекторов не отдавать под частную жилую застройку участки на улицах и площадях, которые могут быть полезны для общественных и казённых зданий. Однако на практике это распоряжение не всегда удавалось реализовать, поскольку, как показывают архивные документы, строгого учета кому, когда и какие участки были переданы под застройку, не велось. Поэтому бывало, что «запримеченные думой выгодные для городового строения» места уже кому-то принадлежали.

Чтобы впредь подобных проблем не было, наместническое правление в феврале 1789 года приказало городской думе собрать все выданные жителям планы и выписки на усадебные места для снятия копий и составления обывательской книги. Наличие такой книги было предусмотрено «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года, где в разделе «А», пункт 9 говорилось, что городской магистрат должен её иметь с описанием всех городских домов, строений, мест и земель, пронумерованных для удобства[68]. Составление обывательской книги дало думе возможность лучше понять реальное состояние города и усилить контроль над процессом застройки в

[65] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 142. Л. 3
[66] Шишкин А. Из забытого прошлого // Дон. 1897. 21 дек.
[67] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 196. Л. 7 .
[68] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 22, № 16187.

Воронеже. Нумерация упростила работу с документами и облегчила навигацию по городу.

Также наместническое правление потребовало от застройщиков быстрее строить дома на выделенных участках и выдавать выписки на новые места только тем жителям, которые могут построить дом, соответствующий требованиям участка. Если, например, горожанин не мог построить каменный дом на своём участке, расположенном в районе, где предполагалось каменное строительство, участок передавался более состоятельным жителям. Всё это показывает стремление властей как можно раньше изменить облик Воронежа в соответствии с новациями, идущими из столицы.

В бумагах В. А. Черткова, датированных 1784 годом, есть документ, который называется «Пособие к выстроению губернских городов и к облегчению градских жителей»[69]. В нём предлагается давать гражданам льготы при строительстве домов: для каменных домов — на 7 лет, для деревянных — на 4 года, и даже освобождать от сбора «поземельных денег». Он также предлагал делить город на три части в зависимости от близости к центру: в первой строить каменные дома или дома на каменном фундаменте со сводами, чтобы в будущем можно было построить каменные дома; во второй — дома на обычном каменном фундаменте; в третьей — деревянные дома. Здесь следует заметить, что согласно приказу 1785 года, каменные дома нужно было строить за пять лет, а деревянные — за три года[70]. Исходя из этого можно сделать вывод, что предложения Черткова были максимально адаптированы к местным реалиям определяемым экономическими возможностями горожан.

В марте 1789 года В. А. Чертков отдал распоряжение городской думе, чтобы застройщики построили дома на выделенных участках в установленные сроки[71]. В апреле того же года наместник приказал городской думе продлить Большую Дворянскую улицу до Новой Московской улицы. В ордере губернскому архитектору И. И. Волкову объяснялось, что это решение принято для улучшения коммуникации в городе, и указывались границы купеческих дворов, которые нужно изменить. Далее в ордере говорилось: «Извольте, ваше благородие, ту улицу пробить кольями». Колья использовались для визуального восприятия ширины новых улиц и размеров будущих кварталов[72].

В мае В. А. Чертков предложил наместническому правлению как можно скорее исправить новую улицу, ведущую к мосту через реку Воронеж. В выполнении этой задачи участвовал премьер-майор губернский землемер Владыкин. Строительные работы выполнялись городской властью, за которую отвечали Воронежский комендант П. А. Сандберг и гласные городской думы[73]. В результате масштабных земляных работ был создан пологий спуск по склону

[69] РГАДА. Ф. 16. Оп. Д.1000, ч. 1. Л.105, 106.
[70] Шквариков В.А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века. М., 1939. С. 184.
[71] ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об.
[72] ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об, 66, 67.
[73] Там же. Л. 69.

Чернавского лога. Новая улица, соединившая центр города с Чернавским мостом, получила название Большая Чернавская (сейчас она называется улицей Степана Разина). До сих пор на ней под номером 43 находится здание суконного цеха купцов Гардениных, более известное как «Арсенал». Его построили в конце 1770-х годов, когда начались работы по созданию уличного спуска к реке.

В августе 1790 года архитектора И.И. Волкова обязали каждую неделю по вторникам и четвергам приходить в городскую думу для решения споров, связанных с застройкой города[74]. Это распоряжение занимало много рабочего времени, поэтому в мае 1792 года Воронежское наместническое правление предписало, чтобы И.И. Волков или его помощник приходили в думу только для определения размеров участков между спорящими сторонами[75]. Однако уже в июне того же года этот вопрос снова стал актуальным. Учитывая размеры города и объём работы, которую должен был выполнять архитектор, было решено освободить его от участия в отводе участков под строительство. Эти обязанности, а также все остальные задачи, связанные с обустройством города, передали губернскому землемеру. И.И. Волкову оставили право составлять планы и фасады зданий. Такое распределение обязанностей было оправдано сложностью тех задач, которые ежедневно решала архитектурная служба для обебспечения скорейшей реализации генерального плана.

Ремонт старых улиц в соответствии с этим планом теперь должен был проводиться под надзором местного уездного землемера, а архитектор определял размеры дворовых участков, вдоль которых должны были проходить обновлённые улицы. Об этом говорится в указе Воронежского наместнического правления городской думе от 17 октября 1790 года[76]. Из этого документа следует, что для успешной реализации этих работ было решено собирать с жителей денежные средства: по ½ копейки с каждой квадратной сажени площади, отведённой под дом, и по 2 копейки с каждой сажени длины участка, выходящего на красную линию застройки вновь проложенной улицы. Основным документом, подтверждающим право собственности на участок, была «крепость» — гербовая бумага с указанием уплаченных пошлин. Устройство города по «конфирмованному плану» вызвало у воронежцев много беспокойства и потребовало значительных финансовых вложений.

Документы показывают, что потребовалось больше десяти лет, чтобы наладить взаимодействие между наместническим правлением, городскими властями и службой губернского архитектора. Как результат этой работы можно рассматривать указ Воронежского наместнического правления, который получили в городской думе 1 марта 1789 года[77]. В нём подробно описан

---

[74] ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.
[75] ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л.163.
[76] ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л.118.
[77] ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 59 – 61. Воронежская городская дума приступила к работе в 1787 г.

порядок реконструкции и оформления новой городской застройки в соответствии с генеральным планом 1774 года. Здесь же раскрывается порядок взаимоотношений властей и жителей по вопросам застройки городских улиц, а также роль губернского архитектора в этом процессе. Из текста указа следует, что участки для строительства в Воронеже выделяли только по заявлению в наместническое правление. При этом заявитель должен был предоставить план с фасадом постройки, который лично визировал губернский архитектор.

В 1789 году в ходе реализации в стране программы «генерального межевания» направленной на уточнение границ губерний и уездов был составлен новый фиксационный план Воронежа. Этот чертеж представлен на карте под названием «Генеральный план Воронежского уезда»[78]. План содержит информацию о застройке города в пределах земляного вала, определяющего его границы. К валу прилегают две слободы: Беломестная на севере и Чижовка на юге. Слобода Придача расположена на востоке, на другом берегу реки. К ней ведёт широкая дамба длиной в полтора километра, построенная в 1786 году от Чернавского моста.

Первое упоминание о строительстве самого Чернавского моста датируется 1768 годом. Изначально он был деревянным наплавным, и поэтому после весеннего половодья его приходилось каждый раз строить по существу заново. На рассматриваемом плане показан новый, более удобный съезд к мосту из города, о сооружении которого говорилось выше.

В связи с необходимостью строительства мостов через реки в губернии, в документах Воронежского наместнического правления за 1788 год впервые упоминается губернский механик. Архитекторы не могли полностью обеспечить надёжность мостов из-за отсутствия знаний в области механики. Поэтому потребность в таком специалисте была высока, особенно после весенних паводков, когда мосты нуждались в осмотре и частом ремонте. Установлено, что в 1795 году на эту должность был назначен Карл Густав Михелис[79].

На рубеже XVIII–XIX веков губернский землемер Егор Адамович фон Коловой создал ряд картографических материалов по Воронежу и губернии. Среди них выделяется «План Воронежской губернии губернского города Воронежа с лежащей трёхверстной ситуацией», выполненный вместе с воронежским уездным землемером А. З. Артемьевым[80]. К плану города прилагается подробная экспликация, объясняющая характер застройки кварталов, назначение или принадлежность наиболее значимых зданий. В целом план носит описательный характер: на нём, в частности, показано, что старые приречные улицы были выпрямлены и частично перепланированы, хотя это не предусматривалось планом И. Е. Старова.

---

[78] РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 713.
[79] ГАВО. Ф. И-14. Д. 306. Л. 32.
[80] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21837.

По сравнению с предыдущим планом видно, что город немного вытянулся в северо-восточном направлении вдоль реки за счёт появления новых кварталов и улиц. Именно поэтому одной из самых важных стала улица Большая Девиченская (ныне ул. Сакко и Ванцетти), которая соединила Акатово с остальной частью города. У слободы Беломестной впервые показана загородная резиденция воронежского епископа, которая располагалась напротив современного Центрального городского парка. В левобережной части изображена слобода Придача с суконной фабрикой и деревня Клементьевка (более известная как Монастырщенка). На чертеже также показаны дороги, ведущие в Воронеж из соседних городов, направление которых чётко отражено в планировочной структуре губернского центра благодаря сложившейся застройке. Поскольку чертёж фиксационный, то он достаточно наглядно отразил результаты работы губернских архитекторов И. И. Волкова и сменившего его на этом посту В.Б. Белокопытова

В документах губернского правления за 1793 год есть записка В.А. Черткова, где он соглашается на назначение инженер-поручика Василия Белокопытова на место архитектора Волкова[81]. Утверждение произошло в феврале, но И.И. Волков ждал сменщика около четырёх месяцев. После отставки, будучи «заштатным архитектором», он продолжал работать над проектами и неоднократно привлекался к наблюдению за строительством городских объектов.

Василий Борисович Белокопытов дважды занимал должность губернского архитектора (с июня 1793 г. по февраль 1804 г., с мая 1807 г. по июнь 1808 г.), а затем 10 лет, до января 1818 г., был асессором строительной экспедиции губернского правления[82].

Белокопытов не был профессиональным архитектором, он учился в артиллерийском инженерном кадетском корпусе в Петербурге и служил военным инженером. На посту губернского архитектора он продолжил работу своих предшественников по претворению в жизнь первого регулярного плана Воронежа. Фиксационные выполненные им за годы работы губернским архитектором планы помогают оценить темпы ведения работ по перестройке города.

В РГВИА хранится план Воронежа, составленный губернским архитектором в 1797 году[83]. На нём выделены застроенные и пустые кварталы, отмечены крупные здания. План детально отображает рельеф городской территории, позволяя оценить работу губернского архитектора по привязке плана к местным условиям. Ещё более интересен план Белокопытова 1799 года, поскольку является самым детальным из всех рассмотренных выше планов Воронежа (рис. П.12). На нём впервые показана вся поквартальная застройка,

---

[81] ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 271. Л. 8.

[82] Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю [А-В] //Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 78

[83] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21528.

включая казённые и церковные постройки, а также обывательские строения с указанием их конфигурации и расположения. Детальное изучение этого документа позволяет увидеть результаты реализации плана 1774 года за относительно короткий исторический период. Слободки превратились в правильные кварталы, кривые переулки — в прямые и широкие улицы. Большинство кварталов застроено по периметру, а внутри расположены хозяйственные постройки. Территории кварталов разделены на участки усадеб, на которых дома стоят вдоль улиц через равные промежутки.

Губернская архитектурная служба значительно превзошла генплан 1774 года, полностью изменив облик нижней части города. На Большой Дворянской улице появились новые административные здания, что сделало её главной улицей, в отличие от первоначального плана И.Е. Старова, где она не выделялась среди других.

Эта картографическая работа отличается не только тщательностью исполнения, но и высоким графическим мастерством. Она демонстрирует профессиональный рост губернской архитектурной службы и результаты её работы за четверть века. Город не только изменил свою планировочную структуру, но и внешний вид благодаря новой застройке центра. Впрочем, если судить по фиксационному чертежу, изменилось и понятие городского центра в представлении воронежских обывателей.

Например, улица Большая Девиченская, которая находилась далеко от старого центра, к концу XVIII века стала местом жительства состоятельных людей. Здесь в 1798 году был построен жилой дом губернатора А.Б. Сонцова (ныне ул. Сакко и Ванцетти, 102), который был очень внушительных размеров для своего времени. По предположению А.Н. Акиньшина, автором проекта является В.Б. Белокопытов[84]. Вероятно, при его создании он опирался на один из «образцовых» фасадов, разработанных комиссией И.И. Бецкого в 1779 году. От первоначальной усадьбы сейчас сохранился только главный дом, который за свою долгую историю неоднократно перестраивался и поэтому не отличается строгостью пропорций.

Наиболее активное строительство в Воронеже, судя по рассмотренному плану, велось в секторе между современными улицами 9 Января и К. Маркса. На выходе улицы Новомосковской (ныне ул. Плехановская) из города располагалась Ямская слобода, что подчёркивало важность этого направления в планировочной структуре. Воронежские губернские архитекторы, в отличие от «утверждённого» плана, не стали размещать её вдоль дороги на Острогожск, адаптируя план к местным условиям.

Архитектурная служба стремилась определить перспективные направления развития города, и это видно на плане, созданном Е.А. фон Коловым и А.З. Артемьевым на рубеже веков[85]. Он похож на план 1799 года, но

---

[84] Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю [А-В] //Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 78.

[85] ГАВО. Фототека, № 0-20678

содержит и проектные предложения. Авторы включили в черту города незастроенные кварталы рядом с Большой Дворянской улицей и территориально расположенные за линией современной железной дороги в районе вокзала.

Информацию о застройке Воронежа дополняет книга Е.А. Болховитинова, где подробно описаны улицы и «градские публичные здания»[86]. В городе было 272 каменных и 2645 деревянных домов, а его территория разделена на 236 кварталов. Эти данные показывают масштаб работ по реконструкции города осуществлённых губернской архитектурно-строительной службой. В целом же принципы преобразования городской структуры Воронежа были типичными для России, но в отличие от многих других городов здесь стремилась упорядочить планировку всего города, а не только его нагорной части, что отличалось от установок «Комиссии…».

Реформы Екатерины II внесли значительные изменения в административно-территориальное устройство империи, что нашло весьма наглядное отражение в обустройстве российских городов. Контрреформаторская деятельность Павла I, оказавшаяся весьма короткой (конец 1796 год – начало 1801 года), не смогла кардинально изменить принципы работы и организации архитектурно-строительных служб в стране. Тем не менее, упразднение Воронежского наместничества в 1796 году стало началом нового этапа в развитии губернии, и её центра.

Во время правления Павла I были ликвидированы некоторые учреждения[87] и должности, созданные при Екатерине II, в том числе должность уездного землемера, упразднённая в 1800 году[88]. В указе говорится о том, больше нет необходимости содержать землемеров во всех уездных городах, поскольку они могут быть направлены из Губернской чертежной туда, где они потребуются.

Многие землемеры, оставшиеся без работы, были назначены на различные должности в уездные администрации Воронежской губернии благодаря их образованию и опыту работы. Например, землемер Задонской округи Н.П. Лютов стал работать в уездном суде, а Г.Г. Шпажинский в 1806 году был назначен смотрителем народного училища в Острогожске[89].

Этот указ подвёл своеобразный итог эпохе екатерининских преобразований в деле переустройства российских городов. Что касается Воронежа, то результат этой огромной и последовательной работы был впечатляющим по своему качеству и масштабу. Ярким подтверждением этого является тот факт, что направления улиц, устроенных по плану 1774 года,

---

[86] Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии [вступительная статья и примечания А.Н. Акиньшина]. Воронеж, 2011. С. 45, 54, 55.

[87] «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» была упразднена указом от 1 января 1797 года (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 24, № 17670).

[88] ПСЗРИ.1-е собр. – Т. 26, № 19281.

[89] ГАВО. Ф. И-30. Оп.1. Д. 62. Л.26, Д. 90. Л. 4.

сохранились до наших дней в центральной части современного Воронежа. Таким образом, планировка исторического центра города, доказавшая свою жизнеспособность, может считаться памятником градостроительства XVIII века. Первый регулярный план стал основой, на которой впоследствии развивалась вся архитектурно-планировочная структура города.

В конце XVIII века сформировалась профессия архитектора и произошло становление системы управления архитектурно-строительной сферой на государственном, губернском и городском уровнях. Это привело к тому, что провинциальные города Российской империи приобрели европейский облик: от регулярной планировки до классических ансамблей и отдельных зданий, которые по своей выразительности могли сравниться с культовыми сооружениями. В Воронеже строительство зданий по чертежам стало обычной практикой и обязательным требованием. Это касалось не только уникальных сооружений, но и обычных жилых домов, для которых разрабатывались планы владений и фасады. Индивидуальный характер многих общественных и жилых зданий в Воронеже был обусловлен тем, что государственное и частное строительство велось в основном по проектам или под надзором губернских архитекторов, которые умело адаптировали типовые проекты к местным условиям.

§ 3. Законодательные основы регулирования архитектурно-строительных процессов в первой половине XIX века

Для Александра I взошедшего на престол в 1801 году, одной из главных задач стало обновление устаревшей системы государственного и местного управления. Важным шагом в этом направлении стала «Министерская реформа» 1802–1811 годов, в ходе которой была ликвидирована система коллегий, созданная ещё Петром I. По манифесту от 8 сентября 1802 года было создано 8 министерств, в том числе министерство внутренних дел, за которым закреплялся контроль над строительством и содержанием публичных зданий, а также вопросы благоустройства в целом.

На основе этого манифеста министр финансов подготовил доклад, утверждённый 13 ноября 1803 года[90]. Согласно этому докладу, надзор за строительством и содержанием публичных зданий, а также составление и контроль планов и смет возлагались на губернаторов и губернские правления. При этом, как отмечалось в докладе, финансирование строительных работ должно было проходить через министерство внутренних дел.

В соответствии с докладом министерства, утверждённым императором 18 апреля 1805 года, строительные экспедиции, которые ранее находились при казённых палатах, были переведены в губернские правления[91]. Сенатским указом от 14 января 1807 года было определено, что асессоры этих экспедиций

[90] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 27, № 21036.
[91] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 28, № 21717.

должны участвовать в работе губернских правлений при рассмотрении строительных вопросов[92]. В случае необходимости их можно было привлекать и к другим поручениям по согласованию с губернатором. Губернский архитектор с правом совещательного голоса должен был участвовать в работе общего присутствия губернского правления, где решались наиболее важные дела, связанные со строительством.

В рамках реорганизации министерства внутренних дел в его структуре 2 мая 1806 года был создан строительный комитет, который по существу заменил упразднённую при Павле I «Комиссию о каменном строении…»[93].

Когда хозяйственный департамент министерства начал подготовку к отделению строительных экспедиций от казённых палат, выяснилось, что во многих губерниях при палатах работает только один асессор или их нет совсем, а в бюджетах, выделенных на канцелярии, нет отдельных статей н содержание строительных экспедиций. Это отделение состоялось 2 мая 1806 года[94]. Постановление предусматривало назначение одного асессора при губернских правлениях для ведения строительных дел. Эту должность можно было вводить по мере необходимости.

В штате Воронежской губернии при казённой палате числилось два асессора, поэтому она подпадала под действие постановления, согласно которому из казённых палат в губернские правления с строительными экспедициями переводили по одному асессору вместе с делами этой части и канцелярскими служащими, занимавшимися вопросами строительства[95].

В соответствии с «Высочайше утверждённым разделением государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 года произошло перераспределение функций, связанных со строительством[96]. Департамент государственного хозяйства и публичных зданий МВД продолжал заниматься вопросами строительства и содержания казённых и церковных зданий. Планировка, общее благоустройство, снабжение городов планами и фасадами для частных построек, содержание дорог и различных транспортных сооружений было передано исполнительному департаменту Министерства полиции.

Сенатский указ от 29 мая 1813 года «О передаче из Министерства Полиции в Министерство Внутренних дел всех дел, до строительной части относящихся, и о бытии под ведением оного Строительным Экспедициям» устранил дублирование функций двух министерств[97]. Все вопросы строительства окончательно закрепились за МВД, в ведение которого перешли губернские правления и подчинённые им строительные экспедиции в губерниях. Согласно

---

[92] Там же. Т. 29, № 22426.
[93] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 29, № 22114.
[94] РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 122. 70 л .
[95] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 29, № 22114. С.245.
[96] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 31, № 24326.
[97] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 32, № 25392.

указу от 20 июля 1824 года, эти экспедиции на местах должны были собирать и хранить информацию обо всех зданиях ведомства МВД в виде технических описей, указывая, когда и из какого материала здания были построены, чем они заняты и в каком состоянии находятся[98].

После реформы казённые палаты перешли в ведение Министерства финансов. Теперь они должны были согласовывать все вопросы, связанные со строительством и содержанием общественных зданий, через губернатора с Министерством внутренних дел. В результате преобразований в губернском правлении появилось строительное отделение, а в составе казённой палаты — седьмая экспедиция, которая занималась перевозками, строительством и содержанием мостов, а также всеми государственными и общественными зданиями. Эта работа требовала постоянного контроля не только со стороны казённой палаты, как это было раньше, но и со стороны специалистов, разбирающихся в строительстве и способных проверить, как расходуются государственные средства.

В связи с этими изменениями 24 июня 1824 года было утверждено положение, подготовленное комитетом министров, об определении в казённые палаты 29 губерний Российской империи особых архитекторов[99]. В этом положении говорилось, что в ведении казённых палат находится большое количество государственных зданий, для проверки которых во время строительства и ремонта, а также для составления смет и планов необходимо иметь в распоряжении палат специалистов, разбирающихся в архитектуре. Поскольку губернские архитекторы часто бывают заняты, промедление в таких вопросах может привести к значительным убыткам для государства. Согласно этому постановлению, архитекторы могли быть назначены в те казённые палаты, где в них есть необходимость, с жалованьем 600 рублей в год и дополнительными средствами на проезд, краски и бумагу в том же размере.

Только в 1834 году появилась необходимость в Воронежской губернии назначить архитектора в казённую палату. Эту должность 25 августа занял архитектор Семён Иванович Соколов. Он проработал на этом посту три десятилетия до своего ухода в отставку[100]. Его обязанности включали контроль

---

[98] Свод законов Российской империи. СПб., 1833. Т. 12, ч. 4-5: Свод Уставов Государственного Благоустройства. Уставы путей сообщения, строительный и пожарный (ч. 4). С. 125.

[99] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 39, № 29961. С.394 – 396.

[100] С.И. Соколов, работая в казенной палате, занимался и творчеством деятельностью. Он спроектировал несколько зданий, которые были построены: два собственных жилых дома (сейчас они утрачены); жилой дом и гостиницу для С.Н. Шванвича на Большой Дворянской улице (1843–1844 годы, проспект Революции, дом 27); здание духовной консистории на площади перед Митрофановским монастырём (1859–1861 годы, сейчас утрачено); общежитие духовной семинарии, которое было перестроено из дома подполковника Д.И. Халютина на Большой Девиченской улице (начало 1840-х годов, улица Сакко и Ванцетти, дом 80).Также предполагается, что утраченная в настоящее время церковь Святого Духа на Терновой поляне (1838 год) была построена по чертежам С.И. Соколова. (Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVIII - начало

за состоянием и строительством всех казённых и общественных зданий в городах губернии и деревнях, где жили государственные крестьяне. Также по требованию губернатора он проверял сметы на строительные работы. Это нужно было, чтобы минимизировать ущерб для государственной казны при их составлении. Необходимость и обязанность выполнять эту дополнительную работу были подробно описаны в документе, озаглавленном «О проверке составляемых по строительной части смет через сторонних архитекторов», который был высочайше утверждён 13 октября 1831 года[101].

С 1838 год эти функции в более широком масштабе стал выполнять гражданский инженер палаты государственных имуществ. Эти структурные подразделения непосредственно подчинялись министерству Государственных имуществ, которое было создано 26 декабря 1837 года[102]. С 1845 года и до конца 1860-х годов должность инженера воронежской палаты государственных имуществ занимал гражданский инженер, коллежский асессор Василий Иванович Егоров[103]. Вместе с двумя помощниками он проектировал и контролировал строительство казённых и общественных зданий, а также церквей в крупных сёлах и слободах, где жили государственные крестьяне. Кроме того, они предоставляли жителям образцы фасадов домов и хозяйственных построек и составляли планы поселений.

Министерская реформа стала важным шагом в преобразовании системы центрального управления в России. Она продолжила процесс создания и улучшения административной вертикали, который начался при Екатерине II, в том числе и в области управления архитектурно-строительными процессами на разных уровнях иерархии.

В первой половине XIX века важную роль в регулировании строительной деятельности в стране сыграли «Урочные Положения», впервые опубликованные в 1811 году[104]. Этот документ содержал государственные строительные нормативы и впоследствии неоднократно переиздавался с дополнениями и уточнениями, связанными с появлением новых технологий.

В первой трети XIX века по-прежнему образцовые проекты оставались важным подспорьем в повседневной работе местных архитекторов. С 1803 по 1830 год были разработаны и опубликованы альбомы и приложения к Полному собранию законов Российской империи, содержащие чертежи: казённых зданий

XX вв.) // Из истории воронежского края: сб. статей. Воронеж, 2005. Вып. 13. С. 116-117). Кроме того, С.И. Соколов разработал проект расширения тёплой церкви Покровского девичьего монастыря в Воронеже (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 587) (рис. П.13)..

[101] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 6, № 4805.

[102] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.12, № 10384.

[103] Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 86.

[104] Урочные положения на все вообще работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидротехнических сооружениях / 2-е изд., испр. СПб.,1839. – 413 с.

(1803); жилых домов (1809, 1812[105]); ворот и оград; планировок городских кварталов (1811); церквей (1824); тюремных зданий; присутственных мест; домов вице-губернаторов (1828); других объектов. Фасады, утверждённые ещё в 1778 году, уже не соответствовали всему многообразию необходимых сооружений и перестали удовлетворять заказчиков. Архитекторы Строительного комитета под руководством В. П. Стасова разработали более 250 проектов образцовых фасадов. Однако стремление государства обеспечить архитектурное единство городской застройки вступало в конфликт с разнообразием проектов и разрешением на размещение частных домов в любом сочетании.

Все эти проекты были одобрены императором и, таким образом, имели силу закона. Их активно использовали, рассылая размноженные типографским способом комплекты чертежей по губерниям. Например, в фондах Государственного архива Воронежской области сохранились циркуляры Министерства внутренних дел, отправленные в Воронеж: о типовых планах станционных почтовых домов с приложением трёх вариантов (1831) и о строительстве хлебных магазинов в помещичьих имениях по образцовым проектам (1835)[106]. Государство уделяло этим двум типам общественных зданий, которые строились в сельской местности, особое внимание. Станционные почтовые дома воспринимались как символ государственной структуры на бескрайних просторах России. Хлебные магазины считались важнейшими объектами сельского строительства, возводимыми на случай неурожая.

В городской застройке «образцовые» проекты из альбомов, составленных В. П. Стасовым, благодаря своей сдержанности в отделке фасадов, получили широкое распространение. В Воронеже среди сохранившихся немногочисленных построек первой половины XIX века Воронежа историк П. А. Попов обнаружил два таких дома[107]. Это жилой дом, который впоследствии стал административным зданием Воронежской ремесленной управы (улица Сакко и Ванцетти, 87), и жилой дом, принадлежавший приходу Успенской церкви (улица Софьи Перовской, 37а). При этом полного соответствия проектам не было обнаружено, что ещё раз подтверждает, что провинциальные архитекторы в процессе реального проектирования, учитывая пожелания заказчиков, достаточно свободно изменяли размеры домов и декоративное оформление фасадов.

В 1832 году строительная часть была передана из МВД в Главное управление путей сообщения (ГУПС), что привело к созданию в 1833 году

---

[105] Хотя существовало множество типовых проектов частных домов, государство фактически не следило за тем, чтобы они соблюдались при реальном строительстве, за исключением губернских городов.

[106] ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1049, Д. 1238.

[107] Попов П.А. Следы творчества В.П. Стасова в Воронеже // Воронежский вестник архивиста. Вып. 16. Воронеж, 2018. С. 111-121.

нового органа — «Главное управление путей сообщения и публичных зданий» (ГУПСиПЗ). Этот орган объединил в себе управление дорожным и гражданским строительством в стране.

Основные принципы управления проектированием и строительством, а также взаимодействие между ведомствами, частными лицами и различными структурами в области строительства, благоустройства и финансовой политики в этой сфере были изложены в строительном уставе, который был издан в 1832 году[108]. Этот устав стал первым официальным сборником действующих законов в области гражданской архитектуры, строительства и благоустройства населённых пунктов. В этом документе, среди прочего, впервые было указано, что должность губернского архитектора является обязательной на территории всей империи. Эту должность могли занимать специалисты по строительной части, которые окончили соответствующие учебные заведения.

Чтобы реализовать в регионах архитектурно-градостроительную политику, разработанную в центре, большое значение имело постановление от 26 августа 1830 года «О приготовлении в академии художеств воспитанников для архитектурных должностей»[109]. Это постановление приняли в ответ на предложение направить учеников Рязанского чертежного отделения, которое работало при дворянском воспитательном заведении, на работу землемерами в другие регионы[110]. После рассмотрения этого вопроса решили, что подготовку в Рязани нужно прекратить из-за нехватки средств и возможностей для обучения опытных архитекторов и землемеров. «Архитекторское училище», созданное при академии художеств, стало первым в стране учебным заведением для подготовки специалистов в области гражданского строительства. Выпускников училища после двух лет практической работы в качестве помощников архитекторов в строительном комитете (СК) МВД направляли в разные регионы страны на должности архитекторов или на другие позиции, связанные со строительством, в зависимости от их успехов и местных потребностей.

Вторым в России учебным заведением архитектурно-строительной направленности стало «Училище гражданских инженеров», основанное 27 апреля 1832 года. В 1842 году это училище объединили с архитектурным училищем при Императорской академии художеств в одно учебное заведение

---

[108] «Устав строительный» в первом издании состоял из семи разделов и двадцати одной главы, в которых были собраны: положения об учреждениях для управления строительной частью (раздел I), о типах казенных (раздел II), церковных (раздел III) и общественных зданий (раздел IV), о правилах построения городов и устройстве в них улиц, площадей, фабрик и частных зданий (раздел V и VI) и селений (раздел VII). С 1 января 1835 года «Устав» был объявлен действующим источником права при регулировании деятельности в строительной отрасли (ПСЗРИ. 2-е собр. –Т.7, № 5624. С. 626 – 635).

[109] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 5, № 3874.

[110] На то, что в Воронежской губернии вопрос с нехваткой специалистов этого профиля стоял не так остро, как в других регионах страны, косвенно указывает тот факт, что её упомянули среди тех губерний, куда не требовалось отправлять воспитанников из Рязани.

— строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий[111].

Согласно положению об училище, утверждённому в 1851 году, из 160 штатных мест 106 занимали учащиеся, которых направляли из губерний, оплачивавших их обучение[112]. Выпускники училища становились «архитектурными помощниками» X, XII и XIV классов, обладавшими не только художественными, но и техническими знаниями, необходимыми для решения различных архитектурно-строительных задач[113]. В 1883 году училище преобразовали в институт гражданских инженеров[114].

Также подготовкой архитекторов занималось Московское дворцовое архитектурное училище, основанное в 1831 году на базе архитектурного училища при экспедиции кремлёвского строения. В 1865 году училище вошло в состав Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Однако количество выпускников-архитекторов в этом учебном заведении было небольшим: в штатном расписании двух отделений училища (практического и теоретического) было предусмотрено обучение всего 60 воспитанников[115].

В рассматриваемый период начал работу и институт инженеров путей сообщения. Он был создан по указу Александра I от 20 ноября 1809 года в составе корпуса инженеров путей сообщения. Его выпускники могли участвовать в производстве всех видов инженерных и военно-строительных работ. В 1823 году институт стал закрытым учебным заведением по образцу военных кадетских корпусов. Только в 1843 году институт прекратил выпускать офицеров в строительный отряд[116], вместо этого они стали получать

---

[111] Хотя в академии художеств происходили изменения, тем не менее в её структуре продолжало работать архитектурное отделение. Одним из первых его выпускников был И. Е. Старов, который окончил академию в 1762 году. Среди архитекторов, которые закончили академию и работали в Воронеже, можно выделить В. Н. Шебалина (окончил обучение в 1833 году) и А. А. Кюи (окончил в 1848 году).

[112] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.26, № 25857. Например, дворянин М.П. Жукевич-Стош, окончивший училище одним из первых, получил образование за счёт средств воронежского дворянства. После окончания училища в марте 1839 года его назначили младшим инженером в Воронежскую ГСК (Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 90).

[113] Это училище закончили, работавшие в Воронеже на архитектурных должностях: М.В. Богданович (1836 г. окончания), М.О. Мирский (1838 г.), А.К. Македонский (1845 г.), В.А. Сербин (1846 г.), А.С. Купинский (1850 г.), В.Е. Переверзев (1852 г.), А.П. Багалдин-Таишев (1857 г.), Д.С. Максимов (1862 г.), В.В. Стайновский (1874 г.), С.Л. Мысловский (1879 г.) и др.

[114] Выпускниками института были многие воронежские архитекторы. Назовем лишь некоторых из них: И.Н. Афанасьев (1886 г. окончания), Ю.С. Лещинский (1895 г.), Д.Н. Васильев (1897 г.), В.И. Гайн (1901 г.), М.Н. Замятнин (1902 г.).

[115] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 6, № 4956. Вероятно, что именно по этой причине всего три архитектора, работавшие в Воронеже, являлись его выпускниками: М.Ф. Краснов (1836 г. окончания), Г.А. Артемовский (1860 г.), А.М. Баранов (1860 г.).

[116] В своё время офицерами строительного отряда стали М. П. Сентянин, который окончил обучение в 1824 году и позже стал председателем ГСДК в Воронеже, и Л. Н. Жеденов, окончивший обучение в 1840 году. Он стал первым начальником Воронежского строительного отделения губернского правления и первым губернским инженером.

звание архитекторов. С 1810 года получить профессию военного инженера можно было в Николаевском инженерном училище Санкт-Петербурга (с 1855 года — Николаевская инженерная академия), где наряду с другими дисциплинами студенты изучали строительное искусство и архитектуру.

Благодаря выпускникам этих учебных заведений постепенно формировался штат специалистов, способных решать архитектурные задачи на уровне страны. Особенно остро такие специалисты требовались губернским строительным комиссиям (ГСК), которые были созданы в соответствии с «Положением о новом образовании строительной части гражданского губернского ведомства». Эти комиссии пришли на смену строительным экспедициям, у которых был более узкий круг обязанностей. Теперь комиссии отвечали за административные и хозяйственные вопросы, связанные с гражданскими зданиями и сооружениями, независимо от того, кто их финансировал. Строительные работы финансировались за счёт средств из казны, земских повинностей, приказа общественного призрения, городских доходов, частных пожертвований и других источников.

Комиссии находились в прямом подчинении главного управляющего путями сообщения и публичных зданий и выполняли исполнительные функции. На местах работой руководили начальники округов путей сообщения, на которые была разделена территория России. В 1836 году из девяти существовавших на тот момент округов в структуре Главного управления путей сообщения и публичных зданий было решено создать пять новых. Воронежская губерния стала частью четвёртого округа, который включал в себя 12 губерний, а его окружное правление находилось в Киеве. В 1843 году в результате очередной реорганизации число округов снова увеличилось. Их стало 12, а Воронежская губерния оказалась в составе седьмого округа.

В «Положении…» был указаны обязанности строительной комиссии: вести учёт планов, фасадов и описей зданий и сооружений, находящихся в её ведении; следить за сохранностью и содержанием зданий; проверять информацию о состоянии зданий, полученную от полицмейстеров, городничих, экзекуторов и смотрителей; ежемесячно собирать данные о стоимости материалов, работ и рабочей силы в губернии для составления смет; при наличии разрешения проводить ремонт, реконструкцию и строительство новых зданий.

Ежегодно до 1 июля губернатор должен был предоставлять главному управляющему путями сообщения отчёт, включающий описание проведённых ремонтных работ, сметы на реконструкцию, а также проекты, чертежи и сметы для новых зданий, подготовленные в соответствии с определёнными правилами архитектором или инженером.

Если смета на ремонт или перестройку превышала 500 рублей, то её отправляли окружному начальнику для рассмотрения в техническом

отделении[117]. При новом строительстве смету вместе с обоснованием необходимости здания губернатор представлял министру внутренних дел. После утверждения сметы министр передавал все документы, необходимые для строительства, окружному начальнику. Только тогда окружной начальник сообщал комиссии сумму, которая включалась в ежегодные расходы на гражданское строительство в губернии. Проекты особой важности, требующие больших затрат, представляли на высочайшее утверждение. Резолюции на прошения и представления, полученные из столицы, губернатор передавал в строительную комиссию. Ответственным за исполнение назначали губернского архитектора, его помощника или офицера корпуса путей сообщения. Если члены комиссии были заняты, то для «ремонтных починок в уездных городах на сумму не свыше 500 рублей» могли назначить кого-то из служащих в губернии чиновников.

Чтобы организовать работы, можно было использовать четыре существовавших тогда способа: 1) разделить подряд на две части и провести торги отдельно для поставки материалов и отдельно для проведения работ[118]; 2) самостоятельно закупить материалы и нанять работников, чтобы сэкономить бюджетные средства[119]; 3) выставить подряд на строительство целиком на торги, т.е. «гуртом»[120]; 4) использовать комбинацию первых трёх способов[121].

Эти способы организации работ при строительстве в свою очередь делились на хозяйственный и подрядный. Крупные казённые объекты обычно строили хозяйственным способом, а подрядный способ чаще применяли при возведении городских общественных зданий. Со временем подрядный подход стали использовать и при строительстве крупных частных зданий. При этом артельный способ организации труда, когда староста строительной артели заключал договор напрямую с нанимателем, по-прежнему сохранялся, но уже только при строительстве частных зданий и сооружений.

ГСК давала возможность всем желающим принять участие в торгах на строительство и ремонт общественных зданий ознакомиться с полными условиями договора. Каждый подрядчик, участвующий в этой процедуре, должен был иметь свидетельство от городской управы, которое давало ему право вести строительные работы на определённую сумму.

---

[117] Это требование, существенно замедлявшее процесс принятия решений, было отменено в 1837 году (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 12, № 10326).

[118] Этот метод подряда именовался «раздробительным», так как он подразумевал заключение отдельных договоров на поставку материалов и на выполнение работ.

[119] Этот так называемый хозяйственный способ подразумевал, что заказчик сам обеспечит себя строительными материалами и выполнит работы.

[120] В договоре подряда «гуртом» предполагалось, что один предприниматель будет поставлять всё необходимое и выполнять работы.

[121] Этот метод выполнения подрядных работ называли «смешанным». Часть строительных работ в этом случае могла быть выполнена хозяйственным способом, а другая с использованием метода «раздробительного» подряда или «гуртом».

Информация о предстоящих торгах публиковалась в газетах и журналах. Торги проходили в казённой палате в присутствии представителя строительной комиссии. Главным критерием была стоимость контракта. С победителем заключали договор, при подготовке которого руководствовались документом, утверждённым 17 октября 1830 года[122]. Крупные государственные проекты, как правило, выполняли купцы, а небольшие подряды брали на себя предприниматели из числа мещан и государственных крестьян.

30 июня 1833 года Сенат издал указ «О штатах Строительной части Гражданского Губернского ведомства», который определил состав строительных комиссий в 47 губерниях, включая Воронежскую. ГСК состояли из трёх членов: асессора, управляющего хозяйственными вопросами, губернского архитектора и его помощника. В технических работах иногда участвовали один или два офицера корпуса путей сообщения и приписанный к комиссии кондуктор[123].

В 1834 году в штате ГСК появились канцелярские служащие, а губернские прокуроры получили право проверять журналы работы комиссии. В результате губернские архитекторы стали самым нижним звеном в длинной цепочке согласований, которая тянулась от провинции до Санкт-Петербурга.

Воронежская ГСК впервые упоминается в «Адрес-календаре Российской империи на 1837 год»[124], который составили по данным на ноябрь–декабрь 1836 года. Поэтому можно сделать вывод, что она начала работать не раньше 1836 года. Председателем комиссии назначили военного губернатора генерал-майора Н. И. Лодыгина. В её состав вошли: поручик П. П. Мольнер из корпуса инженеров; прапорщик Г. И. Рейнгард 3-й из строительного отряда; асессор, коллежский секретарь Н. В. Нестеров; губернский архитектор, коллежский секретарь А. И. Денисенков; помощник губернского архитектора, губернский секретарь А. М. Мокринский; секретарь, коллежский секретарь И. Д. Данилов. Работой комиссии, которая находилась в здании присутственных мест, руководил губернский архитектор. Чаще всего именно он или его помощник отвечали за выполнение различных работ, которые поручал губернатор. Перепиской занимался «гражданский помощник».

После того как в губерниях организовали строительные комиссии, формулярные списки офицеров, чиновников, архитекторов, их помощников и землемеров стали рассматривать и утверждать в ГУПСиПЗ каждый год. До 1865 года все повышения, переводы и увольнения сотрудников согласовывали и подтверждали в столице.

Когда губернских архитекторов перевели в ведомство ГУПС, они перестали выполнять некоторые свои обязанности, связанные с жилыми,

---

[122] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 5, № 4007.

[123] Кондукторами называли выпускников специальных учебных заведений, а также унтер-офицеры, выполнявшие работу чертежника или художника.

[124] Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1837. В 2-х ч. СПб., 1837. Ч. 1. С. 872; Ч. 2. С.167.

общественными и казёнными зданиями. Эти обязанности передали строительным комиссиям. Каждый месяц ГСК должны были сообщать главному управляющему путей сообщения и публичных зданий обо всех сметах на проекты или строительные работы. Только в 1847 году они получили право утверждать сметы до 4 тысяч рублей по проектам, которые предварительно были рассмотрены в главном управлении[125].

Сметы составляли на основе документа «Урочное положение на все вообще работы», который был опубликован в 1838 году. Однако спустя четыре года стало понятно, что расчёты по этому документу не очень точные. В связи с этим особый комитет ГУПСиПЗ разработал новую версию «Урочного полдожения…», которую приняли 9 апреля 1843 года[126].

В 1844 году губернские комиссии обязали предварительно рассматривать проекты индивидуального жилищного строительства. Горожане, которые хотели построить новый дом или отремонтировать существующий, должны были предоставить в комиссию детальные планы здания по этажам и продольные и поперечные разрезы. После изучения проектной документации решение окончательно утверждалось в окружном правлении[127].

Со временем уровень утверждающей инстанции стал снижаться. В 1847 году генерал-губернаторы получили право утверждать проекты частных одноэтажных каменных и деревянных домов высотой до двух этажей с количеством окон по длине фасада не более семи в уездных и губернских городах. Там, где генерал-губернаторов не было, это право предоставлялось местным губернским строительным комиссиям

.В 1851 году ограничения на количество этажей в каменных домах и количество окон по фасаду были сняты. Однако отчёты о количестве домов, построенных в городах на основании разрешений ГСК, по-прежнему требовалось предоставлять главноуправляющему ПСиПЗ. Только в 1857 году губернские строительные и дорожные комиссии получили право напрямую утверждать проекты всех частных построек без согласования с вышестоящими инстанциями.

Документы, хранящиеся в РГИА, позволяют проследить процесс принятия и исполнения решений по застройке и благоустройству городов губернии. Частные застройщики подавали прошения губернатору с описанием цели запроса — строительство дома, его ремонт и т. д., и просили выдать план постройки. После получения прошения ГСК формировала делегацию, в которую входили представитель комиссии, гласный городской думы и чиновник городского полицейского управления. Эта межведомственная группа тщательно изучала место потенциального застройщика и соседние постройки, после чего выносила решение. Если «препятствий не было», выдавалось разрешение или указывалось на необходимость проведения дополнительных

[125] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 23, № 22364.
[126] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 18, № 16503.
[127] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 19, № 18529.

работ по сносу ветхих строений или их частичной перестройке. Порядок подачи частными лицами заявлений о постройках и ремонте домов был определён законодательно в 1845 году[128].

ГСК занималась в основном технической работой: составляла документы на объекты и после одобрения высшими инстанциями формировала смету на согласованные работы. Все постройки — от зданий до заборов, бань, навесов и крылец — возводились и перестраивались по чертежам, которые были согласованы с комиссией. Это было важно, так как гарантировало не только прочность сооружений, но и их достойный внешний вид.

Чтобы обеспечить высокое качество строительных и архитектурных работ, 1 июня 1844 года было опубликовано решение Государственного совета. В нём говорилось о том, чтобы в городах не допускались к строительству люди без звания архитектора или свидетельства от Департамента публичных зданий, подтверждающего их компетентность в области строительства.

В 1845 году из-за трудностей с поиском квалифицированных специалистов на должности архитекторов было разрешено назначать неклассных художников, которых Академия художеств признавала подходящими для этой работы. Первым из выпускников академии, получившим звание неклассного художника по архитектурной части и приехавшим в Воронеж, был Александр Антонович Кюи[129]. Это произошло в 1854 году. Выпускники академии, отправляющиеся в любую губернию, получали подъёмные и средства на проезд. Это позволяет предположить, что переезд Кюи из столицы в провинцию был мотивирован финансовыми соображениями. Благодаря людям из бедных слоёв населения, готовым работать в провинции на таких условиях, государственные структуры постепенно заполнялись архитекторами по всей стране, наряду с выпускниками других учебных заведений.

На основании «Положения о Губернских Строительных и Дорожных Комиссиях», утверждённого 28 апреля 1849 года, губернские строительные комиссии были объединены с губернскими дорожными комиссиями из-за схожести их обязанностей. Теперь они стали называться губернскими строительными и дорожными комиссиями (ГСДК).

Семь долгих лет ушло на подготовку документа о преобразовании губернских строительных комиссий. Эти комиссии должны были контролировать все строительные работы, ремонт и переделку дорог, а также казённых и общественных зданий и сооружений в губерниях. Их создавали постепенно по решению главного управляющего путями сообщения и публичными зданиями в тех губерниях, где был необходимый объём работ[130].

Положение о губернских строительных и дорожных комиссиях (ГСДК) сначала ввели в качестве эксперимента, который показал эффективность этих

---

[128] РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 587.

[129] Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 161-164.

[130] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 26, № 24888. С.104.

изменений. Такой подход позволил значительно дополнить первоначальное положение о ГСДК. Одним из таких дополнений стало включение в состав комиссии представителя от дворянства, что было официально закреплено в 1851 году[131]. Его выбирали на собрании всех дворян губернии на три года.

Первым представителем от дворянства в Воронеже стал титулярный советник А. В. Лофицкий. Кроме него, в состав комиссии вошли: подполковник М. П. Сентянин, губернский архитектор, титулярный советник В. Н. Шебалин, депутат от дворянства, титулярный советник И. Н. Хрущов, для производства работ прапорщик Л. С. Мысловский, архитектор для производства работ М. П. Жукевич-Стош, правящий канцелярией коллежский асессор А. Ф. Израильский, начальник искусственного стола, майор А. Х. Капгер, бухгалтер, губернский секретарь Ф. С. Мурзин[132].

Согласно материалам дела «О преобразовании Воронежской ГСДК», обсуждение этого вопроса продолжалось в течение года и завершилось 20 февраля 1851 года[133]. В документах, кроме уже упомянутых, называются следующие члены комиссии: помощник архитектора М. Ф. Петерсон, выпускник Института корпуса инженеров путей сообщения 1847 года; архитекторский помощник, губернский секретарь М. В. Кармин, выпускник строительного училища 1850 года; губернский секретарь Х. З. Крутенков, занимавший должность чертёжника.

Из переписки следует, что губернатор Н. А. Лангель не хотел включать в штат комиссии городского архитектора А. К. Македонского из-за его недостаточных знаний и неопытности. Македонский окончил строительное училище в 1845 году и был переведён в Воронеж на эту должность в 1848 году[134]. Косвенным подтверждением справедливости этой оценки является то, что Македонский пытался разработать конкурсный проект церкви, чтобы получить звание академика, но безуспешно.24 ноября 1850 года губернатор предложил перевести Македонского из Воронежа и назначить на его место губернского секретаря М. И. Клейнера. Это предложение было реализовано 27 февраля 1851 года. К тому моменту Клейнер накопил значительный опыт, поскольку с 1845 года работал помощником архитектора в комиссии по строительству кадетского корпуса и перед назначением Македонского (в 1847–1848 годах) исполнял обязанности городского архитектора Воронежа[135].

На тот момент отсутствие городского архитектора в составе ГСДК было допустимо, потому что не было строгого требования об их обязательном включении в состав комиссий. Однако существовал указ от 24 ноября 1842

---

[131] РГИА. Ф. 207. Оп. 17. Д. 72. 47 л.

[132] Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1851. В 2-х ч. Ч. 1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. – СПб., 1851. С. 268. Приведенные в данном источнике списки составлялись на основе сведений за предыдущий год.

[133] РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 69. 119 л.

[134] РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 694. Л. 34.

[135] РГИА. Ф.200. Оп.2. Д. 219. Л. 1, 2, 8, 11, 13.

года, согласно которому городские архитекторы включались в состав ГСК[136]. Этот факт напрямую не относился к ГСДК. Подчинённое положение городских архитекторов по отношению к ГСДК было зафиксировано в §14 исправленного и дополненного «Положения о губернских и областных строительных и дорожных комиссиях», которое было утверждено в 1854 году[137]. При этом оговаривалось, что городских архитекторов можно было привлекать к работе ГСДК только по делам тех городов, в которых они состояли. Если в каком-либо городе не было своего городского архитектора, его назначение определялось соглашением между главноуправляющим ПСиПЗ и министром внутренних дел.

Ежегодно, к 1 марта, комиссии отчитывались перед главноуправляющим о ходе проведения строительных и дорожных работ, а также о своей деятельности. Отчёт сопровождался чертежами проектируемых зданий. Кроме того, комиссия формировала предложения обо всех строительных работах в губернии и передавала их в ГУПСиПЗ для принятия резолюции. Эти предложения необходимо было представить главноуправляющему к 1 ноября года, предшествующего тому, в котором планировалось начать строительные работы.

В соответствии со штатами, утверждёнными на высшем уровне, в каждой губернии была своя строительная и дорожная комиссия, которую возглавлял губернатор. В состав комиссии входили: штаб-офицер корпуса инженеров путей сообщения в чине полковника или подполковника[138]; гражданский чиновник; губернский землемер; губернский архитектор; депутат от дворянства. Для выполнения работ при комиссии формировалась рабочая группа, в которую входили: офицер корпуса; архитектор; два помощника архитектора. Также в составе комиссии числился начальник искусственного стола, который одновременно заведовал чертёжной. Полный штат комиссии вместе с работниками канцелярии и счётного стола составлял 28 человек. На их содержание в год выделялось 8728 рублей серебром[139]. В 1841 году было принято решение выделять один процент от сметы работ, произведённых комиссией, на её расходы[140].

По данным на 1855 год, в состав воронежской строительной и дорожной комиссии, которую возглавлял губернатор Ю. А. Долгоруков, входили: инженер-подполковник А. П. Нордштейн; гражданский чиновник коллежский асессор С. В. Козловский; губернский архитектор, коллежский асессор В. Н. Шебалин; депутат от дворянства, титулярный советник, князь В. Н.

---

[136] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.17, № 16251.
[137] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 29, № 28405.
[138] Он являлся начальником по производству работ осуществлявшихся в губернии. Эта должность в соответствии с табелем о рангах предполагала её замещение офицером в звании не ниже подполковника.
[139] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 37, № 38709.
[140] РГИА. Ф. 216. Оп. 2. Д.295.

Кейкуатов[141]. Должность губернского землемера на тот момент была вакантна, поэтому в списке членов комиссии его не было. Однако в 1856 году эту должность занял губернский секретарь Д. А. Лазов. Только 30 апреля 1857 года указом сената был определён порядок участия губернских землемеров в работе комиссии. Они должны были присутствовать «как непременные члены» только по тем делам, которые относились к дорожной части и по тем делам, где требовался обмер земель, принадлежащих городам[142]. Непосредственно работами руководили: архитектор, подпоручик С.Л. Мысловский, архитектор, титулярный советник М.П. Жукевич-Стош, инженер-поручик Е.Х. Гиацинтов, занимавший должность начальника искусственного стола.

В ГАВО сохранился документ под названием «Счётная выписка, представляемая в департамент ревизии отчётов Главного управления путей сообщения и публичных зданий из шнурованной книги о рабочей сумме Воронежской ГСДК»[143]. В нём отражена работа комиссии за 1855 год и указаны расходы, связанные с её деятельностью. Например, архитектору Жукевичу выдали 100 рублей из Богучарского уездного казначейства на ремонт местного тюремного замка, инженер-поручику Мысловскому заплатили 1300 рублей за ремонт дома губернатора, а губернскому архитектору Шебалину отправили 38 рублей в город Бобров, где он наблюдал за строительством тюремного замка. Эти и другие подобные данные позволяют оценить объём, характер, географию и стоимость работ, выполненных членами ГСДК.

Стоит отметить, что архитекторы, работавшие в воронежской ГСДК, в свободное от службы время занимались частной проектной практикой. Эта информация с указанием адресов, где они принимали клиентов, периодически публиковалась в «Памятных книжках для жителей Воронежской губернии». В качестве примера можно привести сведения о частнопрактикующих архитекторах Воронежа из первого такого издания, вышедшего в 1856 году: «Егоров, Василий Иван., близ Кадетского корпуса в соб. Доме; Жукевич-Стош, Михаил Павл., на Воскресен. ул. в д. Потапьева; Клейнер, Михаил Иван., близ Пятницкой церкви, в д. Воробьева; Кюи, Александр Антонов., в новом здании Кадетского корпуса; Петерсон, Михаил Федоров. (при Строит. и Дорож. Комиссии); Поливанов, Гавриил Гаврил., близ Попова рынка, в д. Потеряхина; Соколов, Семен Иван., близ Алексеевского монаст. в соб. доме; Шебалин, Владимир Никол., на Поповом рынке, в д. Гусева»[144]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что рынок проектных услуг был востребован, а среди его участников существовала высокая конкуренция, что позволяло жителям города выбирать архитектора.

---

[141] Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1855. В 2-х ч. Ч. 1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. СПб., 1855. С. 261.

[142] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 32, № 31771.

[143] ГАВО. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об., 5 об., 6 об.

[144] Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж, 1856. Отд. II. С. 25.

В 1856 году на законодательном уровне было разрешено назначать архитекторов и их помощников на должности гражданских техников в случае нехватки инженеров для выполнения работ в составе ГСДК. Также существовала проблема с заполнением вакансий чертёжников в штате ГСДК. Чтобы решить эту проблему, 17 августа 1856 года был издан указ, разрешающий принимать на работу чертёжниками, в том числе, «способных лиц из податного состояния»[145]. В этом же году нововведения частично нашли отражение в штате Воронежской ГСДК. Были введены две должности архитекторских помощников, одну из которых занял инженер-архитектор по образованию, губернский секретарь М. Ф. Петерсон. Вторая должность оставалась вакантной.

На местах ГСДК были включены в состав губернских правлений, и им были подчинены все арестантские роты гражданского ведомства, находившиеся в ведении ГУПСиПЗ. Такие роты должны были формироваться в губернских городах в соответствии с указом от 11 октября 1827 года, который описывал их как «дешёвый способ к устройству губернских городов и к производству разных городских работ»[146]. На практике такие роты учреждались именными указами в разные годы и для разных городов. Позже труд арестантов разрешили использовать не только на казённых, но и на частных работах.

В 1853 году вышел указ об основании в Воронеже арестантской роты гражданского ведомства в «половинном составе». Первоначально она размещалась в арендованном доме, а в 1858 года арестантская рота переехала в двухэтажный дом купца И. М. Нижегородцева, который был выкуплен казной и перестроен по проекту городского архитектора М. И. Клейнера[147]. До сих пор за этим зданием сохранилось название «Полуротка» (адрес: пер. Фабричный, д. 10).

Арестантские роты выполняли работы по мощению улиц, рытью канав, благоустройству спусков и другие. Их деятельность контролировал штаб-офицер комиссии, который отвечал за выполнение работ и обучение арестантов строительным навыкам. Командиром арестантской № 23 полуроты, размещённой в Воронеже, стал поручик Э. А. Пржилуцкий[148].

С одобрения высших властей под патронажем ГСДК создавались временные комиссии для строительства или восстановления крупных зданий и комплексов в разных городах страны. Так, в 1854 году была организована комиссия по строительству здания Воронежской гимназии с благородным пансионом. План и порядок работы комиссии были подробно описаны в утверждённом положении комитета министров[149]. Строительство по проекту, одобренному императором в 1852 году, велось хозяйственным способом. Это и стало причиной создания комиссии.

---

[145] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 31, № 31120, № 30855.
[146] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 2, № 1455. С. 884.
[147] Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж, 2009. С. 142.
[148] Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж, 1856. С. 39.
[149] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.29, № 28307

Здание было построено к августу 1859 года. Проект был разработан архитектором Харьковского учебного округа академиком Александром Андреевичем Тоном[150]. Затем его доработали в Главном управлении путей сообщения, чтобы улучшить внешний вид гимназии и сделать её внутреннее пространство более удобным. Сейчас это здание один из корпусов Воронежского государственного университета инженерных технологий (проспект Революции, 17).

В состав временных строительных комиссий обязательно входил архитектор, который нёс ответственность за строительство, его качество и соответствие чертежам. В комиссию по строительству гимназии в Воронеже в разное время входили архитекторы: С. И. Соколов (с июня 1854 по 1855 год), В. И. Егоров и Е. Х. Гиацинтов (с 1 марта 1856 по 1858 год)[151].

В первой половине XIX века произошли значительные изменения в системе управления архитектурно-строительной деятельностью. Стремление найти баланс между централизованным управлением и работой губернских и городских учреждений привело к созданию в губерниях органов, которые занимались вопросами строительства.

После того как систему управления перевели на губернский уровень, местные власти получили больше самостоятельности в вопросах строительства. Например, губернатор мог утверждать сметы на ремонт до 1000 рублей без согласования с центральными органами.

С 1851 года губернские строительные и дорожные комиссии могли сами утверждать планы и фасады частных домов в уездных и губернских городах. Губернаторам больше не нужно было одобрять эти проекты, но комиссии всё равно должны были следить, чтобы фасады соответствовали образцовым. Чтобы упростить работу комиссий, 31 марта 1856 года были утверждены 14 новых образцовых фасадов для частных домов в уездных городах[152]. Среди них были и дома с чётным числом окон, что противоречило строительному уставу, где говорилось, что у зданий должно быть нечётное количество окон по фасаду. Это правило отменили указом от 12 декабря 1856 года[153]. В результате всех этих изменений в 1858 году на законодательном уровне отменили обязательное применение образцовых фасадов, потому что они стали устаревшими. Теперь генерал-губернаторам и ГСДК разрешалось утверждать фасады частных домов, которые отличались от стандартных проектов, если они были правильно выполнены[154].

В 1858 году в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий был рассмотрен вопрос о выделении земельных участков под строительство частных домов в губернских и уездных городах. Старый регламент уже не

---

[150] Он был младшим братом знаменитого петербургского архитектора Константина Тона.
[151] Памятная книжка Воронежской губернской гимназии. Воронеж, 1891. С. 10.
[152] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 31, № 30320.
[153] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 31, № 31251.
[154] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 33, № 33064, № 33155.

соответствовал требованиям времени. В 1859 году установили новый порядок получения разрешений на земельные участки под строительство в городах. Теперь их выдачу в уездных и губернских городах контролировали городские думы, а осуществляли — губернские строительные и дорожные комиссии. В том же году полицмейстеры губернских городов получили право разрешать строительство домов и служб в тех районах города, где не планировалось капитальное строительство.

Для улучшения контроля над городской застройкой в 1860 году на ГСДК возложили обязанность предоставлять городским думам копии городских планов, которыми те должны были руководствоваться при выделении земельных участков. В том же году хозяйственный департамент Министерства внутренних дел ещё раз напомнил о недопустимости отклонения от утверждённых планов городов при строительстве частных домов.

Чтобы ускорить процесс получения разрешений на незначительные изменения в существующих жилых домах и хозяйственных постройках, в 1863 году городским архитекторам разрешили выдавать такие разрешения самостоятельно во всех городах, кроме столиц[155].

В первую очередь послабления в строгой регуляции строительных работ коснулись уездных центров, где почти не было специалистов, называемых «городовыми архитекторами». Во многом именно поэтому 19 августа 1853 года вышел указ, согласно которому в уездных городах градоначальники могли выдавать жителям разрешения на строительство частных домов с количеством окон по уличному фасаду до пяти включительно. При этом следовало ориентироваться на утверждённые образцы фасадов деревянных жилых домов. В 1855 году это правило распространили и на дома с большим количеством окон, а в 1856 году добавили ещё 14 типовых фасадов. По этой же причине в 1863 году полицейские управления в уездных городах получили право разрешать строительство частных деревянных домов без ограничений по количеству окон. Кроме того, с этого момента они контролировали и «мелкий ремонт» в уже построенных домах. Жителям уездных городов разрешили самостоятельно строить небольшие сооружения и проводить ремонт на своих участках только в 1865 году. В Воронеже это право предоставили горожанам раньше — в 1861 году[156].

Эти нововведения позволили властям на уровне губерний быстрее принимать решения по строительству, использованию земли, развитию городского хозяйства и контролю за этими процессами. Одновременно они показали, что необходимо реформировать губернские строительные и дорожные комиссии в России. Подготовка к этому началась в 1858–1860 годах. В результате Государственный совет 29 октября 1864 года принял решение «О преобразовании гражданской строительной и дорожной части»[157]. Согласно

[155] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 38, № 40289.
[156] РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д.910.
[157] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 39, № 41394.

ему, управление по частям строительной и дорожной из ГУПСиПЗ передали в ведение МВД. В губерниях распустили строительные и дорожные комиссии. Вместо них при губернских правлениях создали строительные отделения, а их обязанности перешли к местным органам управления. С тех пор облик и застройку городов в регионах в основном определяли эти органы. Таким образом, процесс децентрализации системы управления строительством в стране был практически завершён.

§ 4. Проведение государственной градостроительной политики и реализация жилищно-гражданского строительства в губернии

Записки современников и сохранившиеся графические материалы позволяют нам представить, как выглядел Воронеж на рубеже веков. Особенно интересно его сравнение его с другими губернскими центрами, расположенными по соседству. В письме от 21 июня 1803 года архитектор И. А. Иванов, который осуществил путешествие по европейской части страны, пишет А. Х. Востокову: «**…**Рязань довольно велик со старинными церквами, но грязен. В Тамбове по недостатку лесу много соломенных крыш. Воронеж очень изрядный по величине, прекрасен по местоположению и не худ строением»[158].Эта оценка, данная профессионалом, показывает, насколько успешно губернские и городские власти преобразовали Воронеж за предыдущие 25 лет.

Начало XIX века в Воронеже было ознаменовано строительством здания нового каменного острога вместо старого деревянного из материалов, образовавшихся при разборе старого дома генерал-губернатора (рис. П.14). Проект разработал губернский архитектор В. Б. Белокопытов. Здание возвели на холме, именовавшемся в городе Острожный бугор (современное название этого места – площадь Детей). Тюремный замок с гауптвахтой представлял собой внушительное сооружение в форме прямоугольника с четырьмя круглыми башнями по углам, внутри которого находился большой тюремный корпус. Этот архитектурный комплекс сохранялся в центре города до середины XIX века.

Масштабная строительная деятельность, начатая реформами Екатерины II, активно продолжалась не только в Воронеже, но и в губернии. Об этом свидетельствуют суммы, потраченные на строительство и покупку казённых зданий в Воронежской губернии. Так, например, в 1804 году на эти цели было израсходовано 43463 рубля[159]. Из них: на покупку дома вице-губернатора — 8958 рублей; на ремонт дома вице-губернатора — 2600 рублей; на расширение строящегося в Воронеже соляного магазина — 5650 рублей; на ремонт губернаторского дома — 948 рублей.

---

[158] «Путь наш был … через Воронеж // Коммуна. – 1988. – 16 марта.
[159] Архив СПб ИИ РАН. Коллекция 115. № 10. Л. 30 об., 31.

В то время это были огромные средства, учитывая тот факт, что с 1775 года государство ежегодно выделяло каждой губернии на эти цели всего 20000 рублей[160]. Только в 1797 году было принято решение дополнительно выделять по 10 000 рублей на каждую губернию для строительства соляных магазинов, ремонта казённых строений, найма домов для присутственных мест и других подобных нужд[161]. При этом остатки неизрасходованных денег можно было оставлять в губерниях для строительства и ремонта необходимых казённых строений. Все дополнительные средства выделялись только с разрешения императора на основании указа от 26 апреля 1798 года[162]. Чтобы сэкономить государственные средства, в 1803 году выпустили специальную инструкцию, согласно которой предписывалось покупать уже готовые жилые дома для размещения в них общественных учреждений[163]. Эта практика стала широко распространена в Воронежской губернии.

Все строительные процессы строго регламентировались. Например, из-за недостатка средств, в соответствии с утверждённым докладом министра внутренних дел от 26 февраля 1810 года[164], новые казённые каменные строения разрешалось строить только в губернских городах. В уездных городах предписывалось строить деревянные здания «по примерным планам и фасадам» на каменных фундаментах. Они рассматривались как временные сооружения, которые нужно было заменить на более прочные здания, когда они придут в негодность.

В губернских городах разрешалось строить казенные здания из древесины только в случае необходимости. Этот процесс контролировался и для обывательских домов. Указ от 16 августа 1802 года требовал от губернаторов строить города по утвержденным планам, избегая деревянных строений там, где планировалось каменное строительство[165]. Однако строгого запрета на это не было, и местные власти могли принимать решения исходя из финансовых возможностей застройщиков.

В то же время, сенатский указ от 15 мая 1810 года вновь запрещал менять утвержденную планировку и приказывал начальникам губерний и губернским правлениям не допускать строительства не по плану. В случае нарушения этого правила, все издержки и убытки от «исправления» строения должны были компенсироваться за счет виновника, т.е. позволившего. Теперь прошение об отступлении от плана направлялось в МВД, которое готовило обращение для получения высочайшего соизволения. Ранее такое прошение от губернатора в принципе было недопустимо.

---

[160] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 22, № 16024.
[161] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 24, № 17803. С. 330.
[162] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 25, № 18498.
[163] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 27, № 20633.
[164] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 31, № 24133.
[165] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 27, № 20372. С. 221.

Особое внимание по прежнему уделялось строительству соляных магазинов в Воронеже и уездных городах. Их работу контролировала казенная палата, в состав которой входили губернский землемер и губернский архитектор. Продажа соли в местах, где не было таких магазинов, была запрещена. Казна выделяла финансирование на их строительство, поскольку оптовая продажа соли была важным источником пополнения государственной казны.

Вероятно, массовость строительных работ, проводимых в губернии, послужила причиной учреждения в Воронеже должности «городового архитектора», который должен был непосредственно заниматься проблемами застройки губернского центра. 27 июля 1805 года на эту должность был назначен Тимофей Сергеевич Кондратьев[166]. Это событие стало важным этапом в развитии архитектурно-строительной службы в Воронежской губернии. В её структуре впервые за всё время существования стали числиться два архитектора, состоящие на государственной службе. При этом губернский архитектор относился к Министерству внутренних дел, а городской архитектор — к Министерству полиции. Эта несогласованность была устранена Сенатским указом от 29 мая 1813 года, который передал все дела по строительной части в МВД[167]. Лишь в 1866 году после жалобы курского городского архитектора на удержание жалованья, прогонных и разъездных денег было принято решение переподчинить городских архитекторов губернским правлениям[168].

Должности городских архитекторов учреждались отдельными указами, там где это было необходимо и возможно. Например, в 1836 году архитектор был определён в Нижний Новгород, в 1837 году — в Харьков, Кременчуг, Симбирск, в 1838 году — в Пятигорск, Вильно, в 1839 году — в Севастополь, Омск, в 1840 году — в Тюмень, Томск, Тобольск[169]. Рост числа городских архитекторов во многом был обусловлен тем, что в провинции постепенно стали появляться специалисты, окончившие одно из созданных в столице специализированных учебных заведений: «Архитекторское училище» при Академии художеств (1830) и «Училище гражданских инженеров» (1832).

На законодательном уровне статус городских архитекторов был определён в 1837 году. Согласно общему расписанию должностей по МВД, городской архитектор был отнесён к X классу (коллежский секретарь), а помощник архитектора — к XII классу (губернский секретарь). В 1840–1841 годах произошло разделение городских архитекторов на старших (включая помощников губернских архитекторов) и младших (бывших помощников архитекторов). Их должности были отнесены соответственно к IX и X классам. Тогда же в 1841 году министр внутренних дел получил право назначать

[166] РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д.1455. Л. 2, 3.
[167] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 32, № 25392.
[168] РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 2638.
[169] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 11, № 9512; Т. 12, № 10190, № 10421, № 10801; Т. 13, № 11393, № 11606; Т. 14, № 11972, № 11991; Т. 15, № 13520.

городовых архитекторов в губернские и уездные города за счёт городских доходов с содержанием, аналогичным тому, которое ранее было установлено в некоторых городах. Указом от 24 ноября 1842 года городские архитекторы были включены в состав губернских строительных комиссий[170].

После принятия Городового положения 1870 года, которое развивало основы городского общественного самоуправления, городские архитекторы начали появляться повсеместно. В это время городские управы стали отвечать за городское хозяйство и благоустройство, включая утверждение планов и фасадов частных зданий, выдачу разрешений на перепланировку и контроль за строительством. В примечании 2 к §114 Городового положения говорилось, что существующие должности городских архитекторов включаются в состав городских общественных управлений. Городские думы получили право учреждать такие должности и распространять на них все права, которые были ранее присвоены городским архитекторам[171].

Основываясь на результатах проведённого исследования, можно с уверенностью сказать, что Воронеж стал одним из первых губернских городов, где появилась должность городского архитектора. До этого в провинции такая должность была введена только в Феодосии по указу от 25 февраля 1804 года[172].

Тимофей Сергеевич Кондратьев, первый городской архитектор Воронежа, не имел специального образования, но обучился премудростям архитектурной профессии у губернских архитекторов В.Б. Белокопытова и И.И. Волкова[173]. Он занимал эту должность до 1819 года, временно совмещая её с обязанностями губернского архитектора в периоды его отсутствия (с 3 июня 1808 года по 10 февраля 1810 года и с 15 ноября 1816 года по 10 июля 1817 года). С сентября 1819 года он стал губернским архитектором и оставался на этой должности до своей отставки в 1831 году, сменив на этом посту М.А. Амвросимова (с 1817 по 1819 год).

Т. С. Кондратьев заложил основы системы управления архитектурной деятельностью в крупном губернском центре. Его «служба городского архитектора» включала его самого, помощника (примерно с 1815 года) и одного чертежника. Введение должности помощника было уникальным явлением для провинции, так как штат помощников в губернских городах был разрешен на законодательном уровне только в 1832 году с выходом первой редакции Строительного устава. Статьей № 571 позволялось нанимать помощников архитекторов в случае крайней необходимости, с разрешения и под ответственность главного местного начальства, оплачивая их труд за счет

---

[170] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 12, № 10511; Т. 15, № 13520; Т. 16, № 14819; Т. 16, № 14820; Т. 17, № 16251.

[171] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 45, № 48498. С. 833, 834.

[172] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 28, № 21178. С. 155.

[173] Акиньшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVIII - начало XX вв.) // Из истории воронежского края: сб. статей. Вып. 11. Воронеж, 2003. С. 157, 158.

средств тех мест и лиц, для которых строились или ремонтировались здания[174]. Ранее такое указание, содержавшееся в сенатском указе 1812 года, касалось только помощников при губернских архитекторах, поскольку суммы на их наем также не были предусмотрены штатным расписанием губерний[175].

За четверть века своей работы Т.С. Кондратьев украсил Воронеж прекрасными зданиями в оформленными в стиле классицизма, среди которых особенно известен особняк фабриканта В.В. Тулинова (1811–1813, проспект Революции, 30). В фондах РГИА сохранилось и множество чертежей нереализованных проектов архитектора: дома губернатора на Большой Дворянской (1817 год), больничных и вспомогательных зданий приказа общественного призрения (1811–1824 годы), здания, занимаемого городской думой и магистратом (1830 год)[176]. Кроме того, в 1818 году он составил пять различных по назначению планов Воронежа.

Находясь на должностях городского и губернского архитектора, Кондратьев подготовил множество важных документов, регулирующих строительство в Воронеже и губернии[177]. Так, в 1817 году был разработан чертёж под названием «Примерный план сельских усадеб по Воронежской губернии»[178]. Этот документ, направленный на упорядочение застройки в сельской местности, которая была практически вне поля градостроительного регулирования, является редким для того времени.

В отличие от городов, строгой регламентации по устройству сельских поселений в виде разработанных для них образцовых проектов не существовало. Эта проблема была признана в тексте примечания к «Положению для устройства селений», которое было утверждено 27 октября 1830 года[179]. В этом документе впервые были изложены подробные правила о расположении крестьянских дворов и всех строений на них, а для наглядности были приложены планы, на которые необходимо было ориентироваться. Таким образом, в плане обустройства сельских усадеб Т.С. Кондратьев намного по времени опередил деятельность центральных органов власти.

В 1806 году строительные экспедиции были переведены из казённых палат в состав губернских правлений. Их штат расширили, добавив должность

---

[174] Свод законов Российской империи, повелением гос. имп. Николая Павловича составленный. Т. 12. Ч. 4. Учреждения и уставы путей сообщения, устав строительный и устав пожарный. СПб, 1832. С. 113.

[175] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 32, № 25027.

[176] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 47- 62; Ф. 1488. Оп.1. Д. 717. Л. 1– 6.

[177] На территории губернии в рассматриваемый период вне Воронежа должность архитектора имелась лишь в штате Хреновского конного завода, основанном графом А. Г. Орловым-Чесменским. Величественный ансамбль завода возводился в период с 1808 по 1818 год по проекту знаменитого московского зодчего Д. И. Жилярди. Должность архитектора весьма необходимая для его эксплуатации и проведения своевременного ремонта сохранялась в штате и после продажи завода в казну, состоявшейся в 1845 году.

[178] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 36.

[179] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 5, ч. 2, № 4037.

асессора, который должен был заниматься только строительными работами. Но поскольку эту должность можно было вводить по необходимости, вакансию в Воронеже заполнили только в июне 1808 года. На неё назначили бывшего губернского архитектора В. Б. Белокопытова, который проработал асессором экспедиции вплоть до своей отставки, случившейся в январе 1818 года. После его перехода на должность асессора открылась вакансия губернского архитектора. Вероятно, из-за того, что в городе не нашлось подходящего кандидата, 24 ноября 1808 года губернатор А. Б. Сонцов обратился в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел с просьбой прислать в Воронеж архитектора. Приказом министерства от 15 декабря 1809 года на эту должность был назначен выходец из Пруссии Ф.К. Древиц, который не имел практики в России и поэтому он был подвергнут экзамену в строительном комитете[180].

В письме губернатора от 15 ноября 1812 года «О награждении асессора строительной экспедиции надворного советника Белокопытова орденом» говорится, что Белокопытов, помимо обычных строительных задач, выполняет множество других функций в губернском правлении. Ему было поручено осмотреть все казённые строения в губернии и составить сметы на их ремонт, что он успешно выполнил. Кроме того, он следит за строительством и занимается вопросами, связанными с почтами и содержанием дорог, поскольку знает работу архитектора.

Многие обязанности, ранее принадлежавшие исключительно губернскому архитектору, теперь стали частью служебных обязанностей асессора строительной экспедиции губернского правления. Это отражает специфику Воронежской губернии, поскольку Белокопытов обладал богатым архитектурным опытом. Кроме того, по должности асессора он контролировал использование государственных средств, выделяемых на строительство, что, как показывают документы, он делал эффективно именно благодаря этому своему опыту.

Хотя работа городского архитектора ограничивалась строительством в интересах городского самоуправления, фактически он подчинялся губернской администрации. Это нашло отражение в предложении губернатора А.Б. Сонцова Воронежской городской думе от 23 августа 1809 года, адресованном Т.С. Кондратьеву. Данный документ весьма важен для раскрытия тематики учебного пособия, так как содержит подробности о служебных обязанностях и инструментах архитектора. В предложении говорится, что городской архитектор Кондратьев сообщил губернатору о задержке выплаты жалования со стороны думы до тех пор, пока не будут решены текущие дела. Среди причин задержки архитектор назвал недопоставку со стороны просителей материалов (бумаги и красок) и отсутствие рабочего для «носки сажени». Чтобы облегчить положение неимущих просителей и ускорить процесс,

[180] РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 202. Л. 12.

архитектор неоднократно обращался к думе с просьбой предоставить ему деньги на покупку материалов и нанять рабочего. Также он просил предоставить ему железную цепь для больших измерений длиною в 10 саженей[181] и другие необходимые инструменты. Однако все эти просьбы были отклонены. Учитывая, что Кондратьев также выполнял обязанности губернского архитектора и часто бывал в командировках, губернатор предписал думе немедленно выплатить архитектору жалование за 1809 год в размере 200 рублей и в дальнейшем выполнять все его требования[182].

В «Статистическом описании Воронежской губернии» (1810–1811) указано, что при губернском правлении есть один архитектор с должностным окладом в 400 рублей в год[183]. Разница в жаловании между городским и губернским архитектором объясняется большим объёмом задач, стоящих перед последним.

В предложении А.Б. Сонцова говорится, что после учреждения должности городского архитектора часть обязанностей, которые раньше выполнял губернский землемер, перешли к новому специалисту. Поскольку обязанности городского архитектора не были чётко определены, он занимался различными задачами, в том числе и теми, которые были далеки от градостроительства. Например, он следил за тем, как красят крыши на государственных зданиях, и оценивал по поручению городской думы, сколько будет стоить ремонт пожарных инструментов. Только в 1865 году Министерство внутренних дел приняло документ, где были описаны обязанности городских архитекторов и их отношения со строительными отделениями губернских правлений[184].

Кондратьев совмещал должности губернского и городского архитекторов, и это было обычной практикой во многих губерниях. Однако лишь в 1821 году Комитет министров утвердил положение, согласно которому архитекторам официально разрешалось занимать несколько должностей одновременно. При этом они могли получать жалование из разных источников[185]. В провинции из-за нехватки квалифицированных специалистов архитекторы продолжали совмещать должности до середины XIX века.

Проблемы, связанные с материальным обеспечением архитекторов и возмещением их расходов связанных с реализацией профессиональной деятельности, впервые были рассмотрены на государственном уровне в указе от 10 марта 1812 года[186]. В нём шла речь о прошении Витебского губернатора

---

[181] Сажень, которая равнялась примерно 2,13 м, в основном использовали в виде измерительной линейки или рейки такой длины для замера земельных участков. Длину линий измеряли стальной цепью в 10 саженей, разделённой на 100 частей (колен) по 0,1 сажени каждая.

[182] ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 4. Л. 231.

[183] РНБ. Ф. ВЭО, 20 1/40. Л. 258.

[184] РГИА. Ф. 1293. Оп . 76, ч. 1. Д. 68.

[185] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 37, № 28556. С. 621, 622.

[186] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 32, № 25027.

вернуть губернскому архитектору деньги, потраченные на канцелярские принадлежности в 1809 году и работу помощника. Чтобы решить подобные проблемы, которые возникали и в других губерниях, в указе предложили, чтобы расходы на архитектурные проекты покрывались теми, кто заинтересован в строительстве или ремонте зданий. Если же на содержание этих зданий не предусмотрено отдельных средств, то эти расходы должны быть включены в сметы на строительство и ремонт. Что касается помощников, которые могут потребоваться при составлении проектов, то их следует нанимать за счёт тех же средств, но только в случае крайней необходимости и с разрешения главного местного начальства.

В штате городского архитектора Воронежа должность помощника появилась в середине 1810-х годов. Её занял Иван Андреевич Блицын, о котором известно, что уже в 1819 году он сам был назначен на должность городского архитектора, а с 1831 года служил губернским архитектором. После ухода в отставку в 1835 году Блицын стал первым в Воронеже «вольнопрактикующим архитектором», то есть начал работать не на государственной службе, а по частным заказам[187].

Жалование, установленное ещё в прошлом веке губернским землемерам и архитекторам, также не отвечало новым реалиям жизненным реалиям и требовало пересмотра. Однако только 19 ноября 1819 года было принято решение о его увеличении для губернских архитекторов[188]. По предложению управляющего МВД оно составило 1200 рублей, что в три раза превышало предыдущую сумму годового вознаграждения. Губернский архитектор впервые стал получать больше губернского землемера, что соответствовало увеличению объёма его обязанностей на фоне общего сокращения работ, связанных с межеванием, по сравнению с периодом екатерининских преобразований. Только в 1825 году было увеличено жалование губернских землемеров с 500 до 1000 рублей[189].

Информация о Воронеже 1810–1811 годов содержится в уже упоминавшемся «Статистическом описании…» М.П. Штера. В нём говорится, что город простирается на 4 версты в длину по горам над рекой от Троицкой заставы до слободы Чижевки и на 2 версты в ширину через Площадную (Ново-Московскую) улицу до реки. Окружность города составляет 10,5 вёрст. В Воронеже, согласно данным рукописи, проживало 22 100 человек. В городе было 2 258 домов, из них 311 каменных (296 частных и 15 казённых) и 1947 деревянных (1946 частных и 1 казённый)[190]. По численности населения

---

[187] Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому Словарю воронежских архитекторов (конец XVIII - начало XX вв.). [А-В]. //Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 79.

[188] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 36, № 27986; Т. 44: Книга штатов. С. 205.

[189] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 40, № 30291; Т. 44: Книга штатов. С. 200.

[190] РНБ. Ф. ВЭО, 20 1/40. С. 70 – 72.

Воронеж в 1811 году занимал 14-е место среди городов страны (выше по списку располагается Киев с 23,3 тыс. жителей[191]).

Эти цифры показывают, что за шесть лет численность населения Воронежа увеличилась на 8639 человек по сравнению с 1804 годом. Учитывая относительно небольшие физические размеры городской территории (чуть более 11 км по периметру), этот факт, наряду с постоянно растущим количеством казённых и частных домов, свидетельствует об объёме работы, которую должен был выполнять городской архитектор по застройке Воронежа в соответствии с генеральным планом.

Город был давно поделён на кварталы, но многие из них оставались «неразрегулированными» на отдельные дворы. Особенно это касалось окраин, которые начали активно заселяться позже остальных районов. Например, на плане Воронежа 1845 года кварталы у городской черты, ограниченные современными улицами Кольцовской, Ф. Энгельса, и Чайковского, обозначены как «неразрегулированные».

Задачу по распределению мест под застройку выполнял городской архитектор. При планировании кварталов и их разделении на участки он мог использовать образцовые чертежи кварталов, выбирая те, которые лучше всего соответствуют потребностям жителей и особенностям местности. 26 таких чертежей были утверждены 8 февраля 1812 года[192].

Только после разделения дворовых мест составлялся план на квартал, который подписывался губернатором. Это было новым правилом работы с городской землёй. Из-за отсутствия таких документов в некоторых случаях городской архитектор не мог начать разработку новых планов на домовладения. Поэтому Т. С. Кондратьеву приходилось отказывать просителям, даже если у них был прежде выданный старый план или даже существовал дом, но не было полного разделения квартала на участки.

Когда квартал был разделён, можно было выбрать свободный участок для строительства. Стоит отметить, что такая возможность сохранялась достаточно долго даже на территориях располагавшихся относительно недалеко от центра. Так, например, в предложении губернатора Н. П. Дубенского от 9 августа 1818 года, адресованном Воронежской городской думе, говорится о том, что городовой архитектор Кондратьев сообщил ему, что жена купца Николая Клочкова, Домна, выразила желание построить каменный двухэтажный дом с полутораэтажными службами на пустом месте за садом действительного статского советника и кавалера Черткова, на новой площади (имеется в виду территория нынешнего парка «Орлёнок») в 122 квартале по линии с домом Черткова (он располагался у пересечения нынешних улиц Фр. Энгельса и Чайковского), выбрав середину квартала, оставляя угловые места для других дворов. Архитектор, «сочинив владельческий план с фасадом» представил его

[191] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913) : статистические очерки. М., 1956. С. 90–91.
[192] ПСЗРИ. 1- е собр. – Т. 32, № 24989. С. 181.

на рассмотрение губернатору. который утвердив эти документы «препроводил» их в Думу для выдачи заявителю[193].

Этот документ описывает порядок действий и процесс согласования документов для получения разрешения на строительство дома. При этом заказчик мог обратиться не только к городскому архитектору, но и к специалистам строительной экспедиции губернского правления или военным инженерам, работающим в городе. Однако утверждение проекта думой происходило только после подачи его городским архитектором. Процитированная фраза «сочинив владельческий план с фасадом» указывает на то, что хотя в городе и велось образцовое строительство, оно не было определяющим фактором в формировании его облика.

Ранее уже упоминалось о попытках регулирования строительства на государственном уровне путём издания альбомов образцовых проектов, которые распространялись по губерниям через полицию. 22 февраля 1811 года Василий Македонец, председатель уголовной палаты, исполняющий обязанности воронежского губернатора, подписал распоряжение, адресованное городской думе. В этом распоряжении говорится, что доставленный ему экземпляр высочайше утверждённых фасадов для частных строений он передает думе и предписывает впредь согласовывать строительство домов жителями Воронежа с этими фасадами[194].

Речь в данном предписании идёт о первом или втором альбомах, выпущенных в 1809 году. Эти альбомы впоследствии вошли в серию из пяти альбомов гравированных чертежей типовых проектов, издание которых было завершено в 1818 году. Поскольку в начале XIX века в застройке русских провинциальных городов наблюдалось заметное отставание в использовании архитектурных форм и приёмов, характерных для классической архитектуры, такую рассылку типовых проектов можно рассматривать как усиленную пропаганду этого стилистического направления, способствующего объединению городской застройки. С учётом этого отставания период позднего классицизма (первая треть XIX века) в провинции продолжался до середины столетия.

Хотя губернатор и требовал строить по образцам, масштабы такого строительства в Воронеже в этот период были значительно меньше, чем раньше. В сохранившихся документах нашлась только одна ссылка на номер образцового фасада, который был выбран застройщиком. Её можно найти в прошении асессора И.И. Ильина от 1818 года, адресованном Т.С. Кондратьеву. В этом документе упоминается № 14 из «высочайше апробированных фасадов»[195].

---

[193] ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 27. Л. 60.

[194] ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.

[195] ГАВО. Ф. И-29. Оп. 131. Д. 35. Л. 12. В альбоме образцовых фасадов под этим номером изображен жилой дом в два этажа и в 7 оконных осей с накладным шестиколонным портиком, увенчанным треугольным фронтоном (Собрание фасадов, Его Императорского

Состоятельные жители Воронежа строили свои дома в основном по индивидуальным проектам, которые разрабатывались с учётом их пожеланий. Менее обеспеченные горожане, жившие вдали от центра, возводили дома по типовым проектам, но при этом часто отклонялись от них, поскольку государство не требовало точного воспроизведения в натуре типовых проектов в провинции. Это прослеживается при возведении как жилых, так и казенных зданий. Возможно, именно рекомендательным характером типовых проектов объясняется тот факт, что в 1822 году губернское дворянское собрание Воронежа отказалось покупать чертежи утверждённых планов и фасадов для городских строений[196].

Тем не менее, типовое проектирование играло важную роль в формировании архитектурного облика массовой жилой застройки. В первой половине XIX века активное использование принципов классицизма, в частности симметрии, сделало даже небольшие дома, сооруженные вдали от центральных кварталов Воронежа, более парадными.

В городе по-прежнему сохранялось чёткое разделение городской застройки по социальному признаку: центр предназначался для дворянства и купечества, а окраины — для малоимущих и неимущих горожан. Полностью каменной была только Большая Дворянская улица. Помимо Большой Дворянской, богатые кирпичные дома стали появляться ещё на двух улицах: Новой Московской, ставшей центральной осью планировочного «трезубца», и Большой Девицкой, которую в ходе реализации генерального плана сделали прямее и продлили до современной улицы Кольцовской. Именно на этих улицах сосредоточилась купеческая застройка, которая часто соседствовала с коммерческими предприятиями: торговыми лавками, питейными домами, банями, амбарами и даже небольшими заводами, расположенными на одном участке земли вместе с жилым домом.

В «Статистическом описании…» губернатора М. П. Штера приведены данные о мощностях кирпичного производства в губернии: работало 50 заводов с общей производительностью 3718500 кирпичей в год, из которых 21 завод находился рядом с Воронежем, которые в сумме производили 2415500 кирпичей в год. Чтобы понять, насколько это много или мало, скажем, что из этого количества кирпича можно было построить не более 36 одноэтажных домов размером 6 на 9 метров.

Многие кирпичные здания на центральных улицах Воронежа были покрыты листовым железом, но большинство обывательских домов имели всё-таки деревянные кровли, которые часто приходили в негодность и не способствовали созданию благопристойного облика губернского центра. Указ, обнародованный в 1811 году «О правилах построения частных домов в городах» как раз и был призван улучшить внешний облик застройки

Величества, высочайше апробованных для частых строений в городах Российской империи. 1809 - 1812 года. В 5 ч. Ч I. СПБ., 1809).

[196] ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 679. Л. 4.

российских городов. В нём отмечалось, что почти все дома в губернских городах, а особенно в уездах покрываются тёсом, который редко бывает хорошего качества. При этом требовалось, чтобы крыши на обывательских домах были определённой высоты (¼ часть от ширины строения из соображений пропорции и красоты зданий). Жизнь показала, что это требование было трудновыполнимо. Поэтому для того чтобы «соединить приятность вида строений с возможными выгодами обывателей» и избежать злоупотреблений со стороны местных полицейских и даже губернских и городских архитекторов, решено было оставить эту норму только для тех строений, которые ставятся на линии улиц[197].

В Воронеже мещане строили преимущественно деревянные одноэтажные дома, располагавшиеся на каменном фундаменте. Только в 1829 году на государственном уровне официально разрешили строить деревянные дома на каменном фундаменте в тех местах, где изначально планировалось каменное строительство.[198] Это решение было принято, потому что в провинциальных городах оказалось недостаточно богатых жителей способных осилить каменное строительство.

Важную роль в формировании облика российских городов сыграл и указ Александра I от 13 декабря 1817 года адресованный управляющему Министерством полиции[199]. В нём содержались дополнительные правила об устройстве городов и селений и в частности, запрещалось окрашивать дома в яркие цвета. Разрешалось использовать только восемь цветов: белый, палевый, бледно-жёлтый, светло-серый, дикий (серый), бледно-розовый, сибирка с большой примесью белой (медная зелень) и жёлто-серый[200]. 25 июля 1818 года были установлены три допустимых цвета и для окраски крыш: дикий, зелёный и красный[201].

В связи с ожидаемым прибытием императора в Воронеж губернатор А. И. Снурчевский ссылается на этот указ Александра I и приказывает собрать в течение одного месяца тройной поземельный сбор для единовременного обустройства в городе мостовых, будок, надолбов против казённых зданий, фонарей, шлагбаумов и всех принадлежностей военного караула. Подписанный им документ датирован 31 мая 1819 года[202].

Эти и другие указы, регламентирующие устройство городов, оказали значительное влияние на формирование их облика. За выполнением этих предписаний следили губернские и городские архитекторы, а контроль исполнения осуществляли городничие, полицмейстеры и частные приставы.

---

[197] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 3, № 2192. С. 719, 720.
[198] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 4, № 3026.
[199] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 34, № 27180.
[200] Это требование потеряло обязательный характер после выхода указа «О дозволении расписывать обывательские дома с наружи разноцветными красками», опубликованного 5 ноября 1844 г. (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.19, №18395).
[201] РГИА. Ф. 823. Оп. 1. Д.3.
[202] ГАВО. Ф. И-61. Оп.1. Д. 23. Л. 52.

В Воронеже за практическую реализацию указов, регулирующих строительные процессы, отвечал городской архитектор Т.С. Кондратьев. Он занимал эту должность с момента её учреждения и с небольшими перерывами до сентября 1819 года. Когда губернский архитектор М.А. Амвросимов ушёл в отставку, губернатор предложил назначить на его место Т.С. Кондратьева. Этот факт свидетельствует о том, что он очень достойно исполнял свои обязанности. В столице согласились с этим предложением, и Т.С. Кондратьев получил повышение[203]. В должности губернского архитектора он проработал до своей отставки в 1831 году. Таким образом, всего на ниве воронежской архитектуры Т.С. Кондратьев проработал 26 лет.

В 1817 году губернатор Н.П. Дубенский утвердил новый план разделения Воронежа на полицейские части, которые соответственно были и зонами ответственности городских пожарных команд. Городская дума должна была провести новую опись домов совместно с землемерами и частными приставами. Однако к выполнению этого распоряжения приступили только после вторичного напоминания губернатора думе в 1818 году.

Город был разделён на три части полицейского управления: Московскую, Дворянскую и Мещанскую. Впервые такое деление было показано на плане Воронежа, составленном полковником Шицем 2-м[204].

Сами здания полицейских частей были построены в 1825 году (рис. П.15). Над ними возвышались деревянные пожарные каланчи, которые вместе с храмами стали заметными вертикальными ориентирами в одно-двухэтажном Воронеже. Благодаря удачному расположению, здания значительно обогатили облик губернского центра. Выбор места — заслуга городского архитектора И. А. Блицына и возглавляемой им службы. Из всех зданий сохранилось только здание Мещанской полицейской части (улица К. Маркса, 32), у которого в 1875 году ветхую деревянную каланчу заменили на четырёхъярусную кирпичную.

План Шица интересен детальным определением мест многих общественных, частных и промышленных зданий, а также указанием имён их владельцев. Изучая его, можно отметить низкую плотность застройки даже в центре города: дома располагались не вплотную друг к другу, а отделялись садами. Иногда сады занимали целые кварталы. Дворянские и купеческие усадьбы, часто выходили на соседнюю улицу. В этом случае застройка улицы осуществлялась только с одной стороны.

На этом плане впервые показано Вознесенское (Чугуновское) кладбище, которое разместилось за городской заставой. Под него отвели обширный участок в самом конце Старо-Московской улицы (нынешняя улица К. Маркса), которая таким образом стала тупиковой. Это решение объясняется тем, что старая дорога на Москву к началу XIX века полностью утратила своё прежнее значение в планировочной структуре Воронежа.

---

[203] РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1053. Л. 2.
[204] РНБ. Отдел рукописей. Ф. 342, № 1143.

В апреле 1816 года функции архитекторов на местах были расширены. В соответствии с Сенатским указом «О правилах оценки домов…» при оценке домов обязательно должен был присутствовать архитектор. Оценку следовало производить на основе подсчёта несгораемых материалов, таких как железо и кирпич, а также учитывать выгоду местного положения и доход, получаемый с дома. Эти правила были необходимы для того, чтобы оценка домов по всей стране делалась единообразно и только специалистами, что позволяло минимизировать ущерб для казны при принятии зданий гражданской палатой в залог[205].

Хранящееся в ГАВО дело «О выдаче титулярному советнику Якову и майору Василию Тулинову на дома и фабрику свидетельства» даёт представление об этой сфере деятельности архитекторов в городах губернии[206]. В деле есть опись с оценкой жилого каменного трёхэтажного дома со службами расположенного в Воронеже. Судя по документу, усадьба была обширной. Она простиралась в глубину от нынешнего проспекта Революции до улицы Ф. Энгельса. По «архитекторской смете», составленной 6 января 1819 года, общая стоимость кирпичного дома «с тремя под ним выходами» и участка составила 25066 рублей 33 копейки. Этот документ завершает подпись воронежского городового архитектора Тимофея Кондратьева, который был автором проекта этого дома, построенного в 1813 году.

Через десять лет после предыдущей оценки дом Тулиновых был оценён городским архитектором И.А. Блицыным в 39019 рублей 3 копейки. Губернский архитектор Т.С. Кондратьев в сопроводительной записке указал, что состояние материалов дома, как сгораемых, так и несгораемых, хорошее, и что оценка является умеренной и не постоянного восьмилетнего дохода[207]. Стоимость дома значительно увеличилась, что объясняется выгодным местоположением и доходом, который приносил дом. Он считался одним из лучших в Воронеже.

Особняк с большим двусветным залом на втором этаже и жилыми комнатами, расположенными анфиладой, был роскошным для своего времени. Владельцы не раз предоставляли его для проживания высокопоставленных гостей города. Например, в 1818 году в доме В.В. Тулинова останавливался Александр I. Известие о приезде царя побудило власти обновить и отремонтировать многие ветхие здания.

Около 1818 года городской архитектор Т.С. Кондратьев составил ряд упомянутых выше планов Воронежа, которые существенно дополняют картину его застройки. Эти чертежи очень важны для историков архитектуры и

---

[205] После учреждения «Российского страхового от огня общества» (22 июня 1827 года), владельцы могли заказать составление страховых описей на свои строения. В губернских городах эти документы подписывали полицмейстер или губернский архитектор. При оценке строений учитывались только их характеристики, а участок и выгодное местоположение в расчёт не брались. (ПСЗРИ. 2 собр. – Т. 2, № 1202. С. 562).

[206] ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 21205. Л. 15 – 29 об.

[207] ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 21205. Л. 26, 33.

краеведов, потому что к ним есть подробные пояснения, а на самих планах обозначены почти все улицы. Содержащуюся в них информацию существенно дополняет план Воронежа 1822 года, составленный воронежским губернским землемером А.З. Артемьевым[208]. На нём и в пояснении к нему отмечены казённые, городские (общественные) и церковные строения. На этом плане, например, впервые было отмечено здание на месте нынешнего драматического театра, где уже тогда выступала профессиональная труппа, а вокруг Успенской церкви обозначены здания Приказа общественного призрения.

На чертеже подробно показаны промышленные предприятия: канатные прядильные заводы, суконная фабрика, кожевенные заводы, суконные мануфактуры, колокольный литейный завод (рядом с Чугуновским кладбищем), мыловарни, заброшенный сахарный завод (у городского вала, в районе пересечения современных улиц Кирова и 20-летия Октября). Его анализ позволяет понять, как территория Воронежа была разделена на функциональные зоны. Например, видно, что промышленные предприятия располагались рядом с рекой, а места постоянной торговли — в определённых районах. Всё это — результат последовательной и целенаправленной работы архитектурной службы города, которая стремилась улучшить городскую среду.

Один из примеров такой работы — перемещение мясных рядов «на другое назначенное по плану место»[209]. Воронежские купцы Трясоруков, Титов и Фролов обратились с прошением в столицу, и им была назначена денежная компенсация за расходы связанные с этим переносом и одобрены действия городских властей. Этот случай рассматривали в 1841 году, то есть гораздо позже составления обсуждаемых планов. Тем не менее, он наглядно демонстрирует, как Воронеж постоянно развивался и улучшался в результате целенаправленной деятельности городской архитектурной службы.

Только в 1857 году на государственном уровне было принято решение, которое обязывало домовладельцев, строивших дома на участках, предусмотренных генеральным планом под улицы и площади, подписывать документ, подтверждающий, что они отказываются от права требовать компенсацию за утраченное имущество[210].

Планы, созданные Кондратьевым, отличались от фиксационного плана Воронежа 1822 года. На них в верхней части города была нанесена сетка перспективных кварталов. Это говорит о том, что городской архитектор продолжил работу над предложениями по развитию генерального плана 1774 года. Планы различались степенью детализации, которая зависела от цели их создания.

---

[208] Архив СПб ИИ РАН. Коллекция 220. Д. 206.

[209] Данное решение было принято на основании § 39 именного указа «О порядке производства дел по Министерству внутренних дел» от 3 мая 1829 г., в котором говорилось о «снисхождении к частным лицам, коих домы по планам городов подлежали бы сломке» (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.4, № 2857. С. 300).

[210] РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2665. 25 л.

Среди планов Кондратьева можно выделить два[211] (рис. П.16, П.17), которые имеют важное значение для характеристики работы губернской строительной экспедиции (с 1836 года — строительной комиссии) и архитектурной службы города. Эти планы связаны с выбором места для строительства новых зданий приказа общественного призрения. На них графически выделены участки, принадлежащие приказу: около Успенской церкви, «близ церкви Святого Ануфрия» и на «новом рынке в Петропавловском приходе»[212]. На планах показаны все постройки, относящиеся к приказу, и указана их функциональная принадлежность. Остальные кварталы на планах изображены без детализации.

Сохранились подробные чертежи 1811 года всех построек, указанных в экспликации. Эти чертежи «с натуры снимал губернский архитектор Тимофей Кондратьев»[213]. Больница размещалась в сохранившемся до наших дней бывшем жилом доме купца Потапа Гарденина.

История выбора места и проектирования зданий приказа общественного призрения даёт представление о том, как в первой половине XIX века строили казённые здания. Документы, сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве, показывают, насколько ответственно подходили к выбору места и проекта. Приказы общественного призрения, созданные в соответствии с «Учреждением для Управления губерний Российской империи» 1775 года, играли очень важную роль в становлении здравоохранения в стране. С 1803 года они находились в ведении хозяйственного управления Министерства внутренних дел.

Проекты в виде планов и фасадов, предполагаемых к постройке в Воронеже богоугодных заведений приказа общественного призрения, рабочего и смирительного домов, поступил в строительный комитет Министерства внутренних дел в 1818 году (рис. П.18, П.19). Они подписаны губернским архитектор М. А. Амвросимовым[214], который занимал эту должность с 10 июля 1817 года по 6 сентября 1819 года. Судя по чертежам, комплекс зданий должен был располагаться на новом, свободном от застройки участке. В том же году были выполнены чертежи (без подписи) сиропитательного (сиротского приюта для детей) и сумасшедшего домов на усадьбе, которую приказ купил у коллежской советницы Македонцевой возле нового Попова рынка[215]. Первоначальный проект богоугодных заведений на этом месте выполнил В. Б. Белокопытов (рис. П.20).

Вероятно, проект разработанный М. А. Амвросимовым не получил одобрения в столице, поскольку новые планы на конкретные здания Приказа и

---

[211] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 5. План гор. Воронежа. Там же. Д. 6. План гор. Воронежа.

[212] Это район располагается ныне у пересечения улиц Сакко и Ванцетти, Степана Разина, Цюрупы, Вайцеховского, и Большой Манежной.

[213] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 49, 53, 54, 56.

[214] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 39, 40.

[215] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 78, 79, 81.

сметы на их строительство были представлены наместнику генерал-губернатору А. Д. Балашеву в ноябре 1820 года. Согласно заключению Строительного комитета Министерства внутренних дел от 7 июня 1821 года, в тот день рассматривались два проекта[216].

Первый предлагал частично переделать старые сооружения приказа и расширить их пристройками. Новые каменные здания планировали построить в конце Большой Дворянской улицы. Чертёж, названный «План военно-градской больницы на 350 человек предлагаемой к постройке в губернском городе Воронеже», подписал городской архитектор И. А. Блицын[217] (рис. П.21, П.22). Стоимость всех работ оценили в 158 743 рубля 90 копеек. Эксперты отметили, что расположение зданий удобно и соответствует нуждам размещаемых в них учреждений. Стоит отметить, что подобная практика строительства специальных зданий с учётом функциональных особенностей их эксплуатации в провинции встречалась чрезвычайно редко.

Чаще всего для новых функций приспосабливали уже существующие здания. Так было и во втором проекте, согласно которому планировалось купить фабрику Гарденина, закрывшуюся в 1810-х годах, за 20 тысяч рублей и использовать её строения для размещения воспитательного и инвалидного домов. Составленные архитектором Т.С. Кондратьевым материалы в 1820 году были представлены в СК МВД. На чертежах детально изображены фасады каменных строений фабрики Гарденина в их текущем состоянии, расположенные рядом с церковью Святого Онуфрия, а также план каменного дома с прилегающими службами и бывшей суконной фабрикой, их дворовыми участками и садом (рис. П.23). В комплект документов также входил генеральный план места со строениями Воронежского приказа, включая участок, приобретаемый у фабриканта Якова Гарденина[218].

Земельный участок, ограниченный Онуфриевским переулком (ныне — Фабричный), Поднабережной улицей (ныне — ул. 20-летия ВЛКСМ), Большой Девиченской (ныне — ул. Б. Манежная) и Мало-Чернавской (ныне — ул. Замкина), включал «Каменный большой больничный корпус» (перестроенный из «Дома Гарденина»), жилые дома и каменные службы, больничный флигель, каменную конюшню и другие постройки (рис. П.24, П.25, П.26). При этом сохранялись больница на 40 мест, построенная в 1800 году у реки, в приходе Успенской церкви, и двухэтажный каменный дом, купленный для нужд приказа и предназначенный для размещения сумасшедших у нового рынка. С учётом покупки, ремонта фабричных зданий, их перестройки и строительства новых объектов для размещения больницы, рабочего и смирительного дома, общая стоимость проекта составила 135581 руб. 25 коп[219].

---

[216] РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1845. Л. 1-7.
[217] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 37, 38.
[218] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 57, 60, 61.
[219] РГИА. Ф. 1293. Оп. 16. Д. 1845. Л. 6.

Строительный комитет рассматривал два варианта, но не смог выбрать один из них. Второй вариант оказался предпочтительнее по издержкам, а первый — по удобству расположения. С точки зрения сегодняшнего дня, это был первый опыт вариантного проектирования в Воронеже, выполненный местными архитекторами. Уникальность этого опыта заключается в том, что были предложены не только два разных проекта одного и того же объекта, но и разные места в городе для их размещения. Кроме того, были созданы два генеральных плана, которые учитывали существующую городскую ситуацию.

Подобная практика стала широко применяться в других провинциальных городах страны гораздо позже, когда там появилось достаточно архитекторов, и были разработаны процедуры организации архитектурных конкурсов. Перед их проведением составлялась «программа строения с объяснением местных данных», в которой описывались цель, особенности и основные условия здания, включая местоположение, этажность и расположение помещений. Составление таких программ стало обязательным с 1830-х годов при проектировании государственных зданий[220].

Работа, проделанная воронежскими архитекторами, легла в основу проекта, выполненного архитектором И. И. Шарлеманем, который по должности занимался составлением проектов казённых зданий в СК МВД (рис. П.27). Его проект, озаглавленный «Планы и фасады богоугодным заведениям Воронежского приказа общественного призрения», был одобрен самим императором 4 мая 1823 года, что подтверждает его значимость. Он состоит из чертежей главного трёхэтажного корпуса и двух двухэтажных боковых флигелей. Анализ этих графических материалов показывает, что известный петербургский зодчий взял за основу проект И. А. Блицына и творчески его переработал.

В 1824 году Кондратьев вновь подготовил большое количество чертежей зданий, которые планировалось построить или отремонтировать для нужд Приказа рядом с церковью Святого Ануфрия и на Новом рынке[221] (рис. П.27, П.28). Но и в этот раз новые здания так и не были построены.

В 1826 году снова подняли вопрос о строительстве комплекса зданий для нужд Приказа. Об этом свидетельствуют «Планы и фасады для постройки богоугодных заведений в Воронеже и Курске», которые хранятся в фонде Петербургского Сенатского архива РГИА[222]. Фасады всех зданий в предлагаемых комплексах в Воронеже и Курске абсолютно одинаковые. Они полностью соответствуют проекту И.И. Шарлеманя, который начали реализовывать в Воронеже в 1826 году.

Лишь при рассмотрении их генеральных планов, которые основаны на одинаковых принципах функционирования многопрофильных больничных

---

[220] Баранова А.А. Развитие архитектурно-строительной документации в дореволюционной России (XIX - начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук. М., 1984. С. 92.
[221] РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 50, 51, 55, 58, 71.
[222] РГИА.. 1399. Оп. 1. Д. 315. Л. 1– 8.

заведений, обнаруживаются небольшие различия. Поскольку все чертежи, кроме генеральных планов, печатные, без подписей и дат, можно утверждать, что к тому времени проект, созданный Шарлеманом, стал уже образцовым. Использование примерных планов богоугодных заведений с правилами для их возведения, разработанными в столице, значительно удешевило строительство, которое осуществлялось под жёстким финансовым контролем МВД. Этому же способствовали фасады, которые отличались простотой и целесообразностью архитектуры.

После пожара 1837 года в период с 1839 по 1842 годы губернский архитектор А. И. Денисенков разработал чертежи для восстановления больницы (фасад, планы этажей, разрез главного корпуса), а его помощник А. М. Мокринский создал планы и фасады всех остальных зданий, размещавшихся на улице Большая Дворянская[223]. В главном трёхэтажном корпусе предложили вновь разместить военный госпиталь, который приносил значительный доход приказу. Однако проектные предложения воронежских архитекторов не были утверждены в ГУПСиПЗ. Возможно, представление МВД «О возобновлении сгоревшего главного корпуса заведений Воронежского Приказа общественного призрения», зарегистрированное в журнале Комитета министров в декабре 1843 года, не получило высочайшего одобрения. Только в 1847 году началось восстановление комплекса в первоначальном виде. Это решение вполне можно объяснить тем обстоятельством, что указ об отмене использования примерных чертежей при строительстве зданий приказа общественного призрения был опубликован только в 1858 году[224].

На большом земельном участке (размером примерно 80 на 75 саженей) расположился больничный городок, который включал в себя не только здание лечебницы, но и богадельню для пожилых людей, дом для душевнобольных, рабочий и смирительные дома (всего 9 объектов). Масштабность этого комплекса и его значение для Воронежа того времени объясняют, почему его появление в архитектурно-планировочной структуре города заняло так много времени. Суммарно более 40 лет различные архитекторы города работали вместе над его созданием.

Ансамбль, обращённый к Большой Дворянской улице, получил симметричную композицию, характерную для периода классицизма. На красной линии застройки главной улицы Воронежа расположены два одинаковых двухэтажных флигеля, а в курдонере, отделённом от дороги сквозной оградой, разместилось главное трёхэтажное больничное здание с ризалитом по центру, фронтон которого был увенчан крестом. С конца 1860-х годов во всех корпусах комплекса размещалась губернская земская больница. Эти здания, реконструированные после Великой Отечественной войны, и сейчас используются в сфере здравоохранения (проспект Революции, 10, 12, 14).

---

[223] РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 736, 737, Д. 738. Л. 1 – 4.
[224] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 33, № 33636.

В 1820-х годах администрация губернии и городские архитекторы начали масштабные работы по благоустройству Воронежа. Масштабы проблемы с благоустройством города отражены в «Кратком статистическом описании Воронежской губернии», подписанном губернатором Н. П. Дубенским 27 мая 1818 года. Этот документ, представленный Александру I, содержит следующую информацию: «положение его (*Воронежа – В.Г.)* на гористых местах и черноземе, от чего весной и осенью бывают большие грязи, в отвращение коих хотя и предназначено мостить улицы каждому хозяину против дома своего, но так как камень получают только из одного близлежащего села, называемого Девица, то обыватели берут за оный цены непомерные и от того постройка мостовой весьма безуспешна; для усовершенствования как сего предмета…учрежден по велению начальника комитет; а между тем улицы противу казенных и общественных зданий, площадей замащиваются камнем на счет общественной суммы, под ведением городовой суммы состоящей… Ощутимый недостаток претерпевают здешние жители в воде и все к отвращению оного старания остались доныне безуспешными»[225]. Далее губернатор просит вывести из Воронежа 14 предприятий по забою скота и вытапливанию сала, которые создают вредную грязь. Описание Н. П. Дубенского, возможно, впервые так откровенно говорит о проблемах качества жизни в городе. Обычно подобные документы носят более оптимистичный характер, поскольку представляют собой отчёты губернаторов перед императором.

Ранее уже предпринимались попытки благоустроить хотя бы центр города. Например, в 1808 году, благодаря усилиям гражданского губернатора А. Б. Сонцова, жители начали мостить Большую Дворянскую улицу песчаным и частично известковым камнем, а в 1814 году по инициативе губернатора М. И. Бравина на ней же началось создание бульвара[226].

Ситуация с благоустройством была сложной во многих городах страны. В отчёте Н. П. Дубенского перечислены практически все средства, которые могли использовать губернаторы для решения этой проблемы в соответствии с существующей законодательной базой. Не упоминается лишь обязательный сбор камня со всех повозок, въезжающих в город, который должен был использоваться для мощения улиц. Закон, введённый в 1811 году для всех городов страны, очевидно, не работал на территории лесостепной губернии. Это подтверждается тем фактом, что в 1832 году закон был отменён по представлению некоторых губернаторов, где существовали трудности в сборе камня[227]. Одновременно губернаторам было приказано ежегодно выделять из городских доходов необходимую сумму на мощение площадей и улиц, начиная с главных и постепенно переходя к остальным. Учитывая скудость городских

[225] РГВИА. ВУА. Д. 18674. Л. 9 об., 10, 11.
[226] Славинский М.И. Исторической, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 2014. С. 84.
[227] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 7, № 5138.

доходов, этим указом предписывалось использовать необременительные сборы для населения в качестве дополнительного источника финансирования этих работ.

Чтобы найти дополнительные источники пополнения городского бюджета, Воронежская городская в 1838 году обратилась в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить ввести два новых налога: 1) с возчиков, которые вывозили хлеб, шерсть и сало из губернии, в зависимости от расстояния и веса груза; 2) с продавцов лошадей торгующих на городском рынке. Это предложение было одобрено и рекомендовано пересмотреть положение о доходах и расходах Воронежа, утверждённое 24 декабря 1830 года[228].

Сравнение текста указа 1832 года и отчёта Н. П. Дубенского показывает, что многие идеи из указа уже применялись в Воронеже. Право решать, какие улицы нужно замостить в первую очередь, а какие позже, было закреплено только в 1835 году за временными городскими комитетами по благоустройству[229]. Такие комитеты предлагалось создавать под председательством губернаторов, включая в них городского голову и депутатов от всех слоёв городского населения, имеющих собственные дома. Это же право было подтверждено в «Общем наказе гражданским губернаторам», утверждённом в 1837 году[230].

Благоустройство Воронежа началось с Большой Дворянской улицы. На ней убрали бульвар, который проходил посередине. Тротуар отделили от проезжей части высокими тумбами из песчаника, соединёнными деревянными брусьями, окрашенными в серый цвет. Вдоль тротуара посадили пирамидальные тополя и установили деревянные столбы с фонарями. Тогда же началось мощение камнем первых трёх улиц: Большой Московской, Большой и Малой Дворянской.

В 1824 году благоустройство Воронежа получило новый импульс благодаря назначению на пост губернатора Н. И. Кривцова. Он уделял особое внимание внешнему виду города. Чиновник губернского правления Д. Рябинин вспоминал: «Кривцов служил воронежским губернатором немногим более двух лет… Но, отличаясь горячей деятельностью по строительной части, успел сделать в короткое время своего управления очень многое для улучшения города Воронежа, относительно существенных удобств и внешнего благообразия»[231]. Он мостил улицы, построил прекрасную дамбу с мостом на выезде из города вместо старой гати и выкопал 20 колодцев для обеспечения горожан водой в нагорной части. В своих мемуарах С. И. Соколов, помощник городского архитектора в то время, отмечал, что за три года, с 1824 по 1827, город очень сильно изменился[232].

---

[228] РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 98. Л. 4.
[229] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 10, № 7848.
[230] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 12, № 10303.
[231] Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1770-1917. Воронеж , 2015. С. 183.
[232] Воронеж в документах и материалах. Воронеж, 1987. С. 56.

По приказу губернатора в 1824 году началось мощение камнем улиц и спусков к реке (Богословской, Большой Чернавской, Большой Успенской). В местах с резким перепадом рельефа были построены кирпичные подпорные стены. Их остатки можно увидеть и сегодня на левой стороне улицы Степана Разина при спуске к Чернавскому мосту, на улицах Бучкури, Чернышевского, Севастьяновский съезд, Декабристов, а также на углу улиц Белинского и Володарского.

20 ноября 1825 года столичный «Комитет для изыскания способов к улучшению состояния городов» направил генерал-губернатору А. Д. Балашеву запрос о мерах по развитию городов. Ответ от Воронежской губернии был получен в сентябре 1827 года. Вероятно, ответы были подготовлены ещё при губернаторе Н. И. Кривцове, который покинул Воронеж в сентябре 1826 года. Среди предложений, сформулированных в Воронеже, было предложение предоставлять льготы на строительство новых домов в виде освобождения от городских повинностей на 2–3 года[233]. По мнению жителей Воронежа, эта мера могла ускорить темпы застройки городов и сделать их более привлекательными.

В 1826 году в Воронеже в рамках благоустройства города по проекту городского архитектора И. А. Блицына был построен первый каменный арочный мост через Воскресенскую улицу (ныне улица Орджоникидзе). Необходимость в таком сооружении ощущалась давно, так как Богословский спуск (ныне улица Чернышевского) к реке постоянно размывался водой, что привело к образованию оврага и затруднению проезда. В «Волчьей яме» (так называлось это место из-за расположенного рядом дома бывшего губернского архитектора И. И. Волкова[234]) в распутицу часто застревали телеги, а подмываемый водой грунт создавал угрозу для расположенных рядом домов.

Н. И. Кривцов, не дожидаясь разрешения из Петербурга, сам распорядился построить мост через Воскресенскую улицу по Старо-Московской (ныне улица К. Маркса). Работы были выполнены за счёт городских доходов и в сумме были оценены в 5596 рублей. Однако в смете, приложенной к письму губернатора в столицу с просьбой разрешить строительство, сумма была почти в три раза больше и составляла 17448 рублей.

За самоуправство Н.И. Кривцова в столице на него завели дело, разбирательство по которому было завершено в 1828 году. Комиссия, в которую вошли городской архитектор И. А. Блицын, губернский архитектор Т. С. Кондратьев и городской голова Клемешов, осмотрела арку и признала её прочной и необходимой для города. Этот случай показал, что нарушение процедуры получения одобрения на строительство от МВД может привести к наказанию. Несмотря на то, что бывший губернатор сэкономил средства, на него едва не наложили денежный начёт.

---

[233] РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 79. Л. 104.

[234] Этот дом сохранился и ныне располагается по адресу: улица К. Маркса, 43.

С 1834 по 1839 год в Воронеже проводились работы по мощению главных улиц, на которые было выделено 100 тысяч рублей ассигнациями из казны. В 1838 году известный российский чиновник и литератор П. И. Сумароков посетил Воронеж и отметил, что улицы в городе «правильные, широкие, вымощенные»[235]. Он называет его одним из лучших губернских городов и сообщает, что нём имеется 23 церкви, 435 каменных и 2602 деревянных домов, в которых проживает 43 813 человек.

По данным на 1837 год, в Воронеже было 685 десятин и 1767 квадратных саженей земли, из которых 505 десятин 1689 квадратных саженей занимали городские дома и другие строения. В городе было 69 улиц и переулков, из них 44 вымощены камнем, 6 площадей, 2 моста (один деревянный, другой каменный), 560 садов, принадлежащих частным лицам, 120 огородов и 2 кладбища[236].

И. А. Блицын, помимо самого короткого и самого старого моста в Воронеже, работая почти 30 лет на государственной службе и позже в качестве «вольнопрактикующего» архитектора, создал множество проектов. Хотя достоверно известно авторство лишь некоторых из них, его творчество можно считать примером позднего классицизма в Воронеже.

Среди наиболее известных построек И. А. Блицына — здание Дворянского депутатского собрания. С 1822 по 1824 год под его руководством шла работа над проектом реконструкции жилого дома Д. В. Черткова, который был куплен дворянским собранием для использования в качестве своей резиденции. Со стороны нынешнего Детского парка Центрального района к старому угловому зданию был пристроен зал для дворянских выборов, который выходил на красную линию застройки. Сейчас на этом месте находится жилой дом №3 по улице Чайковского. В 1837 году, когда проводилась очередная перестройка и отделка здания, И. А. Блицын упоминается в связи с этим объектом вновь, но уже как вольнопрактикующий архитектор[237].

В завершённом виде здание Дворянского депутатского собрания выглядело торжественно и парадно благодаря хорошо подобранным пропорциям пристроенной части. Особое внимание привлекал портик с шестью коринфскими колоннами, который венчал массивный фронтон с гербом губернии в тимпане. По бокам портика, в антах фасада, находились два больших полуциркульных окна, что подчёркивало общественный характер сооружения. Основным помещением здания был большой двухсветный зал на 500 человек с хорами между колоннами и стенами (по 100 человек с каждой стороны). Зал славился великолепной акустикой и в советский период в предвоенные годы использовался как филармонический.

---

[235] Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 г. / [Соч.] Павла Сумарокова. СПб., 1839. С. 128 – 136.

[236] Энциклопедический лексикон, посвященный Е.В. Государю Императору Николаю Павловичу. Т. 12. СПб., 1838. С. 40.

[237] ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 662, 1269, 1362.

Среди светских зданий, возведённых в городе в первой половине XIX века, выделялся комплекс сооружений военного учебного заведения — Воронежского Михайловского кадетского корпуса. При строительстве крупных зданий и комплексов под патронажем Губернских комиссий часто создавались временные комиссии, которые контролировали процесс строительства на местах. Такой подход позволял обеспечить более тщательный надзор общественности за сохранением выгод для казны. В контексте организации и выполнения строительных работ, опыт возведения зданий кадетского корпуса, представлявшего собой самый масштабный архитектурный ансамбль в городе, является весьма показательным.

Кадетский корпус был построен по инициативе и в основном на средства генерал-майора Николая Дмитриевича Черткова, внука наместника В. А. Черткова. Он располагался на северо-западной окраине города, на обширном по размерам участке, примыкавшем к Малой Дворянской улице (ныне ул. Ф. Энгельса). Великий князь Михаил Павлович, осуществлявший руководство всеми сухопутными кадетскими корпусами в России, заложил первый камень в основание одного из зданий будущего корпуса 14 сентября 1837 года.

По проекту инженер-полковника Главного управления военно-учебных заведений К. Ф. Детлова, утверждённому Николаем I 10 июля 1837 года, корпус представлял собой главное трёхэтажное здание, с которым тёплыми переходами были соединены трёхэтажный лазарет и одноэтажная баня. Также планировалось построить из камня директорский дом, два флигеля для офицеров и казарму для размещения 193 нижних чинов служительской роты. Все эти здания были спроектированы в стиле позднего классицизма. Проект также предусматривал место под плац, конноспортивный манеж и сад для отдыха кадетов.

В комиссию по строительству зданий кадетского корпуса в разное время входили: асессоры Воронежской ГСДК[238] Н. В. Нестеров (1837) и Т. Ф. Иовец-Терещенко (1838–1845); инженеры корпуса инженеров путей сообщения поручик П. П. Мольнер (1837) и инженер-майор А. М. Фортини (1838–1851); академик архитектуры И. О. Вальпреде (1844–1846).

Руководить всеми строительными работами поручили губернскому архитектору А. И. Денисенкову. С начала 1838 года он исполнял обязанности архитектора комиссии, а с 11 мая того же года был утверждён в этом статусе, освободив при этом должность губернского архитектора.

Денисенков непосредственно разрабатывал рабочие чертежи и сметы на постройку зданий корпуса. В 1841 году он составил проект иконостаса домовой церкви, располагавшейся в главном здании, который был одобрен царём 15 июля 1842 года. Однако в процессе работы выяснилось, что Денисенков недостаточно опытен и исполнителен для возведения такого огромного здания,

[238] Обязанности асессоров заключались в контроле со стороны Воронежской ГСДК всех производимых на объекте строительных работ.

а его знания по архитектурной части недостаточны[239]. Возможно, именно поэтому 22 июня 1840 года фундамент здания освидетельствовала представительная комиссия, в состав которой вошли губернский архитектор А. М. Мокринский, бывший губернский архитектор И. А. Блицын и архитектор казённой палаты С. И. Соколов.

Строительство главного здания кадетского корпуса завершили осенью 1845 года, а в июле 1846 года его осмотрел главный архитектор военно-учебных заведений коллежский советник Щедрин.

С 1839 по 1844 год, т.е. почти всё время строительства помощником архитектора корпуса был Михаил Фёдорович Краснов, окончивший Московское дворцовое архитектурное училище. С 1842 по 1844 год он работал в Комиссии и одновременно занимал должность городского архитектора. В этом статусе он руководил укреплением насыпей в местах размыва на Чернавском и Богословском съездах. В 1846 году, будучи губернским архитектором (1844–1847), Краснов представил проект перестройки губернских присутственных мест. Проект предполагал объединение и надстройку двух зданий губернского правления и здания казённой палаты, но так и не был реализован[240].

В августе 1845 года помощником архитектора стал М. И. Клейнер, который окончил Санкт-Петербургский Лесной и межевой институт. Когда строительство основного здания корпуса было завершено, должность помощника упразднили, а М. И. Клейнера назначили исполняющим обязанности городского архитектора Воронежа (с 1847 по 1848 год). При этом должность архитектора корпуса в его штате была сохранена[241].

В дальнейшем архитекторами корпуса служили: Шустов Николай Александрович (с 13 сентября 1846 года по 21 июня 1849 года); Соколов Семён Иванович (с 1850 года по 7 июня 1854 года)[242]; Кюи Александр Антонович (с 8 июня 1854 года по 31 января 1885 года); Селихов Николай Фёдорович (с 1 января 1886 года по 31 декабря 1889 года); Мысловский Станислав Людвигович (с 1 января 1890 года и до расформирования корпуса). Все они выполняли проектные работы и за пределами службы.

П-образное в плане главное здание корпуса располагалось на современной улице Феоктистова. Оно было обращено главным фасадом к парку «Орлёнок» и занимало почти всю длину квартала между современными улицами Студенческой и Ф. Энгельса. Для проезда к нему в 1842 году была устроена новая улица, соединяющая Большую Дворянскую и Малую Дворянскую улицы

---

[239] Поликарпов Н.И. Постройка зданий корпуса // Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845-1895. Воронеж, 1898. С. 118.

[240] РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 148. Л. 31.

[241] Ранее в Воронежской губернии собственного архитектора в штате имел только Хреновской конный завод, где эта должность существовала с 1820-х годов.

[242] Эту работу он совмещал с должностью архитектора Воронежской казенной палаты.

(сейчас это часть современной улицы Феоктистова), появление которой в структуре города было предусмотрено планом 1774 года.

Фасад здания был украшен строгим восьмипилястровым портиком, на фронтоне которого находился двуглавый орёл. Были украшены фронтонами и торцы боковых выступов. На первом этаже здания располагались квартиры служащих, на втором — классы, столовая, гимнастический зал и кабинет инспектора, а на третьем — в основном спальни.

Величественное здание, которое после революции стало местом расположения Воронежского университета (с 1918 года), было уничтожено фашистами во время отступления из города. Сегодня о нём напоминает только памятный знак на доме № 6 по улице Феоктистова, установленный в честь 150-летия со дня основания Воронежского Михайловского кадетского корпуса. От самого здания остались лазарет и баня, в которых сейчас размещается фармацевтический факультет ВГУ (ул. Феоктистова, 3).

Перед главным фасадом здания располагалась большая площадь для военных учений — Кадетский плац (ныне его территорию занимает Детский парк Центрального района). Вдоль боковой стороны плаца, где сейчас проходит улица Студенческая, были построены офицерские флигели и казарма служительской роты. Их проектные чертежи были высочайше утверждены 19 декабря 1851 года, а 31 марта 1852 года императорским указом для реализации проекта в Воронеже была создана временная строительная комиссия. В соответствии с этим указом на строительство отводилось два года, производителем работ должен быть архитектор, а помощь ему определялся кондуктор.

Ответственным за производство работ по постройке офицерских флигелей и солдатской казармы, которые велись в период с 1857 по 1860 год, был назначен архитектор кадетского корпуса А.А. Кюи. В 1857 году Кюи получил звание академика архитектуры, что было редкостью для провинции. Под его руководством в нашем городе был создан монумент Петру I, для размещения которого архитектор выполнил проект Петровской площади (сейчас это Петровский сквер). Профессионализм Кюи получил высокую оценку и в мае 1859 года его назначили городским архитектором[243].

Согласно указу, архитектору и кондуктору полагалось жалование. Архитектору — 1000 рублей в год, кондуктору — 43 рубля. Кроме денежного довольствия, кондуктор получал обмундирование и провиант. Архитектор нёс ответственность за строительство: контролировал прочность конструкций и качество материалов, следил за соответствием зданий чертежам. Отступления от проекта допускались, если они не влияли на прочность и внешний вид здания и были согласованы с комиссией.Все изменения, которые возникали в ходе строительства, считались непредвиденными случаями. Их тщательно фиксировали в итоговых чертежах, которые после завершения строительства

[243] Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края: сб. статей. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 161–164.

помещали в специальные шнурованные книги[244]. Всего было составлено 30 таких книг, их передали в архив Главного управления военно-учебных заведений.

В середине XIX века становится нормой такое полное и детальное документирование строительства всех государственных зданий. Ежегодно составлялись отчёты о проделанной работе. К итоговому техническому отчёту прилагались утверждённые чертежи и смета, а также другие документы, такие как рабочие журналы, предписания и разрешения на проведение разного рода работ. Если в процессе строительства отступали от первоначального проекта, это тоже отражалось в документах.

Михаила Фёдоровича Краснова на посту городского архитектора сменил Михаил Осипович Мирский — гражданский инженер, выпускник Санкт-Петербургского строительного училища. Эту должность Мирский занимал с 1844 по 1848 год. Именно в эти годы началась работа над новым генеральным планом Воронежа.

В 1845 году в Петербург отправили два плана города: фиксационный и проектный, выполненных городским архитектором М. О. Мирским. Работа велась под руководством инженер-полковника М. П. Сентянина, который тогда возглавлял губернскую строительную комиссию. Эта комиссия контролировала все строительные работы в губернии. Она отвечала за многое: необходимо было привести постройки в губернском центре и уездных городах в соответствие с утверждёнными планами и установленными нормами и правилами; нужно было заниматься благоустройством городов: строить и ремонтировать дороги, мосты, водопроводы, спуски, мостить улицы, прокладывать новые улицы и переулки, ремонтировать и строить государственные здания, следить за строительством церквей, рассматривать многочисленные заявления, жалобы и споры, связанные с надстройкой, перестройкой, перепланировкой и новым строительством частных зданий.

С 1851 года, согласно сенатскому указу, ГСДК получили право выдавать ссуды домовладельцам на строительство без специального разрешения. При этом они должны были следить за своевременной выплатой этих ссуд и ежемесячно отчитываться перед Главноуправляющим ПСиПЗ о том, кому были выданы ссуды, в каком размере, на какие цели, под какое обеспечение и на какой срок. Если речь шла о ссудах, выданных беднейшим горожанам на ремонт или восстановление жилья после пожара, то такие долги часто списывались за счёт городской казны.
Эти ссуды обычно выдавались на 10–15 лет[245]. Благодаря этой дополнительной

---

[244] Таким же образом была организована работа ранее упомянутой временной строительной комиссии, созданной в 1854 году для «возведения здания Воронежской Гимназии с Благородным Пансионом».

[245] Хомутова О.Ю. Управление градостроительством в провинциальных городах конца XVIII – 60-х гг. XIX вв. на примере Калужской губернии // История: факты и символы. 2019. № 1. С. 114.

функции роль городской строительной и дорожной комиссии в жизни городов губернии стала ещё более важной.

Ещё больше самостоятельности ГСКД получила благодаря указу от 29 июня1853 года[246]. Теперь комиссия могла окончательно утверждать сметы на сумму до десяти тысяч серебром без предварительного согласования с ГУПСиПЗ. Однако это право распространялось только на постройки, для которых существовали типовые чертежи, а также на ремонт зданий и сооружений, смету на которые можно было определить без дополнительных сложных расчётов.

В ГСКД вели журнал присутствия, где фиксировали текущие дела, принятые по ним решения и назначенных исполнителей из числа членов комиссии. За работы проводимые в Воронеже, как правило, отвечал городской архитектор, а за проекты в других городах губернии — губернский архитектор.

Поводом для начала работ по созданию нового проектного плана для Воронежа стал рапорт чиновника особых поручений МВД А.П. Компанейщикова, отправленный в хозяйственный департамент министерства 8 октября 1843 года чиновник особых поручений министерства. Он вместе с губернским секретарём Кузьминским в 1841 году Компанейщикова был отправлен «для обозрения городов Воронежской губернии»[247]. Эта информация содержится в деле озаглавленном «О составлении нового проектного плана города Воронежа. 1843–1855 гг.», которое сохранилось в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В нём в частности говорится, что не удалось найти план города, утверждённый в 1774 году. В связи с этим Компанейщиковым делается предложение о составлении нового.

Здесь следует отметить, что вопросы о пересмотре существующих регулярных планов городов и о проектировании их для городов, у которых их не было, рассматривались в хозяйственном департаменте МВД ещё в 1838-1839 годах.[248] В 1843 году в канцелярии Главноуправляющего ПСиПЗ вновь вернулись к обсуждению проблемы составления генеральных планов городов. Возможно, что содержащееся в рапорте Компанейщикова предложение стало своего рода реакцией на эту обсуждаемую проблему.

Только в 1860 году был установлен порядок хранения подлинных высочайше утверждённых планов городов. Чтобы контролировать исполнение планов и избежать возможных подлогов при их реализации (как это было обнаружено в Житомире), подлинные планы должны были храниться в ГУПСиПЗ. Из четырёх копий, которые делали на каждый город, две отсылали на место, чтобы использовать их в практической работе в ГСДК и губернской чертёжной. Они предназначались «для справок как губернатора, так и для губернских присутственных мест»[249].

---

[246] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 28, № 27394. С. 327.
[247] РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 24.
[248] РГИА. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 453.
[249] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 35, № 35335. С. 43.

В соответствии с распоряжением столичного инспектора в декабре 1843 года губернатор Х.Х. Ховен поручил губернскому землемеру создать фиксационный план Воронежа и прилегающих к нему земель[250], поскольку без этого документа нельзя было приступать к составлению нового плана города. Однако только 15 октября 1845 года губернатор представил в Министерство внутренних дел два плана Воронежа: текущий и проектный, разработанный городским архитектором М.О. Мирским. В приложенной к ним пояснительной записке содержится неожиданная информация: «До сих пор никакого плана г. Воронежу, который был надлежащим образом рассмотрен, утвержден и одобрен Е.И.В. не было. Улицы получали направление по удобности и соображениям, относительно внешних путей, в город ведущих, и по направлению реки Воронеж»[251].

Это утверждение противоречит фактам, которые были обнаружены многими исследователями при работе с архивными документами. Реализация и развитие генерального плана Воронежа находились под постоянным контролем городских и губернских архитектурно-строительных служб. Тем не менее, следует признать, что к середине века генеральный план 1774 года, который долгое время служил основой для строительства в Воронеже, практически исчерпал себя.

Отчёт Компанейщикова, который он представил в Хозяйственный департамент МВД после ревизии, проведённой весной 1843 года, даёт нам наглядное представление о масштабах Воронежа и характере его застройки[252]. Согласно приведённым в нём данных из городской межевой книги, в Воронеже было 462 десятины 1534 квадратных сажени земли под строениями, 149 десятин — под выгоном. Всего удобной и неудобной земли было 646 десятин 1617 квадратных саженей. Эти цифры нам говорят о том, что почти треть городских земель была свободна от застройки. При этом в городе было 2948 домов, из них 448 каменных и 2500 деревянных. Город состоял из 88 улиц и 6 площадей. Население Воронежа на этот год составляло 26 123 человека.

Статистика, представленная в отчёте, даёт представление о характере построек в Воронеже и о том, кому они принадлежали. В городе было:16 каменных и 91 деревянный дом белого духовенства; 71 каменный и 136 деревянных домов дворян; 24 каменных и 314 деревянных домов разночинцев; 4 каменных и 1 деревянный дом почётных граждан; 195 каменных и 195 деревянных домов купцов; 74 каменных и 806 деревянных домов мещан; 12 каменных и 161 деревянный дом цеховых; 2 каменных и 63 деревянных дома рабочих; 3 каменных и 16 деревянных домов государственных крестьян; 3 каменных и 204 деревянных дома отставных нижних чинов; 41 деревянный дом нижних чинов служащих; 28 деревянных домов казённых мастеровых; 13 деревянных домов вольноотпущенных; 1 каменный и 1 деревянный дом

[250] РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77. Л. 4.
[251] РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77. Л. 13–15.
[252] РГИА. Ф. 1287. Д. 65. Л. 16, 31, 32 об., 54.

иностранцев. В отчёте также говорится, что частные дома в городе строились по проектам городского архитектора с разрешения Строительной комиссии.[253]

В отчёте Компанейщикова есть информация и о том, что в 1842 году жалование городского архитектора составляло 285 рублей в год, т.е. оно увеличилось на 85 рублей в сравнении с 1805 годом, когда впервые в Воронеже была учреждена эта должность.

С созданием в 1851 году ГСДК городской архитектор стал подчиняться непосредственно этой комиссии, но мог быть задействованным ею только по делам того города, в котором состоял на службе. Вероятно, поэтому его зарплата существенно отличалась от денежного содержания коллег из ГСДК, которые занимались всеми стройками и дорогами в губернии. По штату Воронежской ГСКД губернский архитектор получал в год 900 рублей серебром (500 рублей жалованья и 400 рублей столовых), архитектор для производства работ — 475 рублей, двум «архитекторским помощникам» платили по 350 рублей[254]. При этом заработок наиболее квалифицированного рабочего за строительный сезон, который длился в губернии не более пяти месяцев, составлял примерно 130 рублей[255].

По проекту городского архитектора М.О. Мирского предлагалось расширить территорию Воронежа за Кадетским корпусом. Также проект предусматривал дальнейшую застройку пустых участков, создание новых улиц и корректировку уже существующих. Работа над проектом продолжилась и после того, как его отправили в столицу. Об этом свидетельствует чертёж 1847 года, который хранится в РГИА. Он подписан губернским архитектором В.Н. Шебалиным. Судя по нему, предлагалось отказаться от создания части современной улицы Фридриха Энгельса, предусмотренной планом 1774 года (участок от улицы Мира до улицы Кольцовской). В этом направлении планировали расширить территорию приказа общественного призрения, купив сад у чиновника Воронкова[256].

Предложения воронежцев не получили одобрения в столице. В мае 1848 года проект вернули в город, чтобы исправить и дополнить, поскольку в таком виде его нельзя было представить на высочайшее утверждение. Согласно распоряжению МВД от 17 мая 1841 года, к проектам планов городов нужно было обязательно прилагать: актуальный план города; профили местности; ведомости о количестве земельных участков для частных домов и о населении города; подробное описание местности под проектируемым городом и

---

[253] Такое разрешение необходимо было получить, в том числе и на проведение ремонтных работ. Лишь в 1861 году воронежские домовладельцы получили право без согласования со Строительной комиссией производить мелкие ремонтные работы на участках своих дворов (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 910. Л. 1–7).

[254] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 29, ч. 2: Штаты и табели, № 28405. С. 105.

[255] Плата строительным рабочим в день в 1850 году составляла от 45 до 90 копеек в зависимости от специальности (ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 49. Л. 33)..

[256] РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77. Л. 19, 38.

прилегающих территорий на расстоянии от 250 саженей до одной версты[257]. Вероятно, материалы из Воронежа отклонили, потому что они не соответствовали этим требованиям. В переписке о разработке проектного Воронежа нет упоминаний о наличии этого дополнительного комплекта документов.

Через шесть лет, 31 мая 1854 года, департамент хозяйства МВД запросил у губернатора информацию о том, как обстоят дела с проектным чертежом, однако ответа на этот запрос не последовало. Возможно, это произошло по двум причинам: 1) дополнительные материалы для ГСДК так и не были подготовлены; 2) в 1854 году в департаменте разработали новую инструкцию для составления проектных планов городов[258], и новые наработки воронежских архитекторов снова не соответствовали необходимым требованиям.

Похоже, что в этот период работа над генеральным планом губернского центра была приостановлена. Вероятно, именно поэтому в «Деле о предоставлении планов городов Воронежской губернии» вновь было указано на необходимость его составления[259]. Рассмотрение этого дела в департаменте искусственных дел ГУПСиПЗ заняло время с 1855 по 1858 год. Тем не менее, даже учитывая эту информацию, нельзя утверждать, что с начала 1850-х годов в Воронеже не проводились никакие подготовительные работы для разработки нового генерального плана. Можно предположить, что два чертежа, составленные в Воронеже в 1852[260] и 1856[261] годах, как раз и были связаны с этапами работы над новым планом. По детализации представленных на них изображений и «искусственной отделке» чертежей их можно рассматривать, как попытку выполнить требования циркуляра хозяйственного департамента МВД.

План 1852 года, созданный гражданскими топографами Кельиным, Фалькенштейном и Воххе очень подробно отражает сложившуюся городскую застройку и носит исключительно фиксационный характер (рис. П.29). На нём указаны не только названия всех улиц и переулков, но и материал, которым они вымощены. Кроме того, на плане отмечены значимые городские здания и хозяйственные постройки во дворах усадеб, и даже фонарные столбы. Чертёж имеет обширную экспликацию и по уровню детализации весьма похож на план 1799 года. Сравнивая их можно увидеть, как развивалась городская застройка в течение более чем пятидесяти лет, и как в Воронеже соблюдались законодательно закрепленные градостроительные нормы. Например, в престижном районе Воронежа, рядом с улицами Большая Московская и Средне-Московская, можно отметить значительное увеличение плотности

---

[257] Кириченко Е.И., Нащокина М.В. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX - начала XX века. В 3 кн. Кн. I. М., 2001. С. 240.
[258] РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 1596.
[259] РГИА. Ф. 1287. Ф. 218. Оп. 4. Д. 725.
[260] РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 4.
[261] РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 64.

застройки. Это связано с тем, что согласно указу от 11 июля 1827 года, было разрешено для продажи делить на части «обширные места и дворы»[262]. При этом отмечалось, что минимальная ширина новообразованных участков вдоль улицы должна составлять не менее 10 саженей, что получило отражение в плане. Ранее такое требование действовало только в Петербурге с 1808–1809 годов.

На окраинных землях города, расположенных рядом с рекой, мы видим ещё более мелкие участки усадебных мест. Здесь на склоновой части традиционно строились деревянные дома малоимущих горожан, которые эти маломерные места «на неудобьях» получили по наследству ещё до пожара 1773 года. Поскольку такая ситуация была в городах достаточно распространенной в 1832 году было разрешено строить дома на участках, ширина которых по улице была меньше 10 саженей[263]. Чтобы избежать пожаров, в 1845 году это постановление было дополнено запретом, согласно которому здания не должны были располагаться на расстоянии не менее двух саженей друг от друга[264].

Рассматриваемый план наглядно показывает соблюдение и этого требования архитектурно-строительными службами Воронежа. При этом в прибрежной части города мы можем увидеть улицы, ширина которых была менее законодательно установленных минимальных 10 саженей. Их сохранение в планировочной структуре города вероятно можно объяснить тем обстоятельством, что массовый снос существующих них зданий автоматически приводил к значительным тратам со стороны города в виде компенсаций за утраченное имущество. Чтобы увеличить доходы городов столичные власти разрешили в 1841 году продавать желающим свободные от застройки участки через публичные торги[265]. Вероятно, именно этим можно объяснить отсутствие на момент составления плана выделенных усадебных мест на участке Старо-Московской улицы (от современной Никитинской до улицы Кольцовской).

В рассматриваемый период активнее всего строительство велось на нагорном правобережном плато, которое лучше всего подходило для создания кварталов регулярной планировки. Тем не менее, судя по чертежу, можно отметить, что степень интенсивности освоения этих земель весьма разной. Например, территория между современными улицами 9 Января и 20-летия Октября застраивалась очень медленно. На стороне Большой Дворянской улицы, где стоял губернаторский дом, на участке от Жандармской горы до площади Солнечных часов, было намного меньше зданий, чем на другой стороне улицы. Весьма низкой была плотность застройки всего района от этой главной городской магистрали до современной улицы Кольцовской.

В целом же губернский центр развивался и застраивался в соответствии с генеральным планом 1774 года, хотя к середине столетия его первоначальный

[262] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 2, № 1235.
[263] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 7, № 5712.
[264] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 20, № 18703.
[265] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.16, № 14944.

замысел был частично утерян. Благодаря расположению на берегу реки старый Воронеж расширялся в трёх направлениях: северном, северо-восточном и северо-западном. Территория города к этому времени увеличилась примерно в 5 раз и вышла за границы, определённые планом И. Е. Старова. Это очень наглядно показано на плане 1856 года, где новые границы Воронежа проходят по современным улицам XX-летия Октября, Кольцовской, Революции 1905 года, железнодорожной линии и вдоль берега реки. Этот план был литографирован и в том же году напечатан[266] (рис. П.30).

На этом чертеже Воронеж показан от слободы Чижовка до Троицкой слободы, планировка которых не отображена. Регулярные кварталы есть только на территории Ямской слободы. Вероятно, в этом направлении предполагалось дальнейшее развитие города. Население пригородных слобод в то время считалось сельским, а не городским. Поэтому пригородные слободы, расположенные не только на правом, но и на левом берегу (Монастырщенка и Придача), не были включены в карту.

К плану города прилагается подробная экспликация (из 42 пунктов), в которой содержится информация о монастырях, храмах и самых важных кирпичных зданиях общественного и административного назначения. Благодаря ей можно достаточно детально представить застройку город того времени. Все улицы подписаны, кроме тех, что находятся на окраине и, возможно, были предложены в этом проекте. В то же время территории внутри кварталов на плане города показаны без разделения на домовладения, что типично для проектных планов городов. Тот факт, что на чертеже показано пространство вокруг города (возможно, уже в соответствии с новыми требованиями), также косвенно подтверждает, что мы имеем дело с проектным планом. В частности, подробно изображена пойма реки и мост, который соединял два берега.

С 1811 года сообщение с левым берегом поддерживалось через деревянный плашкоутный (наплавной) мост. Городская дума регулярно заботилась о его обновлении после весеннего ледохода. Ежегодно весной мост инспектировали полицмейстер и губернский архитектор. В их обязанности входило устранение всех недостатков для обеспечения бесперебойного движения по мосту. После создания ГСДК поддержание временного моста в рабочем состоянии стало её постоянной обязанностью

Важным событием в истории Воронежа стало строительство постоянного деревянного моста через реку. Проект моста разработал Л.С. Мысловский, который занимал должность производителя работ в воронежской ГСДК[267]. Руководил строительством городской архитектор М.И. Клейнер[268]. Мост

---

[266]Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 год. Воронеж, 1856. Отд. II. С. 34, вклейка.

[267] Акиньшин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории воронежского края: сб. статей. Вып. 11. Воронеж, 2003. С. 176.

[268] РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 541. Л. 48 об.

«Шпренгелевой системы» длиною более 100 саженей с часовней посередине, посвящённой святителю Митрофанию, был принят в эксплуатацию в 1858 году. Благодаря новому мосту жители Воронежа получили возможность круглогодично добираться до левобережных слобод Придача и Монастырщенка или следовать дальше в южные губернии страны.

Появление столь нужного для города сооружения стало возможным благодаря инициативе губернатора Н.П. Синельникова, который в годы своего правления (1857-1859) обращал повышенное внимание на улучшение благоустройства и внешний облик Воронежа. Однако по достоинству его усилия оценили лишь спустя годы. В 1883 году Воронежская городская дума присвоила ему звание почётного гражданина Воронежа. В связи с этим в «Воронежских губернских ведомостях»[269] было написано, что благодаря его заботам был построен Митрофановский мост, улучшена дамба, обустроены спуски к реке от Большой Дворянской улицы, установлен памятник Петру и разбит сквер. Также были объединены два корпуса присутственных мест, изменён облик Губернаторского дома, сделаны пристройки к Дворянскому собранию для дворянского клуба, приобретены и соединены между собой дома Нижегородцева для размещения приюта, а в фабричных постройках Гарденина у Тихвино-Онуфриевской церкви разместили арестантскую полуроту. Стоит отметить, что такие значительные достижения губернатора за столь короткий срок вряд ли были бы возможны без квалифицированных специалистов, работавших в воронежской ГСДК. Они смогли не только выполнить проекты объектов различной сложности, но и качественно их реализовать.

В основном же архитектура окраинных районов Воронежа оставалась простой и исключительно деревянной. Ближе к окраинам жители занимались в основном земледелием, разводили скот, и поэтому эти районы Воронежа во многом имели вид сельского поселения.

К середине XIX века Воронеж был типичным провинциальным чиновничье-дворянско-купеческим городом, в экономике которого суконное производство по-прежнему продолжало играть значительную роль. По данным на 1856 год по численности населения Воронеж занимал 16-е место среди городов Российской империи[270]. Анализ планов Воронежа первой половины XIX века показывает, что город последовательно и целенаправленно развивался в соответствии с генеральным планом 1774 года. В этот период Воронеж активно застраивался, особенно в центральной части, и приобретал респектабельный облик. Приведем статистику по городу[271], которая наглядно

[269]Воронежские губернские ведомости. 1883. №31, 4 мая.

[270] Статистические таблицы Российской империи за 1856 год, составленные и изданные по распоряжению Министерства Внутренних Дел Статистическим отделом Центрального Статистического Комитета. СПб, 1858. С. 222–223.

[271] 1799 год – План города Воронежа. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 20729; 1811 год – Статистическое описание Воронежской губернии. – РНБ. Ф. ВЭО. 20 1/40. Л.71; 1818 год – Краткое статистическое описание Воронежской губернии. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18674. Л. 10 об; 1833 год – Обозрение состояния городов Российской империи в 1833 г. СПб., 1834. С. 8; 1842 год

характеризует объемы и темпы строительства в губернском центре за пятидесятилетний период.

Количество частных домов по годам:	1799	1811	1818	1833	1842	1843	1845	1848	1851
Каменных	272	296	279	385	554	448	567	694	666
Деревянных	2091	1946	2003	2028	2411	2500	2491	2385	2416
Всего жилых домов в городе	2363	2242	2282	2388	2965	2948	3058	3079	3082

Анализ представленных данных показывает, что в Воронеже в год в среднем строили от 5 до 8 частных каменных домов и до 6 деревянных. При этом можно заметить, что количество построенных деревянных домов в отдельные годы было меньше, чем по данным за предыдущие. Данный факт можно объяснить тем обстоятельством, что состоятельные горожане со временем перестраивали деревянные дома в каменные. К середине XIX века в Воронеже чаще всего встречались следующие типы жилых домов: одноэтажный деревянный дом на каменном фундаменте или на полуподвальном каменном этаже; одноэтажный каменный дом; двухэтажный каменно-деревянный дом, где первый этаж был каменным, а второй — деревянным. Двухэтажные каменные дома были редкостью, так как их могли позволить себе только очень богатые люди — промышленники, купцы и дворяне.

С ростом частного строительства, связанным с изменениями в общественной жизни страны и государственными реформами, всё реже использовали типовые проекты. Это привело к тому, что архитекторы стали активнее работать по частным заказам.

В то же время губернская архитектурная служба продолжала свою работу, направленную на преобразование планировочной структуры не только Воронежа, но и уездных городов на основе регулярности. Однако в уездных городах ситуация с выполнением этих требований была намного сложнее, так как доходы городов и уровень жизни их жителей были намного ниже чем в губернском центре. Чтобы улучшить состояние городов губернии, Государственный совет 5 мая 1858 года своим решением ввёл обязательный

– РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 58. Л. 67; 1843 год – РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 65. Л. 32 об.; 1845 год – РГИА. Ф. 1287. Д. 77. Л.17; 1848 год – РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 55. Л. 82; 1851 год – РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 64. Л. 81.

ежегодный трёхпроцентный сбор с постоялых дворов и подворий, расположенных на территории губернии[272].

Даже в Острогожске, втором по величине городе Воронежской губернии, в декабре 1865 года специальным постановлением Техническо-строительного комитета МВД бедным городским жителям разрешили крыть строения соломой[273]. Стоимость тёса в степных и лесостепных районах губернии для жителей была высокой, и поэтому в июне 1868 года Хозяйственный департамент МВД разрешил жителям всех уездных городов Воронежской губернии крыть строения соломой[274].

§ 5. Руководство процессами проектирования и строительства объектов культовой архитектуры[275]

На карте Воронежской губернии, составленной фон Коловым примерно в 1800 году[276], помещена панорама Воронежа со стороны реки. Благодаря ей мы получаем представление о том, как выглядел город на рубеже веков. Силуэт города и застройку вдоль берега реки подчёркивают вертикали храмов, которые живописно расположились на правобережных склонах. К концу XVIII века в Воронеже имелось 17 каменных церквей и 3 монастыря[277]. Большинство храмов построили на месте старых деревянных[278]. Правило, согласно которому вместо сгоревших или пришедших в негодность деревянных церквей строить каменные, было законодательно закреплено в культовом строительстве в 1800 году.[279]

В начале XIX века в Воронеже было перестроено несколько старых храмов: Вознесенская церковь (1801–1815), Петропавловская церковь (1805), церковь Иоанна Богослова (1799–1807) и Пятницкая церковь (1825), а на

---

[272] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 33, № 33110 ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 33, № 33110

[273] РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч. 1. Д. 40. Л.1.

[274] РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 2568.

[275] К ним относятся: церкви (кафедральные, приходские, кладбищенские, домовые), духовные академии и училища, семинарии, монастырские здания и сооружения, церковно-приходские школы, административные церковные здания. Возведением всех типов зданий духовной направленности всех конфессий представленных в России управлял Святейший синод.

[276] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 20730.

[277] В это время в Воронеже официально числилось два монастыря: мужской Алексеевский Акатов 2-го класса и женский Покровский 3-го класса. Мужской Митрофановский монастырь 1-го класса был официально основан в 1836 году при Благовещенском соборе на территории архиерейского подворья. Однако уже на рубеже веков этот архитектурный ансамбль воспринимался в горожанами как монастырский комплекс.

[278] Последней в городе прошедшей через такое преобразование стала Введенскую церковь, которую перестроили из деревянной в каменную в 1771 году.

[279] ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 26, № 19701.

территории Алексеевского Акатова монастыря была построена новая двухэтажная Алексеевско-Владимирская церковь (1804–1818).

Краевед М. И. Славинский, живший в то время, так описывал храмы, украсившие Воронеж: «Благовещенский собор и приходские церкви: Спаса Нерукотворного образа, Рождества Богородицы, Успения и Иоанна Богослова старинной, прочие новейшей, довольно изрядной, архитектуры; Благовещенский собор отличается важностию иконостаса; кладбищенская Вознесенская церковь – новейшим вкусом фасада и светом»[280]. Церкви, построенные в Воронеже до 1774 года, гармонично вписались в новую планировку города, которая учитывала их расположение. Новые каменные храмы стали прекрасным дополнением к уже сложившейся архитектурной композиции города.

Если подъезжать к Воронежу со стороны левого берега, можно было увидеть прекрасную панораму города с высоким берегом реки дополненную доминантами в виде объёмов храмов и их колоколен. После того как в 1828 году был завершён четвёртый ярус колокольни Благовещенского собора, строительство которой заняло 30 лет, городская панорама стала ещё выразительнее. Колокольня, спроектированная знаменитым архитектором Д. Кваренги, поднялась на 105 аршин (74,5 метра) и заняла одну из самых высоких точек рельефа на бровке нагорного плато. Благодаря этому она стала главной высотной доминантой Воронежа — её было видно из всех районов города.

В рассматриваемый период в Воронеже и расположившихся в его пригородах слободах объём культового строительства оказался достаточно большим. В 1818 году завершили Троицкую церковь — первый в городе храм, расположенный на плато вдали от реки. Церковь построили на Большой Московской улице, за старым городским валом, на новой торговой площади, где по регулярному плану её строительство не предполагалось. Разрешение на возведение Троицкой церкви дали в канцелярии Синода 29 апреля 1779 года в ответ на просьбу епископа Воронежского. Храм с трёхъярусной колокольней высота которой достигала 40 метров был построен в стиле позднего классицизма. На колокольне установили башенные часы, ставшие городской достопримечательностью. В 1836 году Троицкая церковь получила статус кафедрального собора и вошла в историю города как Троицкий Смоленский собор. Во время Великой Отечественной войны здание серьёзно пострадало, но окончательно его разрушили в 1959–1960 годах при строительстве корпусов современного концерна «Созвездие».

Второй новой церковью разместившейся на плато стал Всесвятский (Митрофановский) храм. Его начали строить в 1836 году на территории кладбища, которое находилось напротив современной улицы Пушкинской (раньше называлась Острогожской), за улицей 20-летия Октября (раньше называлась Большая Чижовская). Проект храма, разработанный архитектором

[280] Славинский М.И. Исторической, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 2014. С. 74.

И. А. Блицын, были представлен 7 июля 1834 года в ГУПСиПЗ, где его рассмотрели и одобрили 13 ноября 1835 года[281].

Всесвятскую церковь строили 15 лет, поэтому горожане прозвали её Новостроящейся[282]. Декор и объёмная композиция церкви были выполнены в классическом стиле, который использовался в культовой архитектуре Воронежа до конца 1840-х годов. По внешнему облику храм был похож на Покровскую церковь, перестройку которой разрешили в СК МВД 3 марта 1833 года. По мнению историка А. Н. Акиньшина, сходство в проектах и близость времени их выполнения позволяет предположить, что И. А. Блицын мог быть автором проекта перестройки Покровской церкви.

Примерно в это же время архитектор из Петербурга Авраам Иванович Мельников создал проект церкви во имя Всех Святых Печерских Покровского женского монастыря. Строительство церкви шло с 1832 по 1835 год[283]. Рядом с монастырём в 1838 году построили церковь Святого Духа на Терновой поляне. Её проект мог создать архитектор воронежской казённой палаты С. И. Соколов. Эту версию косвенно подтверждает тот факт, что архитектор, живший в центре города, был похоронен у церкви на Терновом кладбище, располагавшемся на городской окраине[284].

Храмы Воронежа, построенные в 1830-х годах, стали первыми, чьи проекты были выполнены в соответствии с новыми требованиями и согласованиями, установленными указом от 9 марта 1826 года[285]. Согласно этому указу, все планы строительства церквей должны были отправляться из Духовного ведомства в Министерство внутренних дел для рассмотрения Строительным комитетом министерства[286]. В итоговом разделе указа говорилось, что цель его заключается в том, чтобы церкви в государстве строились в соответствии с правилами архитектуры. Поэтому проекты разрешалось выполнять только губернским, городским или другим аттестованным архитекторам.

Многие проекты новых храмов и перестроек существующих, выполненные после выхода указа, имеют своих авторов, которые были установлены исследователями. Это объясняется тем, что проектная документация, отправленная в столицу, в основном сохранилась. Кроме того создавалась она аттестованными архитекторами, чью деятельность можно проследить по их служебным формулярам. Как правило, эти архитекторы контролировали и строительство храмов, создаваемых как по индивидуальным, так и по образцовым проектам. Эта практика была закреплена приказом

---

[281]РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 739. Л. 1–2.

[282]В советское время на месте церкви появилось здание цирка, строительство которого завершили в 1972 году.

[283] Тубли М.П. Авраам Мельников. Мастера архитектуры. Л., 1980 . С. 138.

[284]Акиньшин А.Н. Храмы Воронежа. Воронеж, 2003. С. 103.

[285] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 1, № 186. С. 278.

[286] С 1827 г. все документы, касающиеся церковного строительства, поступали и в хозяйственное управление Синода (РГИА. Ф. 779).

главногоуправляющего Путей сообщения и публичных зданий от 2 января 1854 года[287]. Этим же годом датируется распоряжение о том, чтобы копии всех утверждённых планов и чертежей обязательно оставлялись в департаменте искусственных дел[288].

Независимо от того, кто финансировал культовое строительство, за самим процессом наблюдали местные власти в лице губернатора, а также губернская строительная комиссия (ГСДК). Вот как это происходило на практике. Прихожане подавали прошение о строительстве нового храма в местное епархиальное управление. Далее епархия направляла прошение губернатору (или в губернское правление) с указанием характеристик будущей постройки (где располагается, теплая или летняя, количество приделов, соборная или приходская и т.п.), а тот передавал его в губернскую строительную комиссию. Если комиссия признавала строительство целесообразным, она направляла архитектора для осмотра места и почвы под будущую церковь. Затем готовился проект, который епархия отправляла в столицу на экспертизу. Там оценивались художественные достоинства проекта. Если проект одобряли в СК МВД и в Святейшем правительствующем синоде[289], то его отправляли на утверждение императору.

Учитывая массовость возведения храмов, в 1828 году вновь изменили порядок утверждения планов и фасадов церквей[290]. Прежние правила остались только для храмов, которые строились за государственный счёт. Если храм строили или ремонтировали на деньги прихожан, то можно было использовать планы, которые рассматривали местные архитекторы. Так экономили время на согласование планов, фасадов и смет в СК МВД. Благодаря этому решению можно было более оперативно ремонтировать старые храмы, не допуская, таким образом обрушения обветшавших зданий. Если в регионе не было архитекторов, то епархиальное начальство обращалось с просьбой составить проект в СК МВД. К прошению прилагали описание грунта, что было необходимо для расчёта устойчивости будущей постройки. Выполненные в комитете чертежи и сметы отправляли обратно в духовное ведомство для получения дальнейших распоряжений.

Губернаторам было указано, что строить храмы нужно под наблюдением архитекторов или опытных строителей. При этом необходимо было точно следовать утверждённым планам и фасадам[291]. Эти требования были обязательными для исполнения, поскольку храмы были самыми сложными сооружениями среди всех зданий и построек, возводимых в первой половине

---

[287] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 28, № 27831.
[288] РГИА. Ф. 218. Оп. 1, ч. 5. Д. 6579.
[289] В Синоде получение разрешения на строительство храмов стало обязательным с 1770 года (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 9, № 13541).
[290] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 3, № 1804.
[291] В это время аналогичные требования предъявлялись и к строительству казенных зданий (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 3, № 2431).

XIX века. Стоимость услуг таких специалистов включалась в смету на строительство. Авторы проектов в основном опирались на собственный опыт и знания, полученные в результате изучения работ предшественников, поскольку расчёты были далеки от совершенства.

Чтобы избежать обрушения храмов в процессе строительства и эксплуатации, а также повысить качество культовой архитектуры, было решено выпустить и распространить по епархиям сборник планов и фасадов церквей, созданных на основе лучших, преимущественно древних образцов церковной архитектуры. Использование таких проектов значительно ускоряло и упрощало процесс получения разрешения на новое строительство, поскольку в случае применения типового проекта достаточно было разрешения на возведения храма от местного епархиального руководства. Поскольку строительство церковных зданий велось в очень больших масштабах, то такое решение властей было естественным ответом на нехватку квалифицированных архитекторов в большинстве губерний страны в первой половине XIX века.

В 1824 году было выпущено первое издание «Собрания планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей» спроектированных в классическом стиле[292]. В 1826 году его дополнили фасадами, выполненными в русском стиле. В 1838, 1841 и 1844 годах вышли новые серии фасадов, которые регламентировали внешний облик культовых зданий. Все эти серии образцовых фасадов сопровождались сметами и чертежами, которые показывали конструктивные особенности зданий (разрезы, отдельные узлы). Это было особенно важно, поскольку храмы долгое время оставались одними из самых сложных строительных объектов. В 1850–1870-е годы, когда в гражданском строительстве почти полностью отказались от типовых проектов, серии проектов церквей продолжали выпускать. Такие чертежи пользовались спросом. Например, в 1863 году губернатор Костромы обратился в МВД с просьбой выслать ему образцовые чертежи для постройки православных церквей[293]. Что касается Воронежской губернии, то в 1860–1870-е годы на её территории построили более ста сельских кирпичных храмов по одному образцу[294].

Чтобы сделать эксплуатацию религиозных сооружений более безопасной, 12 октября 1837 года было принято постановление комитета министров[295], которое позволяло быстро решать проблемы содержания церквей в хорошем состоянии. Работы стоимостью до 5000 рублей должны были проводиться под надзором представителей местной епархии, которая отвечала за эффективное использование этих средств. За прочность конструкций и разумные цены на

---

[292] Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей с кратким наставлением, как о самом производстве строения, так и о вычислении потребных к тому материалов. Спб., 1824. – 60 грав. л.

[293] РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч.1. Д. 48.

[294] Кригер Л., Дьяков М. Эволюция архитектурных форм в храмовом строительстве Воронежской области. Воронеж, 2011. С. 7.

[295] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 12, № 10580.

материалы и работу по-прежнему отвечали архитекторы и производители строительных работ.

Благодаря усилиям Святейшего синода, который контролировал все процессы в многонациональной стране в сфере культового строительства, в 1830 году было принято постановление о применении правил строительства греко-российских церквей к церквям других конфессий на территории всей империи[296]. Эти требования, вместе с правилами о строительстве православных церквей, молитвенных домов и часовен, были включены в Строительный устав, изданный в 1832 году, в виде отдельного раздела озаглавленного «О церковных зданиях»[297].

Этот документ определял не только разработку планов и фасадов, которые нужно было отправлять на рассмотрение в СК МВД, но и устанавливал порядок получения и согласования разрешений на сооружение культовых построек всех не православных конфессий. Христиане иностранных исповеданий, которые хотели построить церковь за свой счёт, должны были получить разрешение не только от местных властей, но и от Синода. Это требование действовало в стране до начала XX века.

По этим правилам в мае 1854 года в столице был рассмотрен и одобрен проект реконструкции лютеранской кирхи в Воронеже на сумму 1200 рублей. Кирху построили в 1811–1819 годах. Вероятно, автором первоначального здания был губернский архитектор Ф. К. Древиц, который мог взять за основу один из типовых проектов того времени. К сожалению, в документах о перестройке кирхи, которые хранятся в РГИА, не удалось найти сам проект и информацию о его авторе[298].

Усиление контроля со стороны государства за строительством религиозных сооружений было обусловлено их стремительным количественным ростом. Например, в Воронежской епархии за весь XVIII век построили чуть больше 500 церквей, а всего лишь за первые 30 лет XIX века — около 200 храмов. Эта тенденция роста числа объектов церковного строительства сохранялась и в последующие годы, достигнув пика в период с 1860 по 1870 годы, когда на территории епархии возвели более 500 храмов[299].

В 1835 году сняли все ограничения на строительство деревянных церквей в стране[300]. Считалось, что такое решение позволит во многих случаях решить финансовые проблемы прихожан-застройщиков, у которых не было средств на кирпичные храмы. Тем не менее, в последующие годы сооружение деревянных храмов в губернии не получило преобладающего характера, несмотря на то, что

---

[296] ПСЗРИ. 2-е собр.– Т. 2. № 4165.

[297] Свод законов Российской империи. Т. XII. Уставы государственного благоустройства. Строительный устав. СПб., 1832. С. 132 – 140.

[298] РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 639. Л. 1– 5.

[299] Кригер Л., Дьяков М. Эволюция архитектурных форм в храмовом строительстве Воронежской области. Воронеж, 2011. С. 6, 7.

[300] ПСЗРИ, 2-е собр. – Т. 10, № 8517.

их планы и фасады не нужно было согласовывать в СК МВД. Для начала строительства достаточно было получить визу губернского архитектора. Для наглядности приведём статистические данные на 1833 год и 1865 год, согласно которым в Воронежской губернии имелось: 45 каменных церквей в городах (71 – на 1865 год) и 301 в уездах (438), а деревянных соответственно в городах — 7 (3) и уездах 238 (297). Анализ этих цифр показывает, что качественный строительный лес был также достаточно дорогим материалом для Воронежской губернии. В нашем лесостепном крае древесину для строительства храмов во многие уезды приходилось привозить издалека. Чаще всего это была не отличающаяся долговечностью сосна из Усманского и Хреновского боров и Теллермановской рощи. Строительство из устойчивых к гниению пород дерева стоило дороже, поэтому позволить себе его могли только немногочисленные приходы. Например, сохранившуюся до наших дней церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенную в 1868 году в селе Горенские выселки, сделали из долговечной лиственницы. Местный дуб из Шипова леса использовался при строительстве храмов также весьма редко, поскольку объёмы вырубок в этом лесу были небольшими.

В новую редакцию Строительного устава, опубликованную в 1842 году, вместе с разрешением на повсеместное строительство деревянных храмов были включены и некоторые положения «Общего наказа гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 года[301], которые касались строительства православных храмов. Губернаторам поручили выбирать места для новых церквей, которые были бы наиболее подходящими и удобными. В приоритете были городские и сельские площади, а если такой возможности не было, то большие проезжие улицы.

Если храм планировали построить в месте, которое не было предусмотрено утверждённым планом, то для получения царского разрешения губернатор должен был подать прошение с обоснованием и чертежом этой части города в ГУПСиПЗ (до 1832 года — в МВД). Те, кто построил или перестроил культовые сооружения без соответствующего разрешения, согласно статье 60 «Устава Духовных консисторий», утверждённого 27 марта 1841 года[302], должны были предстать перед судом, а само здание подлежало разрушению. Такая высокая степень ответственности за самовольно принятое решение получила отражение даже в последней редакции Строительного устава принятой в 1900 году[303].

В Воронеже, например, не дали разрешение на строительство церкви во имя Святого Александра Невского. В 1843 году её предложил построить рядом с домом дворянского собрания и Михайловским кадетским корпусом его

[301] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 12, № 10303.
[302] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 16. – № 14409.
[303] Устав строительный : Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г. с разъяснениями по решениям Правительствующаго Сената и циркулярам МВД, и извлечениями из других частей Свода законов и с приложением алфавитнаго указателя. СПб., 1902. Ст. 134, 153, 160).

основатель генерал-лейтенант Н. Д. Чертков. Он хотел, чтобы храм был похож на церковь Святой Екатерины в Петербурге, которую спроектировал знаменитый петербургский архитектор К. А. Тон. Но его предложение в столице отклонили, так как посчитали, что в этом месте и так достаточно храмов, а участок предназначен для другого здания[304].

Кстати, для Воронежа К. А. Тон создал нереализованный проект церкви в древнерусском стиле в честь Митрофания Воронежского в 1832 году, а в 1845–1853 годах по его проекту в Задонском Богородицком монастыре построили пятиглавый храм в честь Владимирской иконы Божией Матери[305].

Порядок получения разрешения на строительство и реконструкцию православных храмов вне зависимости от источников финансирования этих работ был детально описан в «Уставе духовных консисторий». В нём говорилось, что проекты должны создаваться при участии архитектора на основе действующих строительных норм и предварительно рассматриваться местными строительными комиссиями.

Давайте на примере нескольких храмов Воронежа посмотрим, как на практике шла работа над проектами перед началом строительства.

По прошению епархии старинную Богоявленскую церковь, которая сохранилась до наших дней, перестроили в 1854–1855 годах. Воронежский архитектор М. И. Клейнер предложил снести существующую церковь, потому что в её сводах и стенах появились трещины, и расширить её на 5 аршин. По его проекту также предлагалось сделать двухэтажную пристройку с левой стороны колокольни. В марте 1854 года Воронежская городская строительная и дорожная комиссия представила рассмотренные ею материалы по перестройке храма в департамент искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В июне 1854 года проект М.И. Клейнера был рассмотрен специалистами департамента и утверждён с небольшими изменениями[306].

В мае 1854 года Воронежская городская строительная и дорожная комиссия отправила в департамент проект по перестройке Спасской церкви (рис. П.31). Необходимость работ была обоснована наличием трещин в колокольне, которые могли привести к обрушению. Его подписали инженер-полковник А. П. Нордштейн и начальник искусственного стола поручик Е. Х. Гиацинтов, который разработал проект и составил пояснительную записку к нему. Предполагалось строительство новой четырёхъярусной колокольни и двух приделов.

В деле «О перестройке Спасской церкви в Воронеже»[307] есть ещё один проект расширения церкви, который прислали из Воронежской городской строительной и дорожной комиссии в 1848 году. Он предполагал только пристройку апсиды. Под ним подписались инженер-полковник Сентянин,

---

[304] РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 35. Л. 9–12.
[305] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 66. СПб., 1901. С. 512 – 514.
[306] РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 638. Л. 1 – 5.
[307] РГИА. Ф. 218. Д. 649. Л. 1–27.

асессор Ивашкин, губернский архитектор В. Н. Шебалин и его помощник М. Ф. Петерсон.

Как свидетельствуют документы, оба варианта рассмотрели в департаменте в 1854 году, но ни один из них не одобрили. Проект, в котором предусматривалась перестройка колокольни, получил резолюцию: «для большей устойчивости церкви и для благовидности фасада необходимо переделать оный». Его доработали во II отделении Главного управления путей сообщения и публичных зданий и согласовали с местным епархиальным начальством. 29 января 1857 года проект получил одобрение императора, после чего его отправили в Воронежскую городскую строительную и дорожную комиссию для реализации.

Переработанные фасады приобрели ещё больше черт русско-византийского стиля, который доминировал в культовой архитектуре страны во второй половине XIX века. Это легко объясняется тем обстоятельством, что в соответствии с указом от 25 марта 1841 года[308] при создании проектов для строительства православных церквей необходимо было ориентироваться в первую очередь на чертежи К. Тона, основоположника этого направления в российской архитектуре.

Строительные работы прошли в 1857–1859 годы, но в итоге построенная колокольня оказалась двухъярусной, хотя в проекте была запланирована четырёхъярусная. Причины этого неизвестны. Возможно, местные специалисты частично переработали проект из-за банальной нехватки средств или потому, что они хорошо знали особенности грунта в этой сложной с геологической точки зрения части Воронежа. Храм сохранился до наших дней и остаётся украшением городского пейзажа, несмотря на большое количество новостроек появившихся поблизости.

Близкая по сюжету история произошла и с разработкой проекта церкви Взыскания Погибших. В 1862 году чертежи храма были переработаны в ГУПСиПЗ. Первоначальный проект церкви в русско-византийском стиле был создан в 1861 году. Его разработал выпускник Академии художеств, ученик К. Тона архитектор Г.Г. Поливанов, который в то время работал помощником начальника искусственного стола в Воронежской ГСДК. Проект церкви, которую планировали построить на Стрелецком рынке, в целом одобрили в столице, но предложили создать ещё один вариант и представить оба проекта на рассмотрение местного епархиального начальства. Предпочтение отдали варианту, выполненному в столице, по которому храм и был построен в 1869 году (рис. П.32). 7 марта 1863 года выбранный проект по какой-то причине прошел процедуру утверждения императором[309], хотя к этому времени это уже не требовалось, поскольку его должны были строить на средства прихожан (купца А.И. Смирнова). Вероятно, автором проекта церкви был К.Я. Маевский или А.Н. Пешков, так как они в то время работали архитекторами во II

[308] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 16, № 14392.
[309] РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 997. Л. 12 .

отделении департамента. Стоит отметить, что именно на 1860-е годы приходятся последние проекты церквей, созданных в столице для Воронежской губернии. Одной из них является церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Богучаре, созданная по проекту санкт-петербургского профессора архитектуры Э.И. Жибера в 1862 году[310]. В дальнейшем храмы в Воронежской губернии строили в основном по проектам местных зодчих.

Учитывая, объёмы культового строительства в губернии, надзор за возведением церквей поручили Василию Ивановичу Егорову, гражданскому инженеру Воронежской губернской палаты государственных имуществ. Эти обязанности были определены как дополнительные по отношению к основным. Это уточнение обязанностей Егорова стало ответом на представление Воронежской ГСДК, полученное Департаментом искусственных дел МВД 2 сентября 1851 года[311]. В представлении спрашивали, нужно ли удовлетворить просьбу епархиального начальства о том, чтобы комиссия следила за строительством церквей. Спор разгорелся вокруг строительства церкви в хуторе Грушевом Богучарского уезда. В ответе было указано, что в казённых сёлах государственных крестьян следить за строительством должен инженер палаты государственных имуществ. Поэтому Егоров и два его помощника, которые до этого занимались проектированием и контролем возведения казённых и общественных зданий в крупных сёлах и слободах, теперь должны были контролировать и всё культовое строительство. Из-за его больших объемов было также разрешено при необходимости создавать временные специальные строительные комиссии, которые могли бы наблюдать за постройкой церквей в Воронежской губернии.

Инженеры палат государственных имуществ в целом отвечали за улучшение планировки и внешнего вида сельских построек в казённых селениях. С целью облегчения их работы в 1853 году департамент сельского хозяйства выпустил атлас типовых проектов, который состоял из пяти разделов: 1) Часовни и церкви; 2) Крестьянские дома; 3) Базарные лавки, гостиные и постоялые дворы, трактиры и гостиницы; 4) Бани, овины, кузницы, колодцы, ворота и заборы; 5) Мосты, дороги и переправы[312]. Экземпляры атласа обязательно рассылались по губерниям, а оставшиеся можно было купить всем заинтересованным по доступной цене. В 1856 году один из экземпляров атласа прислали из столицы Воронежскому губернскому дворянскому собранию[313].

Скорее всего, благодаря тому, что в Воронежской ГСДК был полный штат необходимых специалистов, периодически создавались специальные строительные комиссии для надзора за строительством церквей и был

---

[310] Кригер Л., Дьяков М. Эволюция архитектурных форм в храмовом строительстве Воронежской области. Воронеж, 2011. С. 8.
[311] РГИА. Ф. 218. Оп.4. Д. 447. Л. 20.
[312] Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданный от Департамента сельского хозяйства М.Г.И. СПб., 1853. 36 с., 39 л. ил.
[313] ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д.2121.

квалифицированный специалист[314], курирующий вопросы культового строительства в поселениях государственных крестьян, в Воронежской епархии в эти годы не появилась должность «специального архитектора по духовному ведомству». В то время как в соседних епархиях, например, Орловской и Курской, такие архитекторы, были назначены в 1857 году, а в Харьковской в 1855 году[315].

В 1835 году Святейший Синод определил, что епархиальным архитекторам будут платить 224 рубля 10 копеек в год плюс 57 рублей 15 копеек серебром на квартиру[316]. Первых архитекторов духовного ведомства назначили в западные губернии. В 1836 году они появились в Могилёвской, Волынской, Полоцкой, Подольской и Минской епархиях, а в 1840 году — в Литовской епархии. Только в 1844 году должности епархиального архитектора и его помощника были официально включены в расписание по классам, мундирам и пенсиям Российской империи[317]. Архитектора причислили к IX классу, а его помощника — к X классу, что соответствовало статусу старшего и младшего городских архитекторов.

Епархиальные архитекторы должны были не только разбираться в проектировании и строительстве религиозных сооружений, но и знать церковные каноны и уметь их правильно применять в своей работе. Долгое время многие епархии нуждались в специалистах, которые могли бы заниматься исключительно вопросами культового строительства. Однако только 9 января 1853 года был подписан указ о подготовке архитекторов для духовного ведомства в Московском Дворцовом Архитектурном Училище[318]. По предложению Святейшего Синода было решено обучать «духовных воспитанников из детей священнослужителей». После завершения обучения они должны были поступить на службу в духовное ведомство с обязательством проработать там не менее десяти лет. Такое условие было введено, чтобы предотвратить соблазн перейти на более высокооплачиваемую светскую службу. Благодаря этому подходу институт епархиальных архитекторов постепенно развивался, и во второй половине XIX века они имелись уже в большинстве епархий.

---

[314] В. И. Егоров был опытным специалистом в области строительства храмов. Так, например, известно, что в период с 1849 по 1855 год по его проекту было расширено здание Преображенского собора в Павловске. С 1852 по 1869 год в слободе Бутурлиновка была построена Воскресенская церковь. Также для этой слободы в 1862 году он разработал проект церкви во имя святых Козьмы и Демьяна, но этот проект так и не реализовали. Кроме того, в период с 1868 по 1875 год по проекту Егорова (при участии архитектора А. А. Кюи) было расширено здание Благовещенского собора расположенного на территории Митрофановского монастыря в Воронеже. (Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 86) .

[315] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 32, № 31950, Т. 30, № 29384.

[316] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 30, № 29384.

[317] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 19, № 17698.

[318] ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 28, № 26919.

Прошение в Синод о введении такой должности шло от местного церковного руководства. Видимо, существующее положение дел в сфере строительства культовых зданий долгое время удовлетворяло начальство Воронежской епархии, поскольку должность епархиального архитектора была введена только в 1899 году[319]. Тем же указом была учреждена должность архитектора в Архангельской епархии и для семи северо-западных уездов Курской епархии.

В начале 1900 года Иван Николаевич Афанасьев, который до этого работал младшим инженером в строительном отделении губернского правления, стал архитектором Воронежской епархии. Он занимал эту должность до её отмены в 1917 году. Установлено, что в период с 1886 по 1892 год по проектам Афанасьева были перестроены две церкви в слободах Ольховатка Острогожского уезда и Уразовка Валуйского уезда, в этих же уездах построено шесть сельских деревянных храмов и общежитие духовного училища в Бирюче. Кроме того, он является автором проекта храма Ильи Пророка в слободе Россошь Острогожского уезда, который создавался с 1897 по 1916 год. В Воронеже Афанасьев спроектировал паровую мукомольную мельницу (1889 год), жилой дом Н. А. Глущенко на Нееловской улице (ныне улица Пятницкого, 1903 год) и собственный жилой дом на современной улице Батуринская (начало XX века)[320]. Однако в историю архитектуры воронежского края Иван Николаевич Афанасьев вошёл, прежде всего, как первый архитектор официально служивший по духовному ведомству.

В 1898 году в Российской империи было 64 епархии. Воронежская епархия стала одной из последних в центральной части России, где появилась должность епархиального архитектора. Позже, в 1900 году, должность архитектора появилась только в Смоленской епархии. Это кажется особенно удивительным, на фоне назначения архитекторов примерно в то же время в отдалённые епархии: Иркутскую (1900 год), Томскую, Владивостокскую (1901 год), Забайкальскую (1903 год), Владикавказскую (1904 год) и Пермскую (1910 год)[321]. Появление там епархиальных архитекторов в последнюю очередь вполне естественно, поскольку из-за меньшего количества прихожан строительство культовых зданий на этих периферийных землях было менее масштабным.

Если в каком-то месте не было своего епархиального архитектора, то духовное ведомство нанимало специалистов из строительных отделений губернских правлений. За работу им платили 4% от стоимости постройки. При этом духовное ведомство не несло никаких дополнительных расходов на содержание своих архитекторов. В таких условиях архитекторы местных

---

[319] ПСЗРИ. 3-е собр. – Т. 19, № 17692.

[320] Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому Словарю воронежских архитекторов (конец XVIII - начало XX вв.). [А-В]. // Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 73–74.

[321] ПСЗРИ. 3-е собр. – Т. 20, № 18011.

архитектурно-строительных служб оказывались в более выгодном положении, так как имели стабильный поток заказов на проектирование и строительство религиозных сооружений. В результате их доходы оказывались гораздо выше, чем годовой заработок епархиального архитектора.

Только в 1872 году власти решили упорядочить процесс организации строительства религиозных сооружений и оплату труда ответственных за него. Согласно указу, 4% от стоимости работ по составлению планов, смет и надзору за строительством должны были поступать не конкретным лицам, а в строительное отделение губернского правления. По распоряжению губернатора собранная сумма в конце года делилась между служащими отделения. Епархиальный архитектор теперь должен был получать личное вознаграждение в размере 1% от суммы, отпущенной на строительство здания. При этом архитектор сохранял права государственного служащего. Расходы на возможные поездки должны были оплачиваться из средств, выделенных на строительство, что должно быть предусмотрено сметой. Размер этого вознаграждения определялся по договорённости между архитектором и заказчиками строительства или ремонта зданий.

В рассматриваемый временной период в Воронеже построили духовную семинарию — одно из самых больших зданий города. Её основали в первой половине XVIII века, и несколько лет она занимала разные помещения, разбросанные по городу. В конце XVIII века семинарии передали двухэтажный певческий корпус, который находился на территории архиерейского подворья, которое входило в комплекс Митрофановского монастыря. Здание это, как показала практика его эксплуатации, оказалось неудобным для организации учебного процесса.

В 1813 году напротив дома Тулинова на Большой Дворянской начали строить трёхэтажное здание, специально запроектированное для размещения в нём духовной семинарии. Его строительство было завершено только в1822 году (сейчас проспект Революции, 29). Фасад протяженного семинарского здания был выполнен в классическом стиле и украшен по центру величественным восьмиколонным портиком. Это было второе трёхэтажное здание на Большой Дворянской после дома бывшего губернатора И. А. Потапова. Проект здания был утверждён в столице Синодом, однако в сохранившихся документах имя его автора не указано и поэтому до сих пор этот вопрос остаётся открытым для исследователей.

В 1832 году император Николай I посетил Воронеж по случаю открытия мощей святого Митрофана. Во время визита он обратил внимание на то, что, по его мнению, здание семинарии находится в неудачном месте. Император приказал разместить в нём батальон военных кантонистов, а для семинарии подыскать другую территорию. В связи с этим рассматривались два варианта размещения нового здания: 1) на улице Лесных дворов (ныне Кольцовская, ориентировочно посередине между улицами Комиссаржевской и Чайковского);

2) на земле пригородных слобод Беломестной и Троицкой, примерно в 800 метрах от архиерейского загородного дома[322].

В 1838 году архитектор А. Ф. Щедрин, работавший в духовно-учебном управлении Синода, разработал проект нового здания семинарии. Этот проект был одобрен императором 10 января 1838 года[323] после рассмотрения Советом ГУПСиПЗ, однако к его реализации так и не приступили (рис. П.33). Скорее всего, местные власти не видели необходимости в строительстве нового дорогостоящего здания семинарии, поскольку уже построенное полностью удовлетворяло потребности епархии, как по вместимости, так и по архитектурному облику.

Анализируя опыт строительства культовых сооружений в регионе, можно отметить, что здания, принадлежащие духовному ведомству, традиционно превосходили обычную застройку по размерам и качеству архитектурных решений, и в силу этого во многом формировали индивидуальный облик населённых пунктов самого разного масштаба. До 1820-х годов небольшое количество законов имеющих отношение к культовому зодчеству объясняется тем, что исторический опыт культового строительства до определенного времени государство во многом устраивал. Постепенно в первой половине XIX века из-за большого количества строящихся этих объектов и сложности их проектирования и возведения сформировалось отдельное направление в архитектуре и строительстве, требующее специальных знаний и особого контроля как со стороны центральных, так и местных властей. Независимо от источников финансирования, контроль за проектированием и строительством религиозных сооружений осуществлялся местными властями в лице губернатора, под руководством которого надзор на объектах строительства осуществляли служащие ГСДК. После их упразднения в 1865 году их функции передали строительным отделениям губернских правлений и архитекторам духовного ведомства, которые начинают появляться в епархиальных управлениях. Эта система сохранялась до 1917 года, когда вследствие смены политического строя культовое строительство в стране было практически запрещено.

[322] РГИА. Ф. 835. Оп.1. Д. 67. Л. 17 .
[323] РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 734. Л. 1–5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведённые в учебном пособии документы и факты убедительно показывают, что архитектурно-строительные службы губернии последовательно выполняли указания, идущие из столицы. При этом в некоторых случаях опыт Воронежа был передовым по сравнению с другими регионами России. На примере множества сюжетов продемонстрировано, как работали эти службы в разные периоды, связанные с изменениями в законодательстве, регулирующем архитектурно-строительную деятельность в стране.

Воронежский опыт убедительно доказывает предположение, что губернские и городские архитекторы имели больше свободы в управлении строительством на своих территориях, чем предполагалось ранее. Их профессиональная деятельность во многом предопределила особенности градостроительного освоения Воронежской губернии и архитектурно-планировочного развития Воронежа, что также подтверждается нашими данными, а также исследованиями последних лет по другим регионам.

Такой особенностью в частности является то обстоятельство, с каким рвением местная администрация начала проводить новую градостроительную политику. Этому способствовали два фактора: разработанная к тому времени законодательная база и благодаря счастливой случайности наличие в губернии архитектора, что для провинции последней четверти XVIII века было чрезвычайной редкостью. Московский Н. Н. Иевский

Губернская администрация наняла московского архитектора Н. Н. Иевского, который после отставки проживал в родовом имении в селе Грязи, для составления фиксационного чертежа застройки Воронежа после пожара 1773 года. Удалось выяснить, что пожар в значительной степени стал лишь поводом для скорейшей реализации градостроительных идей, идущих из столицы. О том, что губернские власти пытались урегулировать застройку города ещё до пожара, можно судить на основании анализа планов, созданных С. Шишковым в 1763–1764 годах и П. Акиндиновым в 1771–1773 годах.

Иевский отчасти продолжил эту работу и в состав фиксационного чертежа включил проектное предложение по развитию Воронежа, ставшее основой его первого регулярного плана. Таким образом, он фактически возглавил первый этап работы над этим градостроительным документом. Проведённый анализ подтвердил этот факт, поэтому теперь есть все основания считать Иевского соавтором столичного зодчего И. Е. Старова, которого принято называть единоличным автором первого регулярного плана Воронежа.

С «конфирмацией плана» 11 марта 1774 года завершился второй этап работы над ним и начался третий — корректировка на месте службой губернского архитектора. Без этого план не был бы таким жизнеспособным. Впоследствии губернские архитекторы работали похожим образом с «Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» при проектировании генеральных планов и других городов страны. По этому градостроительному документу Воронеж функционировал практически вплоть

до 1939 года (почти 165 лет), когда наконец-то был разработан и утверждён новый. Даже после Великой Отечественной войны, когда разрушения в Воронеже были значительными, планировочную структуру его исторического центра решили сохранить при разработке в 1946 году первого послевоенного генерального плана.

Формирование губернской архитектурной службы началось с работы Н. Н. Иевского над планом Воронежа, а не с момента официального учреждения должности губернского архитектора в сентябре 1779 года в штате Воронежского наместничества. Этот факт опровергает распространённое мнение о том, что первым губернским архитектором в России был Ф. Ф. Штенгель, назначенный в Тверь в январе 1776 года для восстановления города после пожара. Тщательное изучение содержания манифеста Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 года позволило опровергнуть ещё одно широко распространённое заблуждение о том, что должность губернского архитектора была введена по всем губерниям именно этим манифестом. Такой информации в его тексте нет, но после опубликования этого законодательного акта должности губернских архитекторов действительно стали вводиться в местные правления более активно. Из-за нехватки специалистов, знающих архитектурную науку, должности губернских архитекторов учреждались или в связи с утверждением штатов по каждой губернии или же именными указами.

В обязанности Иевского входила не только работа по организации архитектурно-строительной деятельности в Воронеже, но и контроль за огромной территорией губернии, на которой под его руководством строили дороги и мосты, а в уездных городах — административные здания, магазины для продажи соли, кладовые для хранения денег и тюрьмы. К наблюдению за постройкой государственных сооружений в уездных городах Воронежской губернии часто привлекали землемеров, знакомых с архитектурой. Они составляли множество фиксационных планов и даже разрабатывали генеральные планы таких городов, как Бобров, Нижнедевицк и Павловск.

Когда в 1779 году было создано Воронежское наместничество, часть работы губернского архитектора перешла к новому органу — строительной экспедиции при Воронежской казённой палате. В 1796 году экспедиции поручили контролировать и частное строительство. С сокращением объема работы выполняемой губернским архитектором, он, тем не менее, по-прежнему осуществлял всю основную работу по практическому воплощению в жизнь первого регулярного плана Воронежа и последовательно боролся с теми, кто нарушал изложенные в нём регламенты застройки.

Информация из рапорта чиновника особых поручений МВД А. П. Компанейщикова 1843 года о том, что план города, утверждённый в 1774 году, не был найден, ныне воспринимается как досадное недоразумение. Однако именно она положила начало многочисленным попыткам губернских и городских властей разработать новый проектный план Воронежа. Хотя ни один из этих проектов не был утверждён, все они опирались на первый регулярный

план, который был сохранён в виде множества фиксационных чертежей выполненных в последующие годы. Сравнительный анализ этих чертежей показывает результаты деятельности архитектурно-строительных служб, направленной на улучшение качества застройки и городской среды в целом.

После Н. Н. Иевского огромную работу по реализации генерального плана и созданию новой системы контроля за строительством в губернии до начала XIX века проделали губернские архитекторы П. Н. Сахаров, И. И. Волков и В. Б. Белокопытов. Только с 1805 года следить за строительством в Воронеже стал городской архитектор, должность которого ввели из-за того, что в губернском центре резко вырос объём строительных работ.

Учреждение этой должности стало важным событием для становления губернской архитектурно-строительной службы. Впервые за всё время её существования сразу два архитектора стали государственными служащими, и произошла дифференциация их служебных обязанностей. В связи с этим следует напомнить, что Воронеж стал одним из первых провинциальных городов, где появилась должность городского архитектора. Поэтому, даже если не учитывать личные заслуги архитектора Т. С. Кондратьева, который занял эту должность, его имя должно занять достойное место в истории становления городских архитектурно-строительных служб, со временем превратившихся в нынешние управленческие структуры главных архитекторов городов.

В 1817 году Кондратьев, временно исполняя обязанности губернского архитектора, подготовил документ под названием «Примерный план сельских усадеб по Воронежской губернии». Этот документ был уникальным для своего времени и опережал законодательство о желаемом облике сельского строительства, которое в то время почти не регулировалось на градостроительном уровне.

Воронежский опыт уникален по сравнению с другими губерниями ещё и тем, что в середине 1810-х годов у городского архитектора появился профессиональный помощник И. А. Блицын. Это произошло, возможно, впервые в провинции. Имя Блицына во многом является знаковым для Воронежа, поскольку именно с него ведут свою историю первые свободные от государственной службы воронежские архитекторы.

В плане учреждения должности епархиального архитектора Воронежская губерния, наоборот, оказалась одной из самых последних среди центральных регионов страны. Несмотря на традиционно большой объём культового строительства, эта должность появилась в структуре управления Воронежской епархии только в 1899 году.

Эта парадоксальная ситуация в значительной степени объясняется тем фактом, что с начала XIX в. в Воронеже уже работало достаточное количество высококлассных архитекторов способных не только осуществлять контроль за возведением культовых построек, но и разрабатывать свои авторские проекты. Сложившаяся ситуация вполне устраивала епархиальное начальство, которое начиная с 1864 года непосредственно отвечало на местах за строительство и ремонт религиозных зданий и сооружений.

В первой половине XIX века, когда объёмы строительства увеличились, функции по рассмотрению проектов и смет начали постепенно передавать в регионы. Это привело к созданию губернских строительных комиссий, занимавшихся в первую очередь вопросами, связанными с возведением государственных зданий и соблюдением градостроительных норм при строительстве частных домов, т.к. именно эти вопросы в первую очередь контролировались государством.

Воронежская губернская строительная комиссия фактически заменила строительную экспедицию только в 1836 году, хотя её штат был установлен ещё в 1833 году. После объединения с дорожной комиссией в 1849 году она стала называться губернской строительной и дорожной комиссией, а её штат был расширен.

Также с опозданием (почти в десять лет!) появилась и должность архитектора в казённой палате Воронежской губернии. Её ввели только в 1834 году, через десять лет после её учреждения в масштабе страны. ЕОна просуществовала до 1864 года и всё это время её занимал архитектор С. И. Соколов. Он отвечал за состояние и строительство всех казённых и публичных зданий в городах губернии и деревнях государственных крестьян.

Архитектор казённой палаты во многом дублировал обязанности инженера Воронежской палаты государственных имуществ. Должность инженера была предусмотрена в штатах палат с 1838 года, но в Воронеже её ввели только в 1845 году. До конца 1860-х годов её занимал гражданский инженер В. И. Егоров.

Задержки с введением этих должностей в губернские штаты объясняются тем, что их разрешалось вводить по губерниям по мере необходимости.

В результате осуществлённых изменений в системе управления строительным сектором страны в 1830–1860-х годах в губернии была создана разветвлённая структура архитектурно-строительной службы, интегрированной в местные органы власти. Благодаря её активной запретительно-разрешительной работе и умелой адаптации типовых проектов к местным условиям, изменился облик не только Воронежа, но и многих уездных центров быстро изменился.

Исследования, посвящённые истории проектирования и строительства культовых, общественных зданий и жилых домов в Воронеже, показывают, что в первой половине XIX века их строительство по чертежам стало обязательным требованием. Это касалось не только уникальных сооружений, но и обычных жилых домов, для каждого из которых разрабатывался план участка и фасад, то есть предоставлялся полный комплект документов. Впоследствии это требование стало обязательным, что и было закреплено в Строительном уставе, который с 1832 года стал основным источником информации в Российской империи обо всех действующих строительных нормах и правилах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы архивов

Государственный архив Воронежской области

Фонд И-14. Воронежское наместническое правление.

Опись 1. Д. 4, 8, 12, 15, 16, 18,23, 26, 27, 34, 37, 142, 196, 212, 213, 246, 247, , 271, 306.

Фонд И-18. Воронежская казённая палата.

Опись 1. Д. 182.

Фонд И-22. Воронежская губернская строительная и дорожная комиссия.

Оп.1. Д. 1.

Фонд И-29. Воронежское дворянское депутатское собрание.

Опись 125. Д. 58.

Опись 131. Д. 35.

Фонд И-30. Воронежский губернский предводитель дворянства.

Опись 1. Д. 62, 90, 662, 679, 1049, 1238, 1269, 1362, 2121.

Фонд И-61. Воронежская городская дума.

Опись 1. Д. 1, 2, 4, 23, 27, 49.

Фонд И-167. Воронежская палата гражданского суда.

Опись 1. Д. 21205.

Российский государственный архив древних актов

Фонд 16. Разряд XVI. Внутреннее управление – (коллекция) Государственного архива Российской империи.

Опись 1. Д. 655, 656, ч. 1; 1000, ч. 1.

Графические материалы № 919, 949, 950, 1016 –1019.

Фонд 192. Картографический отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел (коллекция).

Опись 1. Д. 1.

Фонд 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов) гг. Петербург, Москва.

Кн. 4590.

Фонд 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766 – 1883 гг. (коллекция).

Опись 1. Д. 713, 891, 892.

Российский государственный военно-исторический архив

Фонд 349. Главное инженерное управление.
Опись 9. Д. 2932
Фонд 846. Военно-учётный архив. Коллекция.
Опись 16. Д. 18667, 18674, 21837.

Российский государственный исторический архив

Фонд 200. Штаб корпуса инженеров путей сообщения МПС.
Опись 2. Д. 69, 219, 541, 694.
Фонд 216. Второй департамент ГУПС и ПЗ.
Опись 2. Д. 295.
Фонд 218. Департамент искусственных дел ГУПС и ПЗ.
Опись 4. Д. 35, 447, 527, 638, 639, 649, 725, 910, 997.
Фонд 796. Канцелярия Синода.
Опись 650. Д. 79.
Фонд 823. Канцелярия митрополитов греко-униатских церквей.
Опись 1. Д. 3.
Фонд 835. Строительные планы и фотографии Синода.
Опись 1. Д. 67.
Фонд 1285. Департамент государственного хозяйства МВД.
Опись 8. Д. 7, 12, 93, 202, 232, 554, 600, 796, 1053, 1455, 1845.
Фонд 1286. Департамент полиции исполнительной МВД.
Опись 3. Д. 79.
Фонд 1287. Хозяйственный департамент МВД.
Опись 8. Д. 453.
Опись 31. Д. 98.
Опись 39. Д. 24, 77, 1596, 2638.
Фонд 1289. Главное управление почт и телеграфов МВД.
Опись 15. Д. 64.
Фонд 1293. Техническо-строительный комитет МВД
Опись 76, ч. 1. Д. 48, 68.
Опись 166. Д. 4.
Опись 168. Д. 4, 31, 36 – 40, 47 – 62, 71, 78 – 81, 1845.
Фонд 1374. Канцелярия генерал-прокурора Сената.
Опись 6. Д. 943.
Фонд 1399. Карты, планы и чертежи Петербургского Сенатского архива.
Опись 1. Д. 315, 326.
Фонд 1488. Планы и чертежи гражданской архитектуры.
Опись 1. Д. 717, 733 – 739.

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

Коллекция 115. № 10.
Коллекция 220. Д. 206.

Российская национальная библиотека

Отдел рукописей: Ф. 342, № 1143; Ф. ВЭО, 20 1/40.

2. Официальные документы Российской империи

Полное собрание законов Российской империи – Собр. 1–е. – СПб.: Гос. тип., [1649–1825] – 45 Т.

Полное собрание законов Российской империи – Собр. 2–е. – СПб.: Гос. тип., [1830–1884] – 55 Т.

Свод законов Российской империи, повелением гос. имп. Николая Павловича составленный. Т. 12. Ч. 4. Учреждения и уставы путей сообщения, устав строительный и устав пожарный. Ч. 5. Постановления о благоустройстве в городах и селениях. СПб.; Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1832. – 677 с. разд. пар.

3. Нормативно-правовые акты, ведомственные распоряжения и образцовые фасады

Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданный от Департамента сельского хозяйства М.Г.И. – СПб: лит. Гундризера, 1853. – 36 с., 39 л. ил.

Образцовые фасады, высочайше утвержденные для обывательских в городах домов. В 12 тетр. – СПб.: Из-во Департамента военных поселений, 1840-1841. – 178 л.

Образцовые фасады, удостоенные Высочайшего одобрения. Тетр. 10. – СП6.: литография ГУПСиПЗ, 1852. – 12 л.

Образцовые фасады деревянных домов в 3, 4 и 5 окон с воротами и заборами, удостоенные Высочайшего одобрения, для постройки таковых домов в уездных городах, где Высочайшим повелением, в 26 д. июля 1853 г. последовавшим, предоставлено Городничим разрешать постройку обывательских домов, имеющих до 5 окон включительно. – СПб. : литография ГУПСиПЗ, 1854. – 24 с.

Правила о производстве строительных работ по Министерству императорского двора : [утв. 3 нояб. 1857 г.]. СПб., 1857. – 81 с.

Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей с кратким наставлением, как о самом производстве строения, так и о вычислении потребных к тому материалов. – Спб. : тип. медицинского департамента МВД, 1824. – 60 грав. л.

Собрание фасадов, Его Императорского Величества, высочайше апробованных для частых строений в городах Российской империи. 1809 - 1812 года. В 5 ч. Ч I—V. СПб., 1809-1812. – 287 л.

Урочные положения на все вообще работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидротехнических сооружениях / 2-е изд., испр. по замечаниям деп. Воен. м-ва: Инженерного и Воен. поселений и Гл. упр. путей сообщ. и публичных зданий. – СПб. : Тип. Деп. воен. поселений, 1839. – 413 с.

Устав строительный : (Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г.) : с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерства внутренних дел, и извлечениями из других частей Свода законов и с приложением алфавитного указателя : издание неофициальное / сост. О. П. Бертинский. – СПб.: изд. Я. А. Канторовича, 1902. – 343 с.

4. Справочные издания, статистические материалы и энциклопедии

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1806. В 2-х ч. Ч. 2. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето1806 от Рождества Христова. – СПб. : Имп. Академия наук, 1806. – 492 с.

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1809. В 2-х ч. Ч. 2. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1809 от Рождества Христова. – СПб. : Имп. Академия наук, 1809. – 496 с.

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1818. В 2-х ч. Ч. 2. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1818 от Рождества Христова. – СПб. : Имп. Академия наук, 1818. – 548 с.

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1837. В 2-х ч. Ч. 2. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1837. – СПб. : Имп. Академия наук, 1837. – 513 с.

Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1851. В 2-х ч. Ч. 1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. – СПб. : Имп. Академия наук, 1851. – 344 с.

Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1855. В 2-х ч. Ч.1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. – СПб. : Имп. Академия наук, 1855. – 314 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. / под ред. Н. И. Второва. – Воронеж: Изд. Воронеж. губ. стат. Ком.; типо-литогр. Губ. прав., 1856. – 289 с.

Памятная книжка Воронежской губернской гимназии. Воронеж : Высочайшее утвержд.; товарищ. «печатня С. П. Яковлева», 1891. – 212 с.

Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 г. / [Соч.] Павла Сумарокова. – СПб. : тип. А. Сычева. 1839. – 334 с.

Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского : сост. в Стат. отд. Совета Министерства внутренних дел. - СПб. : Тип. Карла Крайя, 1842. - [1], 74 с.: табл. ; 3 л. табл.

Энциклопедический лексикон, посвященный Е. В. Государю Императору Николаю Павловичу. Т. 12. Воо – Вяз. – СПб. : в тип. А. Плющара, 1838. – 480 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах. Т. XXVIIA (54). Репина – Рясское и Россия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Издание акц. изд. об-во Ф. А Брокгауз - И. А. Ефрон, 1899. – С. 576.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах. Т. XXXIIIA (66). Томбигби – Трульский собор / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Издание акц. изд. об-во Ф. А Брокгауз - И. А. Ефрон, 1901. – С. 479 – 960.

Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников института гражданских инженеров (Строительного Училища). 1842 – 1892. /сост. Г. В. Барановский. – СПб.: Издание Института Гражданских Инженеров, типо-лит. К. Л. Пентковского, 1893. – 428 с.

5. Материалы периодических изданий

Воронежская старина: [научные труды Воронежского церковного историко-археологического комитета]. Вып. 1 – 15. – Воронеж. 1902 – 1916.

Воронежские губернские ведомости. – 1848, № 4 – 8; 1868, № 2; 1863, № 2; 1883, № 31.

Дон. – 1897, № 139, 140.

Путь наш был … через Воронеж // Коммуна. – 1988. – 16 марта.

6. Монографии, брошюры, сборники статей и статьи

А. Н. Акиньшин // Из истории города Воронежа / под ред. В. П. Загоровского. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1984. – С. 77 – 86.

Акиньшин А. Н. Историческая география Воронежа по планам города (XVIII – середина XIX в.) / А. Н. Акиньшин, Г. А. Чесноков // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период): межвуз. сб. научн. тр. – Воронеж: гос. ун-т, 1989. – С. 118–132.

Акиньшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) / А.Н. Акиньшин // Труды Воронежского областного краеведческого музея. – Воронеж, 1994. – Вып. 2. – С. 70–89.

Акиньшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) / А. Н. Акиньшин // Из истории Воронежского края : сб. статей. – Воронеж, 2002. – Вып. 10. – С. 76 –100.

Акиньшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) / А. Н. Акиньшин // Из истории Воронежского края : сб. статей. – Воронеж, 2003. – Вып. 11. – С. 150–177.

Акиньшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) / А. Н. Акиньшин // Из истории Воронежского края : сб. статей. – Воронеж, 2005. – Вып. 13. – С. 112–135.

Акиньшин А. Н. Описания города Воронеж периода 1773 – 1838 годов /

Аркин Д. Е. Должность архитектурной экспедиции. Трактат-кодекс 1737-1740 годов / Д. Е. Аркин // Архитектурный архив. – М., 1946. – Вып.1. – С.7 – 100.

Бартеньев И. А. Строительная наука в России (XVIII в. - первая половина XIX в.) / И. А. Бартеньев // Труды Всероссийской Академии Художеств. – 1947. – Вып. 1. – С. 145–160.

Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Е. А. Болховитинов; [вступительная статья и примечания А.Н. Акиньшина]. – Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография», 2011. – 250 +[228]+6 (вклейка) с.

Вайтенс А. Г. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII-начала XXI веков : опыт исторического исследования / А. Г. Вайтенс, Ю. Л. Косенкова. – Обнинск : Институт муниципального управления, 2006. – 523 с.

Вестник постройки Воронежского губернского музея. Воронеж, 1914, № 2.

Власюк А. М. Эволюция строительного законодательства России в 1830-1910-е годы / А. М. Власюк // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. – 1985. – Вып. 3. – С. 226-239.

Воронеж в документах и материалах / Сост. Г.И. Васильева и др.; [вступ. ст. ВП. Загоровского. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987. – 272 с.

Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1770-1917: ист.- биогр. очерки / ред.- сост. А.Н. Акиньшин. – 2-е изд. испр. и доп. — Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 424 с.

Воронежский край XVIII века в описаниях современников / Сост. В.П. Загоровский. – Воронеж, 1992. – 256 с.

Города Воронежского наместничества. Записка Е. Щербинина Екатерине II. 1779 г. // Воронежский край в XVIII веке. документы и материалы по истории края : сборник документов / Сост. и автор пояснительного текста В.М. Проторчина. – Воронеж : изд-во Воронежского университета, 1980. – 176 с.

Градостроительство / под ред. В. А. Шкварикова – М. : издательство Академии архитектуры СССР. – 1945. – 328 с.

Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. В 2 т. Т.1. Введение. Города России в XVIII столетии / И. И. Дитятин. – СПб. : Типография П. П. Меркульева, 1875. – 508 с.

Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. В 2 т. Т.2. Городское самоуправление в настоящем столетии / И. И. Дитятин. – Ярославль : Типография Г. В. Фальк, 1877. – 565 с.

Золотарева М. В. Регулирование архитектурно-строительного процесса в России в XVIII в. : монография / М. В. Золотарева. – СПб. : СПбГАСУ, 2007. – 122 с.

Историко-культурное наследие Воронежа : материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации / М-во образования и науки Российской Федерации, Российский ин-т культурологии, Гос. инспекция охраны историко-культурного наследия Воронежской обл. ; [рук. науч. проекта Э. А. Шулепова ; науч. ред. Е. Н. Чернявская, Т. С. Старцева]. - [Доп. тираж к изд. 2002 г.]. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 574 с.

Кириченко Е. И., Нащокина М. В. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX - начала XX века. Общая характеристика и теоретические проблемы. Книга I / Е. И. Кириченко, М. В. Нащокина М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 340 с.

Кожемякин А. В. Новые историко-краеведческие находки / А. В. Кожемякин // Записки воронежских краеведов / Сост. А.И. Гайворонский. – Воронеж, 1983. – Вып. 2. – С.120 – 129.

Крашенинников А.Ф. Проекты архитектора Кваренги для Воронежа / А.Ф. Крашенинников // Воронежский краеведческий сборник: из истории культуры края. / Сост. А. И. Гайворонский. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1985. – С. 163 –191.

Кригер Л. В. Архитектура исторических городов Воронежской области. / Л. В. Кригер, Г. А. Чесноков – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 317 с.

Кригер Л. Эволюция архитектурных форм в храмовом строительстве Воронежской области: с хронологическим иллюстрированным перечнем сохранившихся храмовых зданий XVIII- первой четверти XX веков / Л. Кригер, М. Дьяков. – Воронеж, 2011. – 128 с.

Кригер Л.В. История градостроительства Центрального Черноземья: XVIII – нач. XX вв. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2021. – 396 с.

Лавров В. А. Типовые проекты в застройке центров русских городов второй половины XVIII века / В. А. Лавров // Архитектура СССР. – 1956. – № 7. – С. 37– 38.

Леденева Г. Л. Гражданская архитектура российской провинции конца XIX – начала XX столетий (на примере застройки г. Тамбова): учебное пособие / Г. Л. Леденева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2003. – 80 с.

Лем И. М. Опыт городовым и сельским строениям, или Руководство к знанию, как располагать и строить всякого рода строения по неимению архитектора / И. М. Лем. — 2 издан., исправ. и допол. — Спб. : Импер. тип., 1802. —128 с.

Митин В. А. Василий Борисович Белокопытов. Губернский архитектор / В. А. Митин. – Воронеж : ООО «Творческое объединение «Альбом», 2015. – 96 с.

Митин В. А. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало Большого Воронежа. В 2 т. Т. 1. От крепостных стен до генплана. Серия "Зодчие Воронежа". Вып. 2. / В. А. Митин. – Воронеж : Альбом, 2009. – 96 с.

Митин В. А. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало Большого Воронежа. В 2 т. Т. 2. Екатерининский классицизм. Серия "Зодчие Воронежа". Вып. 2. / В. А. Митин. – Воронеж, : Альбом, 2010. – Т. 2 . – 95 с.

Митин В. А. Усадьбы города Воронежа XVIII, XIX, XX веков / В. А. Митин – Воронеж : Изд-во «Никитинское», 2004. – 223 с.

Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии. В 2 ч. Ч.2. – Воронеж : типография В. И. Исаева, 1899. – 229 с.

Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках / С. С. Ожегов. – М.: Стройиздат, 1984. – 168 с.

Описание Воронежского наместничества 1785 года / Сост. Т. Б. Ананьева; отв. ред. д. ист. н. В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1982. –147 с.

Пирожкова И. Г. «Образцовые» фасады как нормативный источник регулирования градостроительства в Российской империи / И. Г. Пирожкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 3 (43). – С. 6 – 8.

Пирожкова И. Г. Жилищный вопрос и градостроительство Тамбова в XIX – начале XX вв.: научная монография / И. Г. Пирожкова. – СПб.: «Нестор», 2004. – 119 с.

Пирожкова И.Г. Нормативное регулирование культового строительства в российской империи / И. Г. Пирожкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. –2010. – Вып. 1 (81). – С. 298 – 305.

Письма Евдокима Алексеевича Щербинина к графу Александру Романовичу Воронцову. 1774 - 1782 гг. / Публ., предислов. и прим. Воскобойниковой В. П. // Из истории Воронежского края : Сб. статей. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2009. – Вып. 16. – С. 234 – 242.

Поликарпов Н. И. Постройка зданий корпуса / Н. И. Поликарпов // Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845-1895 / сост. свящ. Ст. Зверев. – Воронеж : т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1898. – С. 117–158.

Попов П. А. Воронеж. История города в названиях улиц / П. А. Попов – Воронеж : Кварта, 2003. – 447 с.

Попов П. А. Следы творчества В. П. Стасова в Воронеже / П.А. Попов // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. Вып. 16. – Воронеж: «Фортуна», 2018. – С.111 – 121.

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811-1913) : статистические очерки. / А. Г. Рашин; под ред. академика С. Г. Струмилина. – М. : Госстатиздат, 1956. – 352 с.

Свиязев И. И. Учебное руководство к архитектуре, составленное для студентов Горного института : практическое пособие в 2 ч. / И. И. Свиязев. – СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1833. – Часть 1, 2. – 201 с., 12 л. черт.

Славинский М. И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии / М. И. Славинский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – 240 с .

Сытина Т. М. Русское архитектурное законодательство первой четверти XVIII века / Т. М. Сытина // Архитектурное наследство : сборник статей. Вып. 18 / гл. редакторы П. Н. Максимов, О. Х. Халпахчьян. – М. : Изд-во литературы по строительству, 1969. – С. 150 – 162.

Трахтерев О. С. Строительное законоведение : пособие к лекциям, чит. на СПб. высш. жен. политехн. курсах / О.С. Трахтерев — Спб. : Типо-лит. Г. П. Эйхгорн, 1913. – 84 с.

Тубли М. П. Авраам Мельников. Мастера архитектуры. / М. П. Тубли Л. – Л. : Стройиздат, 1980 . – 144 с.

Тыдман Л. В. Изба, дом, дворец : Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы / Л. В. Тыдман; Гл. упр. охраны памятников г. Москвы [и др.] – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 332 с.

Хомутова О. Ю. Управление градостроительством в провинциальных городах конца XVIII – 60-х гг. XIX вв. на примере Калужской губернии / О. Ю. Хомутова // История: факты и символы. –2019. – № 1(18). – С. 104 – 117.

Чесноков Г. А. Воронеж. Каменная летопись. Архитектура и строительство. В 2 т. Т.1. /. Г. А. Чесноков. – Воронеж: ООО "Творческое объединение "Альбом", 2011. – 200 с.

Чесноков В.Г. Становление и деятельность архитектурной службы Воронежской губернии в последней четверти XVIII века / В.Г. Чесноков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж, 2019 № 4. С. 87–91.

Чесноков В.Г. Деятельность первого городского архитектора Т.С. Кондратьева (1808–1817) / В.Г. Чесноков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж, 2020. № 4. С. 98–102.

Чесноков В. Г. Попытки создания нового генерального плана Воронежа во второй половине XIX – начале XX вв. / В.Г. Чесноков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж, 2021. № 1. С. 95–99.

Чесноков В.Г. О государственном надзоре в области культового строительства в России XIX в. на примере Воронежской губернии / В.Г. Чесноков // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – Воронеж, 2021. № 1 (290). С. 120–127.

Шквариков В. А. Очерк истории планировки и застройки русских городов / В. А. Шквариков. – М. : Гос. изд-во лит. по стр-ву и архит., 1954. – 201 с.

7. Диссертации и авторефераты

Акиньшин А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие города Воронежа периода позднего феодализма : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Акиньшин Александр Николаевич. – Воронеж, 1987. – 207 с.

Баранова А. А. Развитие архитектурно-строительной документации в дореволюционной России (XIX - начало XX вв.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Баранова Алевтина Анатольевна. – М., 1984. – 258 с.

Грязнова Н. В. Архитектурно-пространственное преобразование российской провинции в конце XVIII – начале XIX веков: замысел и реализация (на примере Тамбовской губернии) : автореф. дис. … канд. арх. : 18.00.01 / Грязнова Надежда Владимировна. – М., 2000. – 25 с.

Демин Б. О. Проблемы реконструкции центров российских провинциальных городов в конце XVIII – начале XX веков (На примере Тамбова, Козлова (Мичуринска) и Моршанска) : автореф. дис. … канд. арх. : 18.00.01 / Дёмин Борис Олегович. – М., 2005 – 24 с.

Золотарёва М. В. Регулирование архитектурно-строительного процесса в России XVIII – начала XX века : дис. … д-ра арх. : 05.23.20 / Золотарёва Милена Владимировна. – СПб., 2010. – 669 с.

Князева М. В. История генерального планирования провинциального российского города: замыслы и реализация (1780-1991 гг., на примере г. Рязани) : автореф. дис. … канд. ист. наук. : 07.00.02 / Князева Марина Вячеславовна. – М., 2013. – 26 с.

Леденева Г. Л. Гражданская архитектура Тамбова конца XIX начала XX столетий: дис. … канд. арх. : 18.00.01/ Леденева Галина Леонидовна. – М., 1999. – 180 с.

Манонина Т. Н. Государственное регулирование застройки городов России в XIX – начале XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.10 / Манонина Татьяна Николаевна. – Томск, 2011. – 31 с.

Митин В. А. Архитектурно-планировочное развитие Воронежа и его застройка в конце XVII – начале XIX вв. : дис. … канд. арх.: 18.00.01 / Митин Виктор Антонович. – М., 1983. – 146 с.

Пирожкова И. Г. Жилищный вопрос и гражданское строительство в русском провинциальном губернском городе в XIX – начале XX вв. (на материалах Тамбова) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Пирожкова, Ирина Геннадьевна. – Тамбов, 2002. – 264 с.

Пирожкова И. Г. Строительное законодательство Российской империи : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пирожкова, Ирина Геннадьевна. – Тамбов, 2006. – 203 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрации

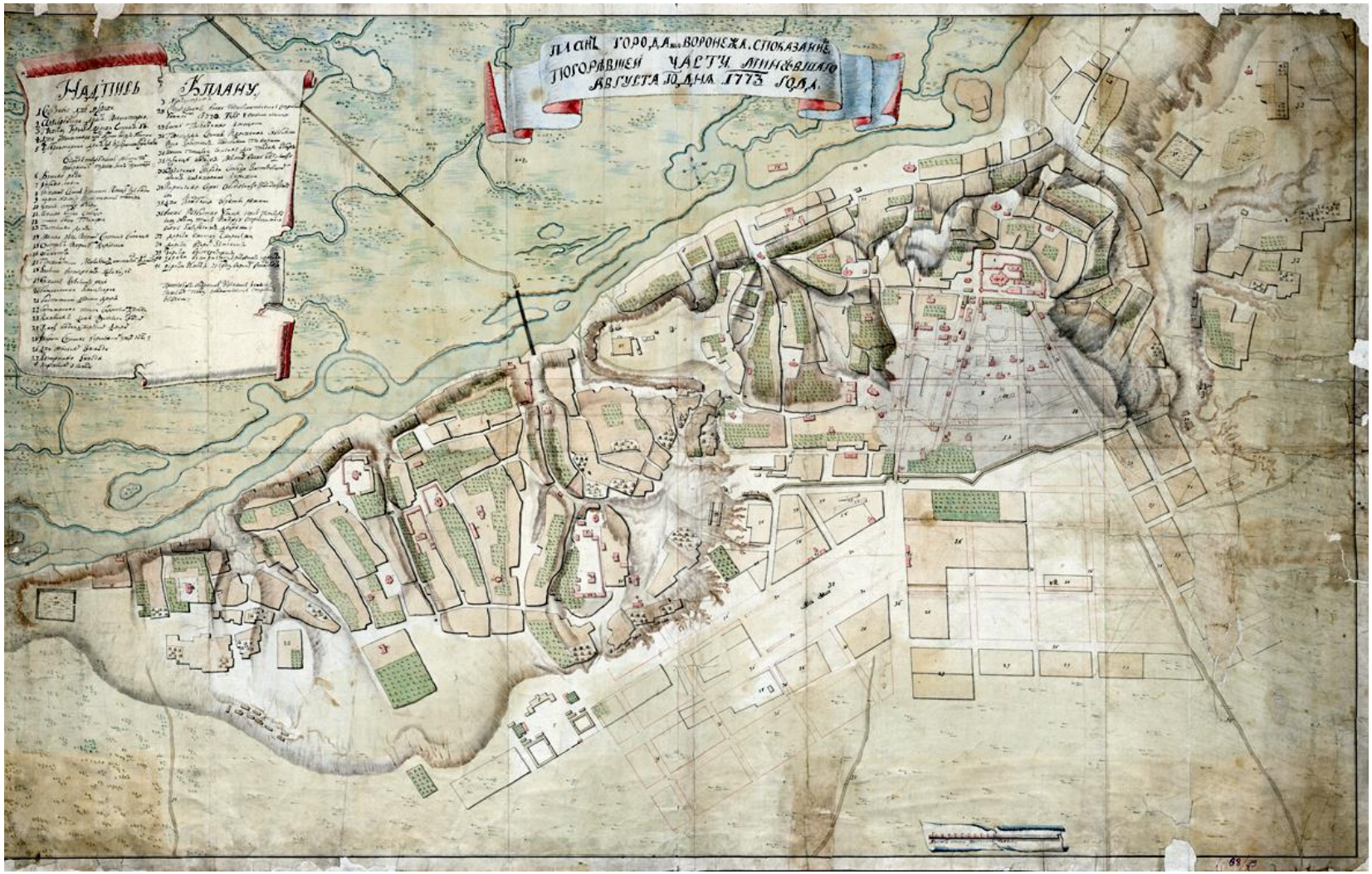


Рис. П.1. План города Воронежа с показанием погоревшей части, минувшего августа 10 дня 1773 года (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4. Л. 1)

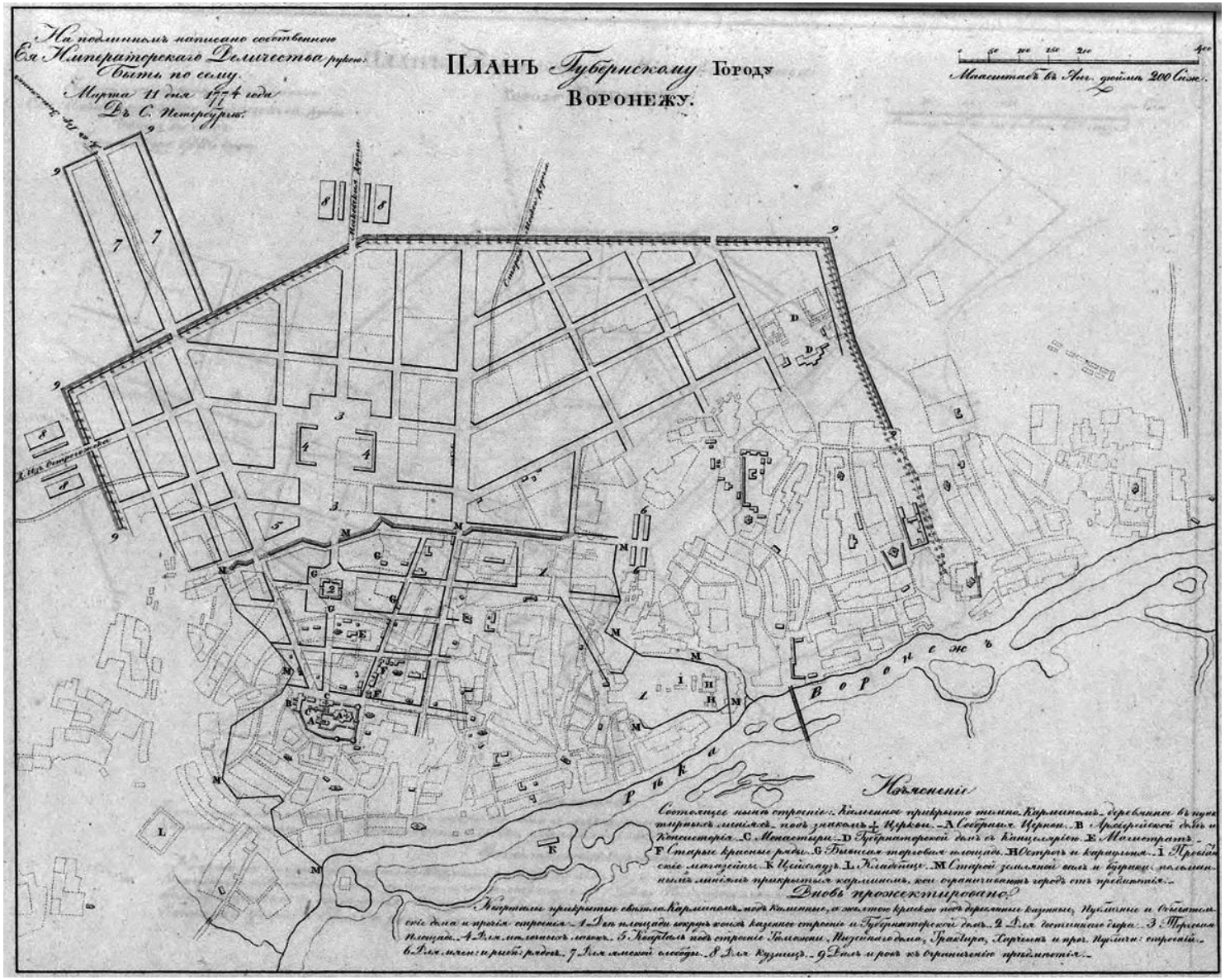
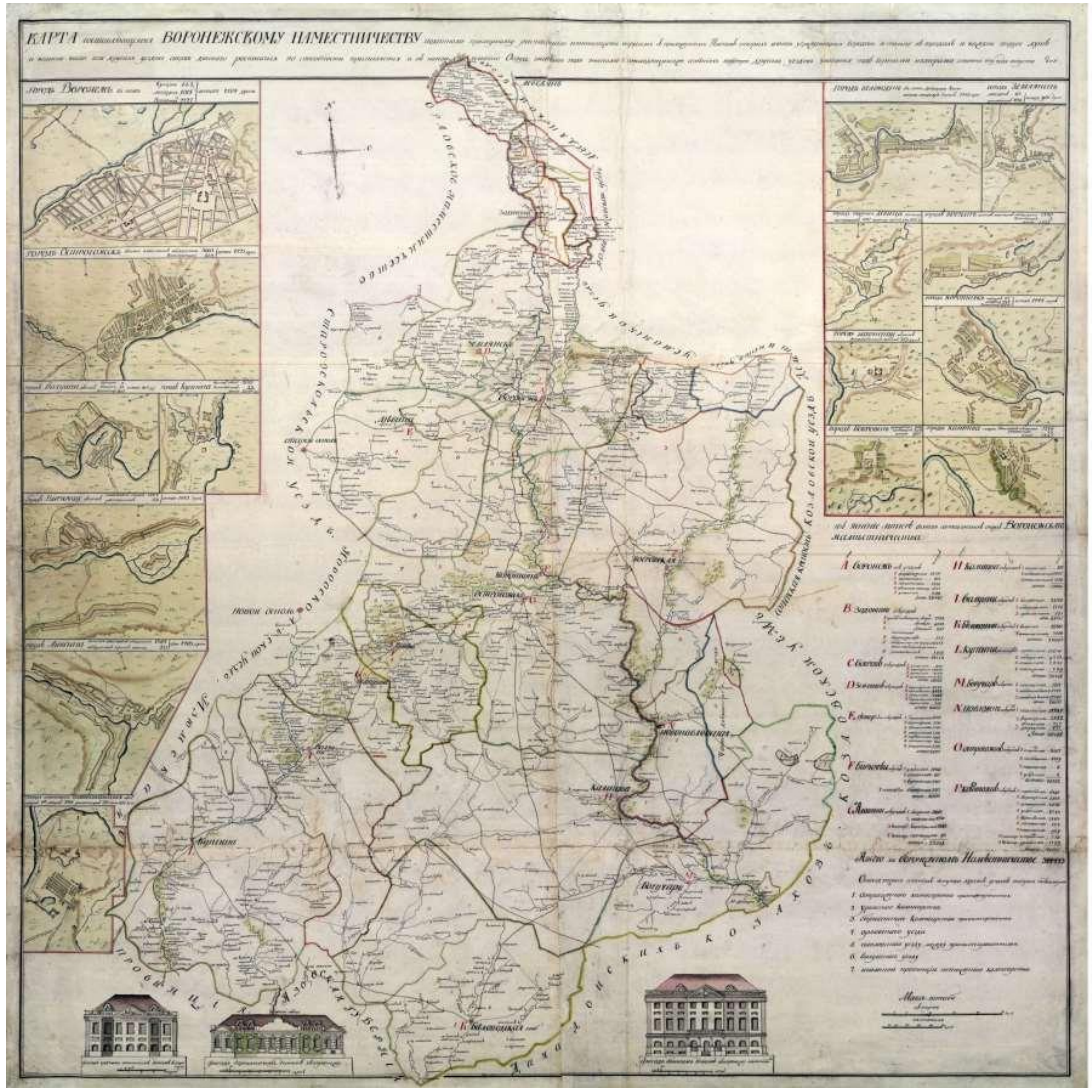
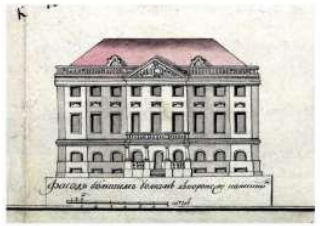


Рис. П.2. План губернскому городу Воронежу. 1774 г.
(ПСЗРИ. 1-е собр. – Книга чертежей и рисунков. СПб., 1839. С. 66)



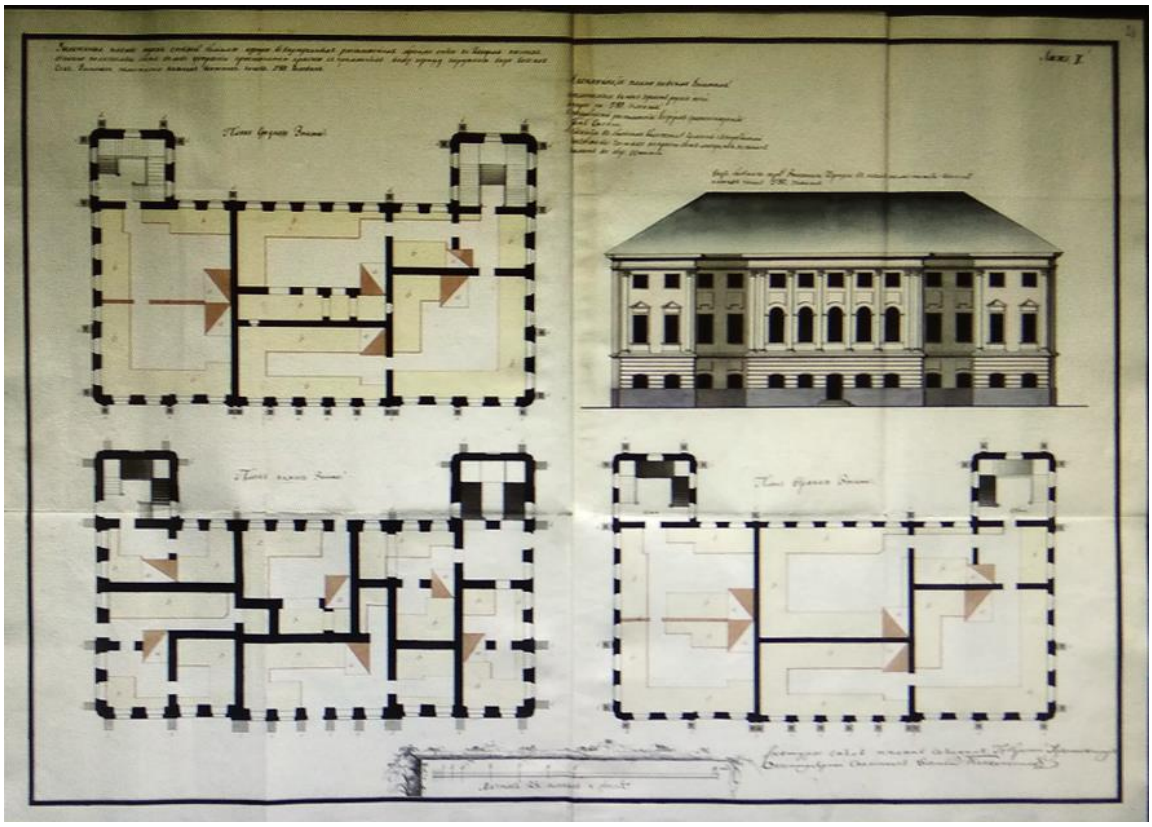
Фасад деревянным домам в Воронеже

Фасад средним каменным домам в Воронеже



Фасад большим домам в Воронеже каменным

Рис. П.3. Карта составляющемуся Воронежскому наместничеству.1779 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18667)



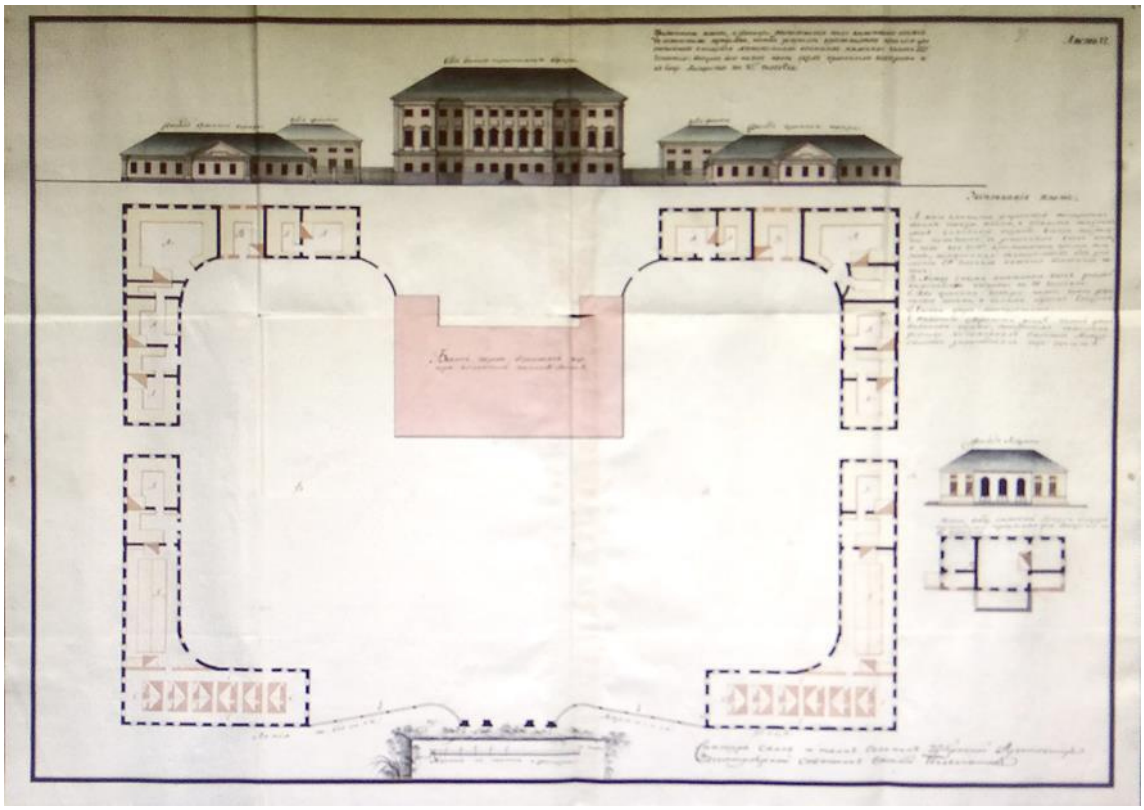


Рис. П.4. Планы и фасады казенных строений в г. Воронеже. 1800 г. Усадьба губернатора И.А. Потапова: главный дом, развертка по главному фасаду усадьбы и планы служебных корпусов (РГИА. Ф.1399. Оп.1. Д. 314)

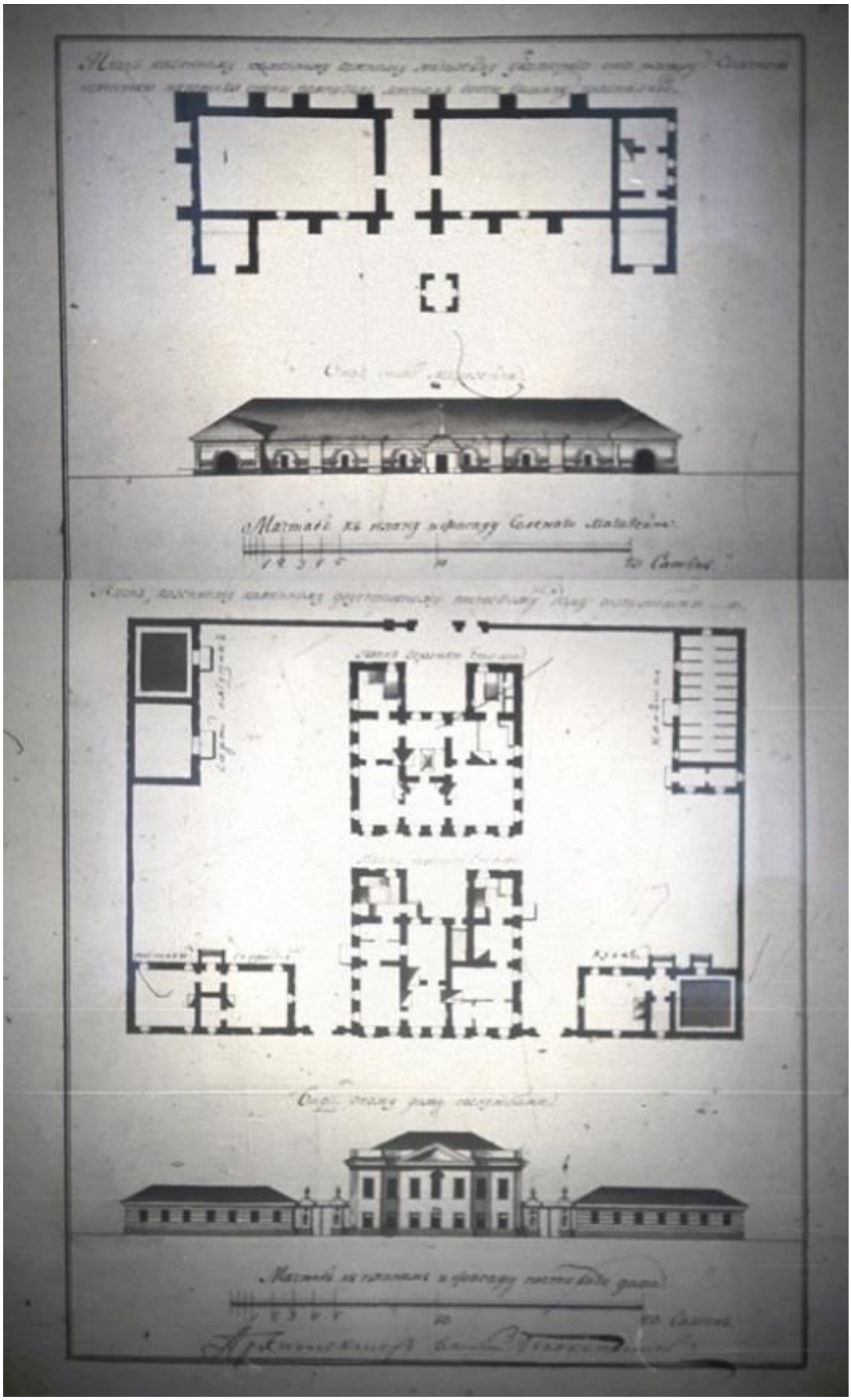


Рис. П.5. Планы и фасады казенных и общественных зданий в гор. Воронеже. б/д. Соляной магазин и почта (РГИА. Ф.1399. Оп.2. Д. 180)

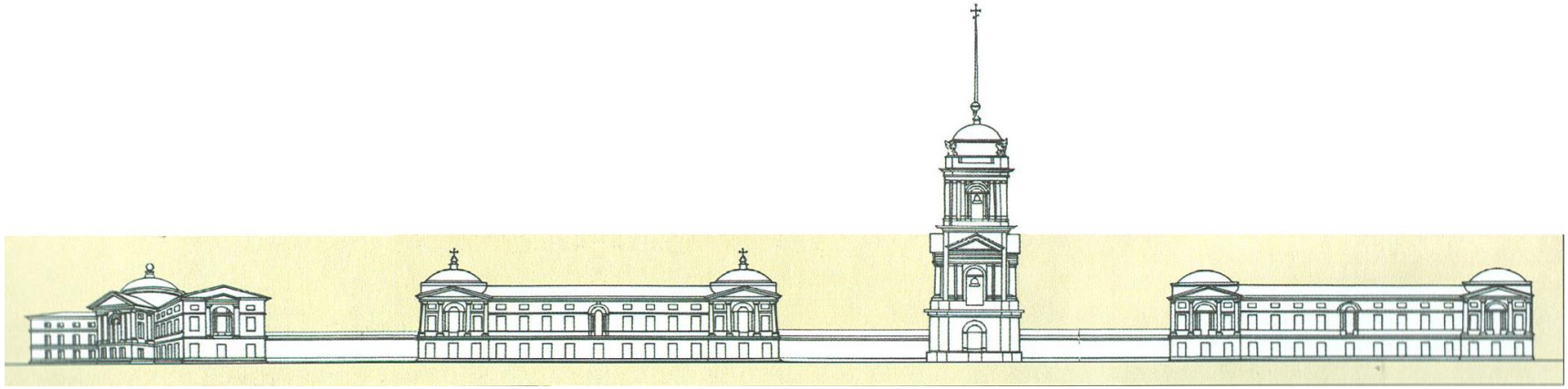


Рис. П.6. Ансамбль архиерейского двора в Воронеже. Реконструкция А.Ф. Крашенинникова. 1985 г

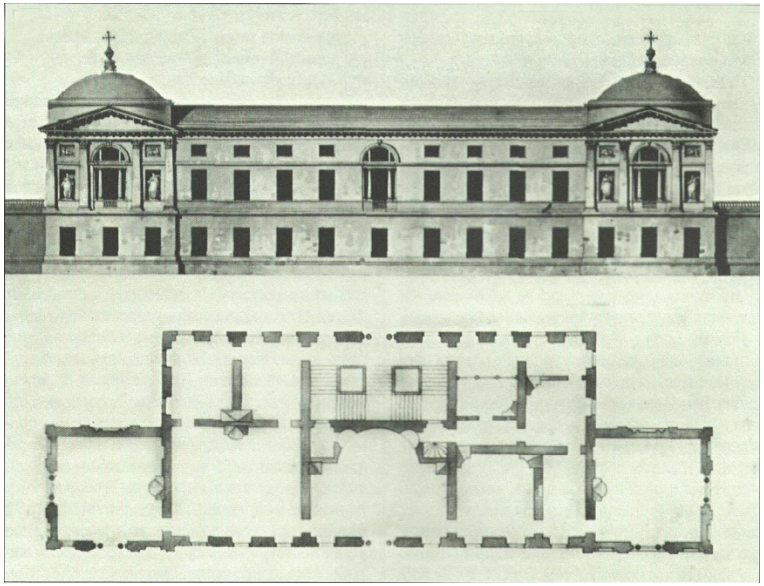


Рис. П.7. Проект перестройки архиерейского дома в Воронеже. 1783 г. (Государственный Музей истории Санкт-Петербурга. Архив фондов музея, Д. 390)

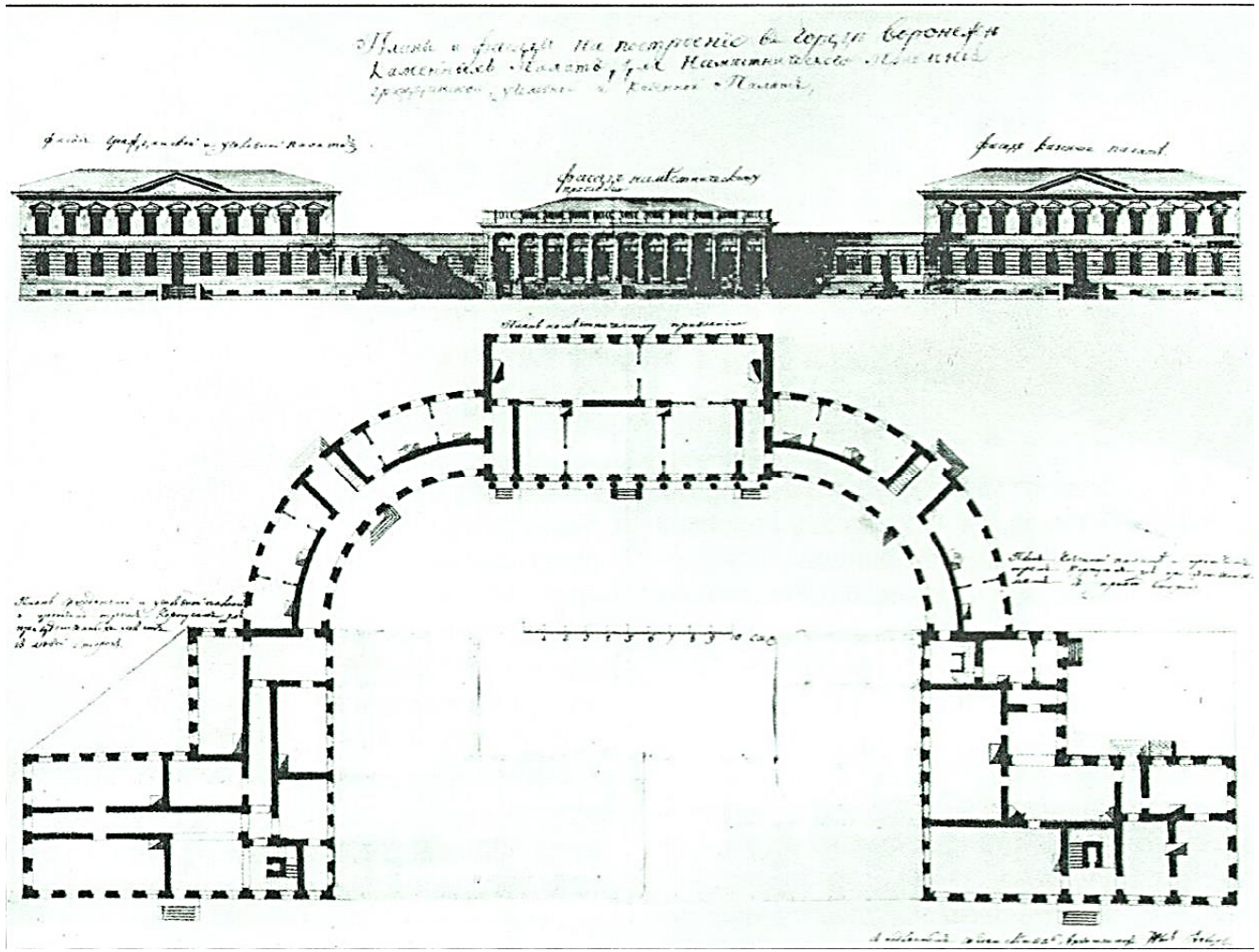


Рис. П.8. Ансамбль наместнического правления и губернских присутственных мест в Воронеже. 1784-1785 гг. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 4487. Л. 187)

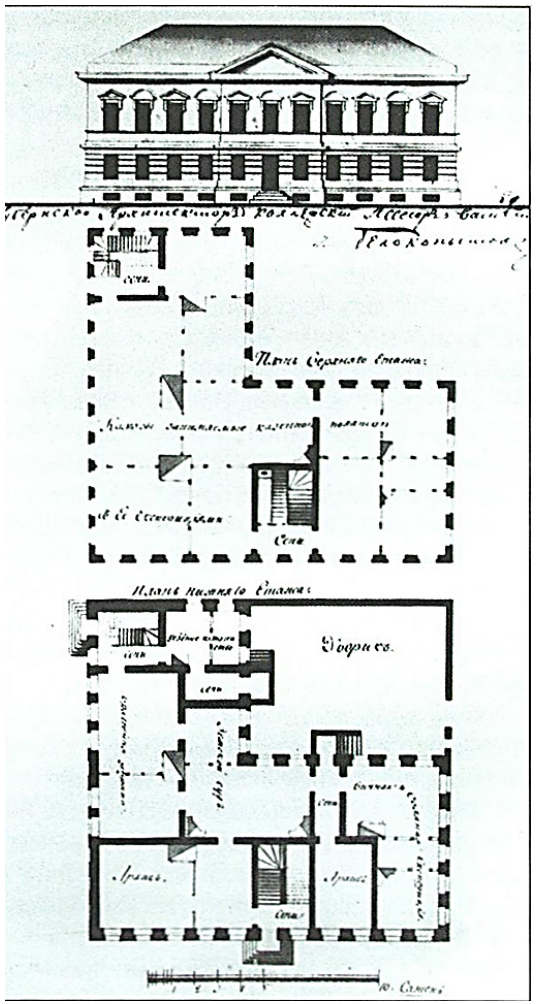


Рис. П.9. Проект корпуса казённой палаты 1786-1787 гг. (РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 721. Л.2)

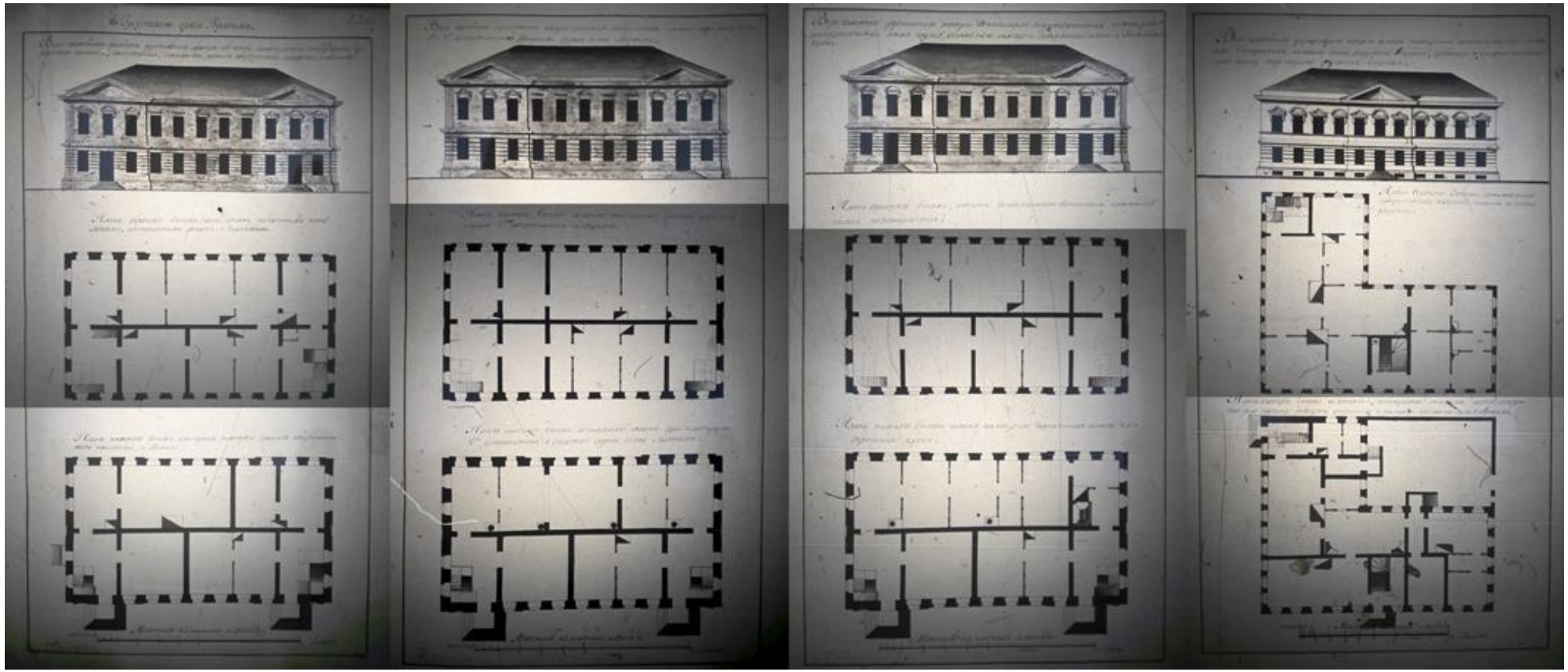


Рис. П.10. Планы и фасады казенных и общественных зданий в гор. Воронеже. б/д. Здания присутственных мест: губернского правления, уголовной и гражданской палат, батальонной школы, казённой палаты (РГИА. Ф.1399. Оп.2. Д.180)

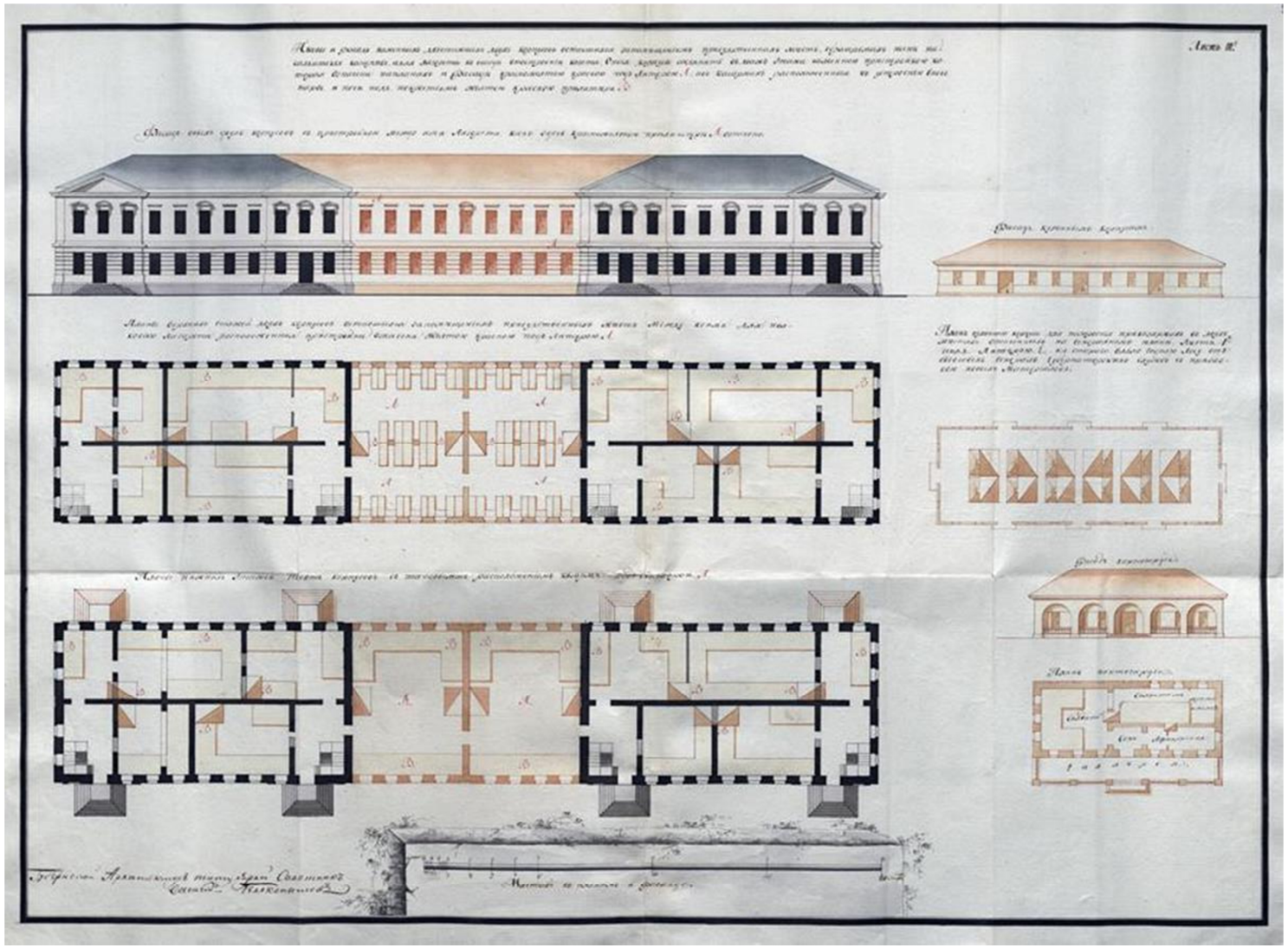


Рис. П.11. Планы и фасады казенных строений в г. Воронеже. 1800 г. Проект перестройки присутственных мест (РГИА. Ф.1399. Оп.1. Д. 314)

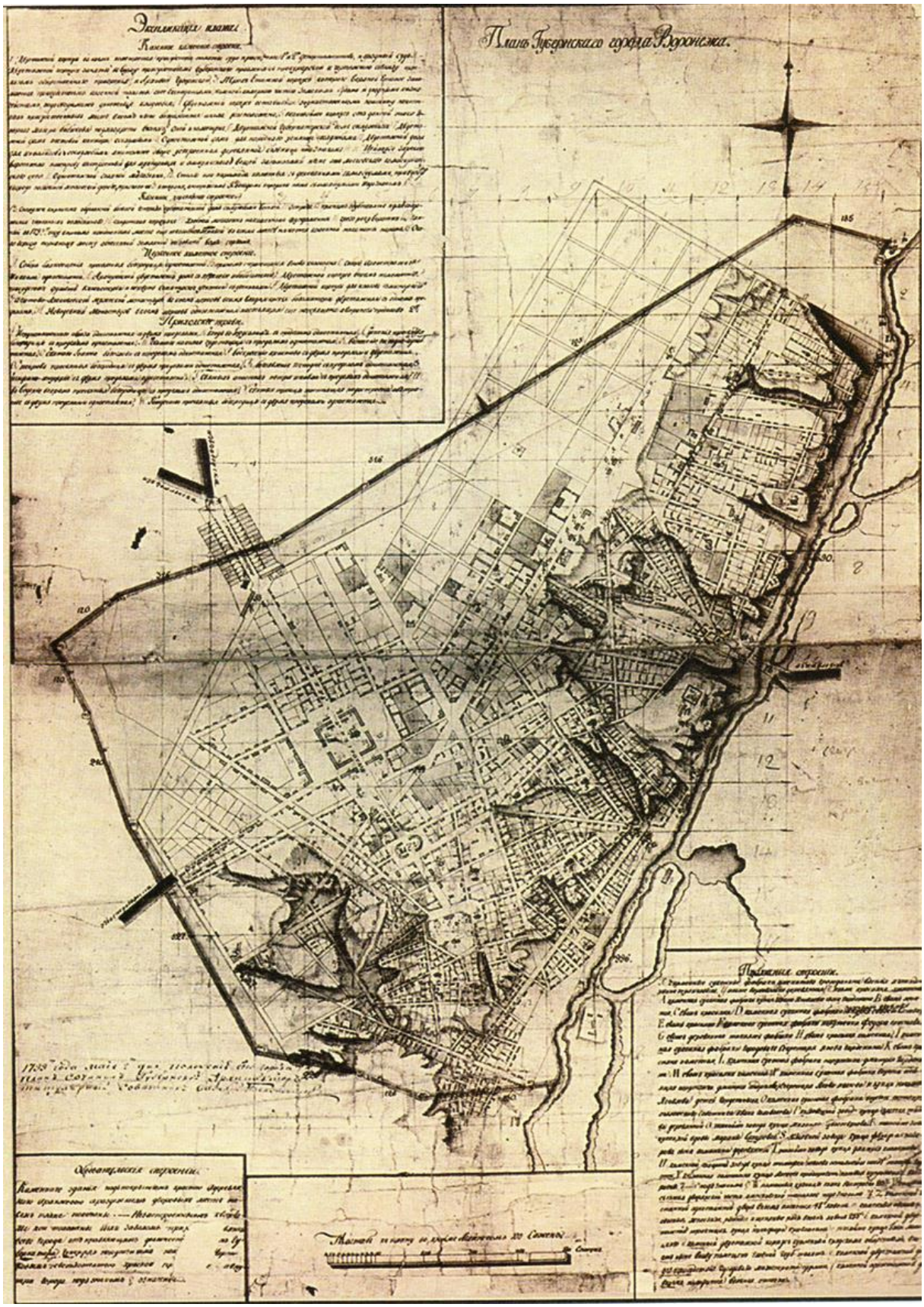


Рис. П.12. План губернского города Воронежа. 1799 г
(РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 892)

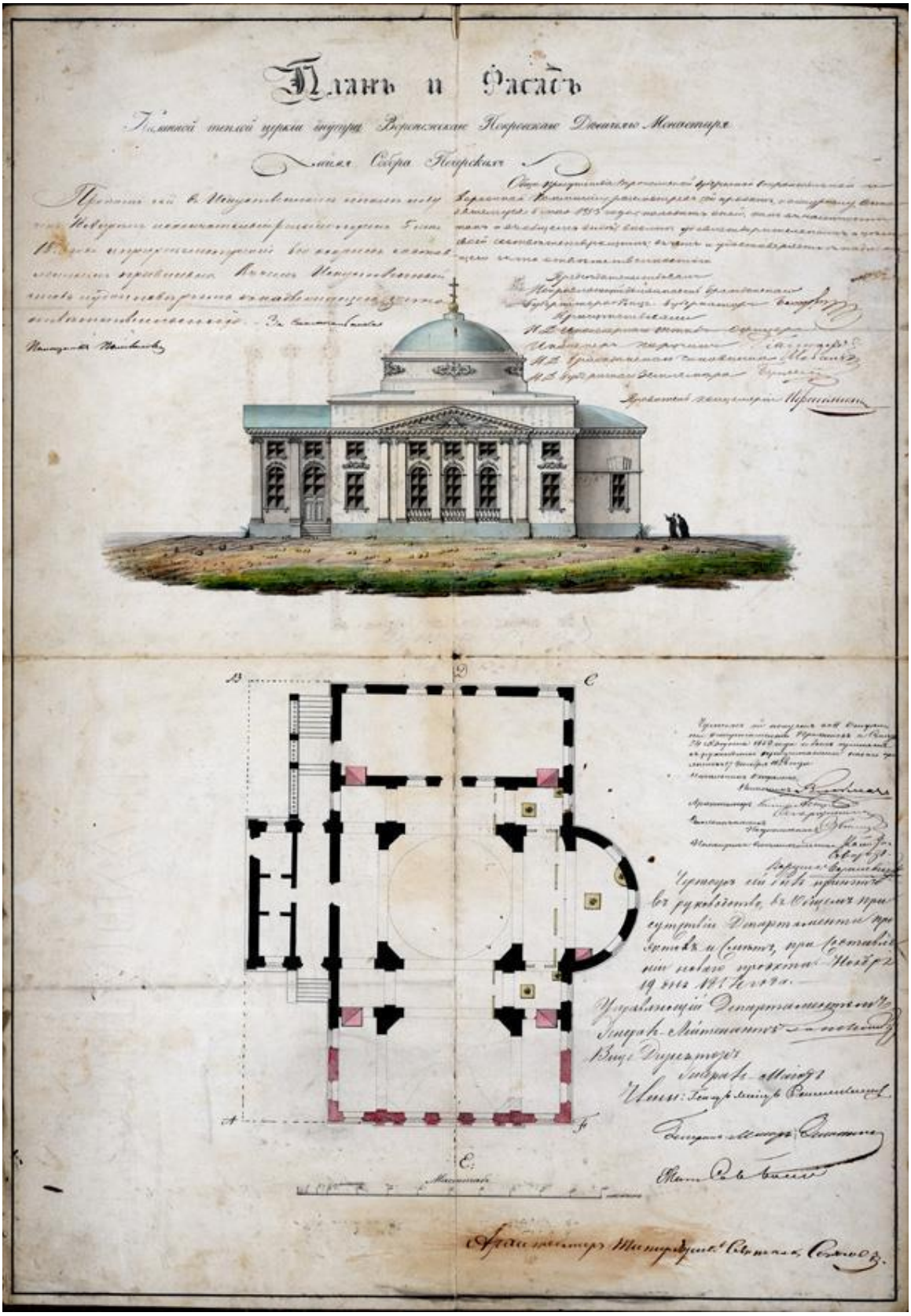


Рис. П.13. План и фасад каменной теплой церкви внутри Воронежского Покровского Девичьего монастыря (РГИА. Ф.218. Оп. 4. Д.587. Л.9. 1853-54 гг.)

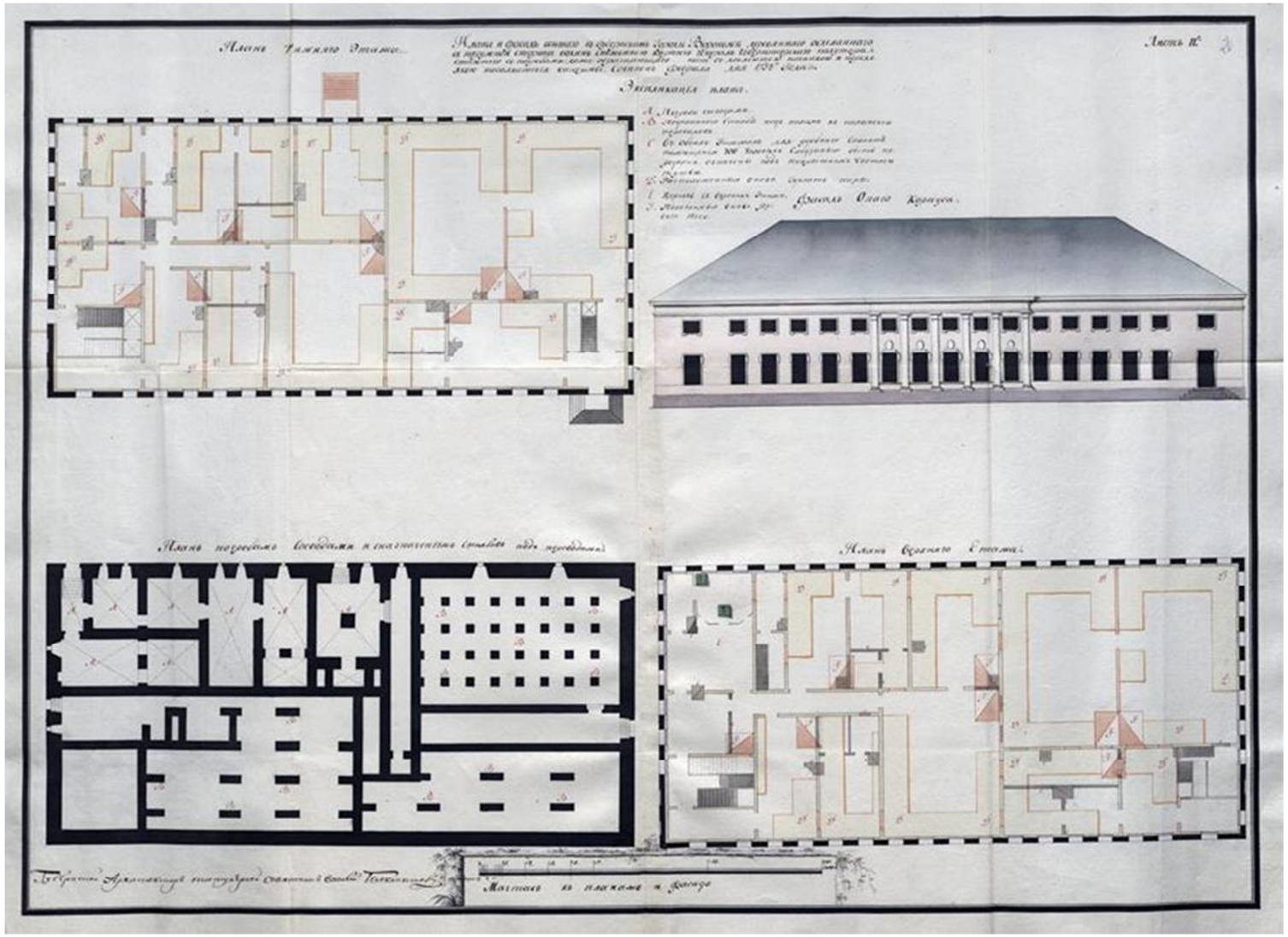


Рис. П.14. Планы и фасады казенных строений в г. Воронеже. 1800 г . Дом генерал-губернатора Е.А. Щербинина. (РГИА. Ф.1399. Оп.1. Д.314. Л. 1, 2)

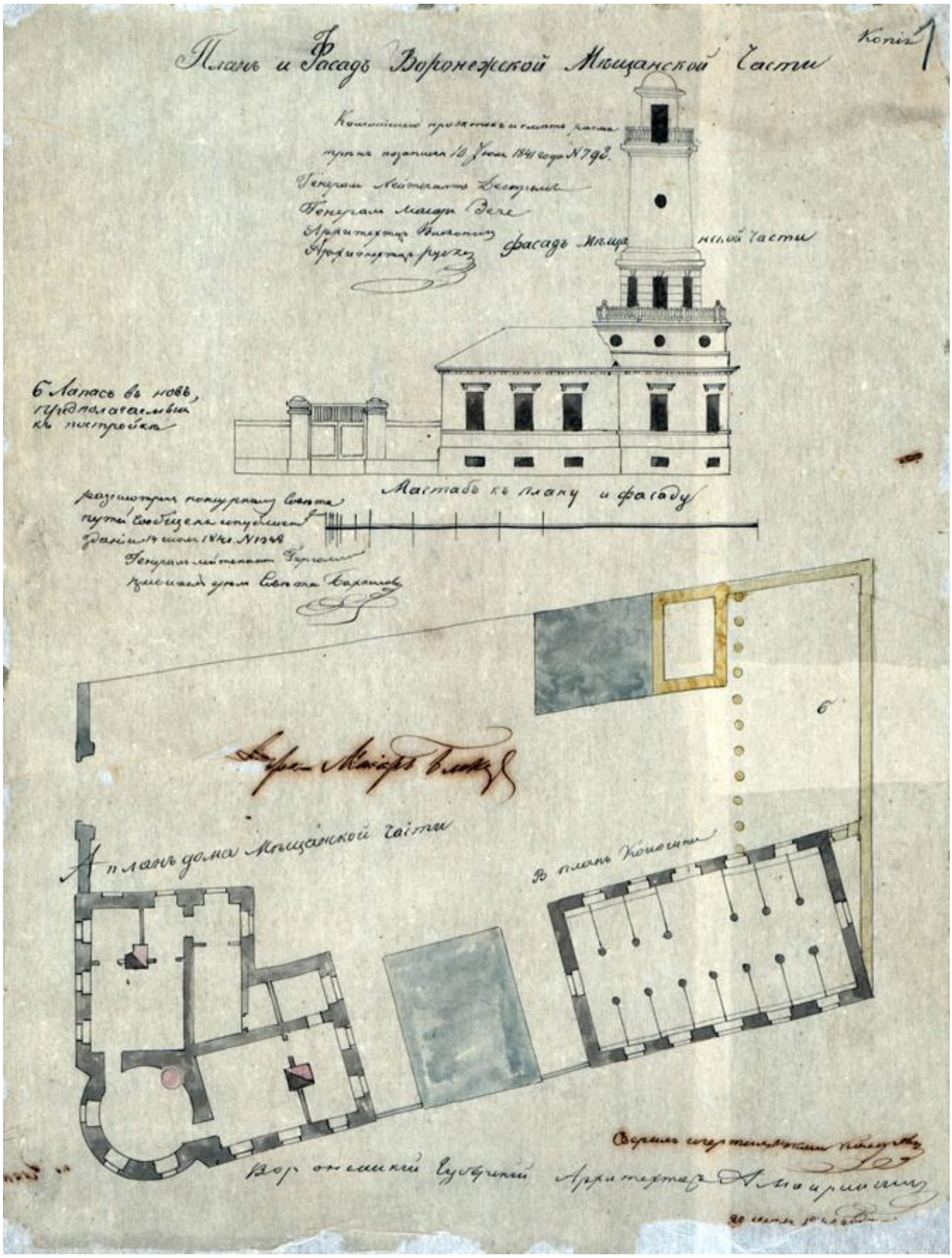


Рис. П.15. Мещанская полицейская часть. План, фасад. Копия. 1841 г
(РГИА. Ф.1488. Оп.1. Д. 722)

Рис. П.16. План губернского города Воронежа с показом мест, где размещаются объекты приказа общественного призрения. Составлен около 1818 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 5)

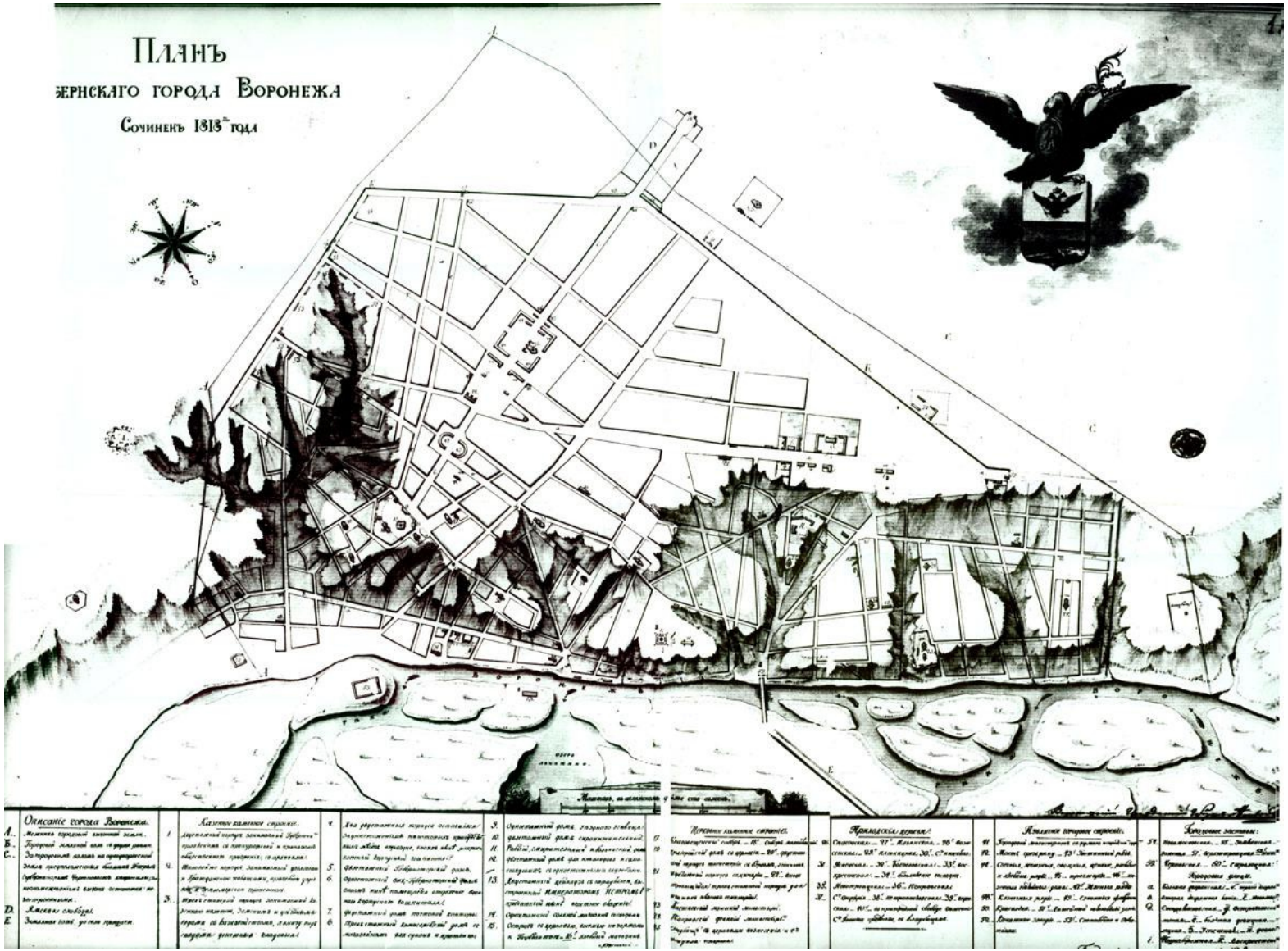


Рис. П.17. План губернского города Воронежа. 1818 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 6)

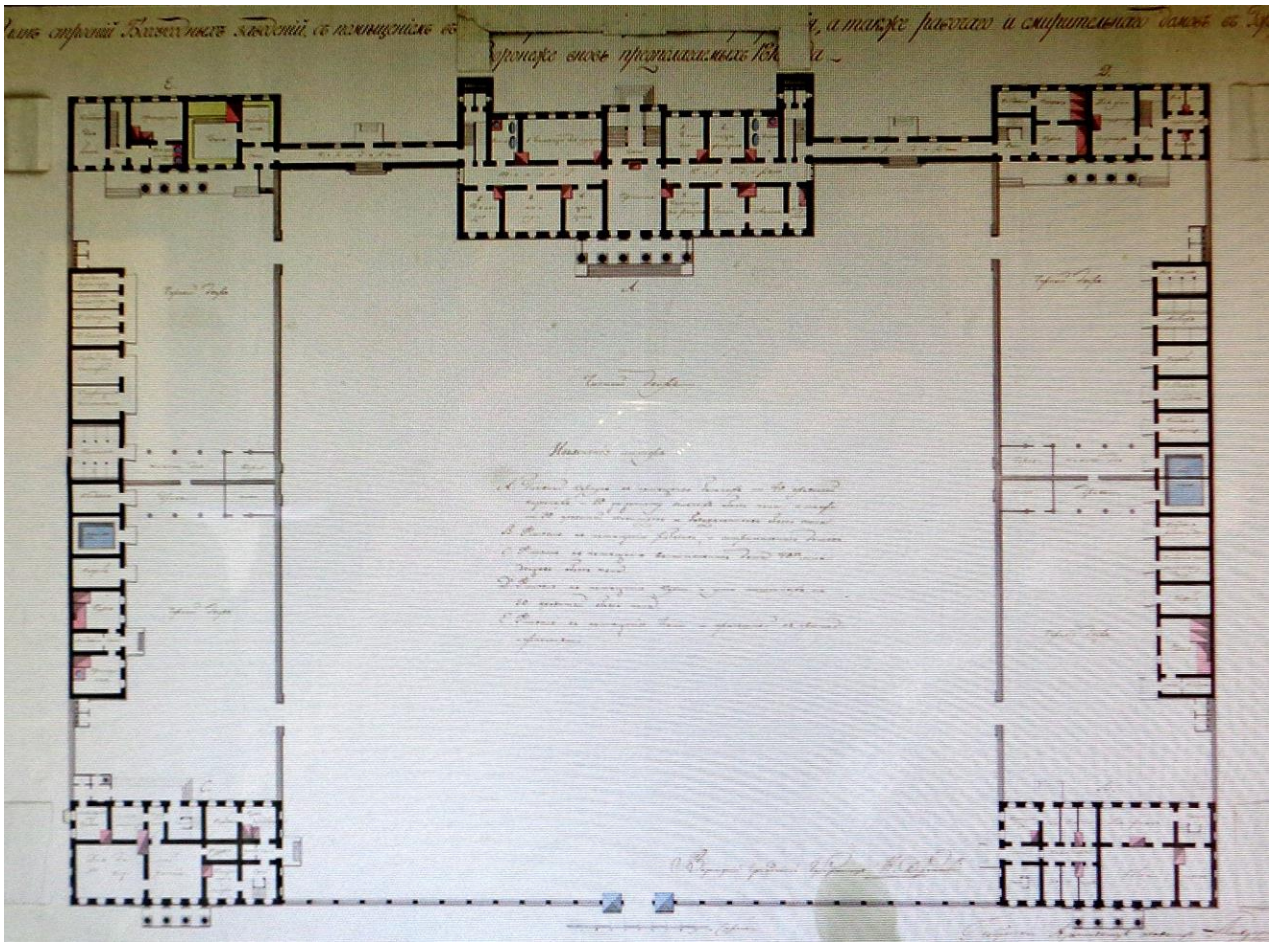


Рис. П. 18. План предполагаемых к постройке в г. Воронеже богоугодных заведений приказа общественного призрения. 1818 г
(РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 39)

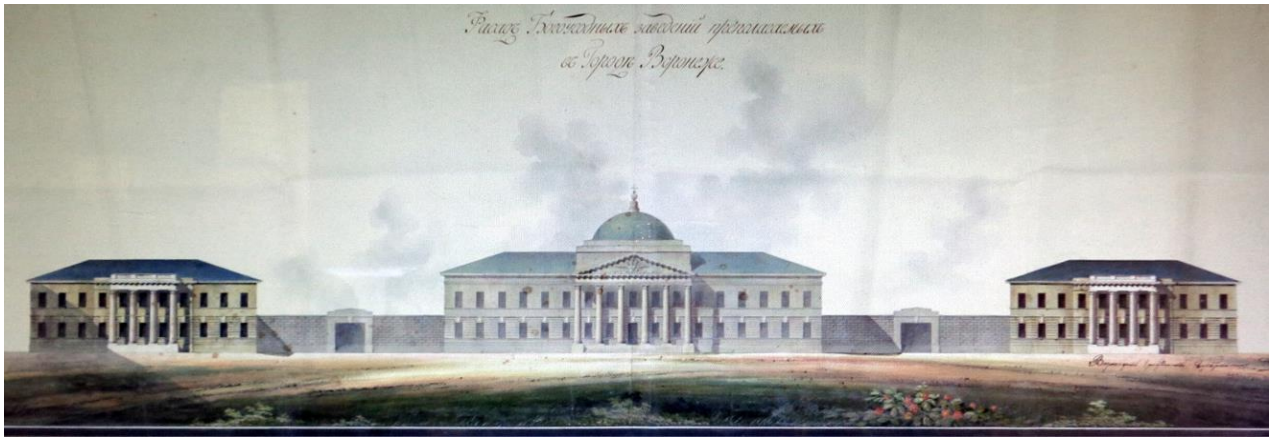


Рис. П.19. Фасад Богоугодных заведений предполагаемых в г. Воронеже
(РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 40)

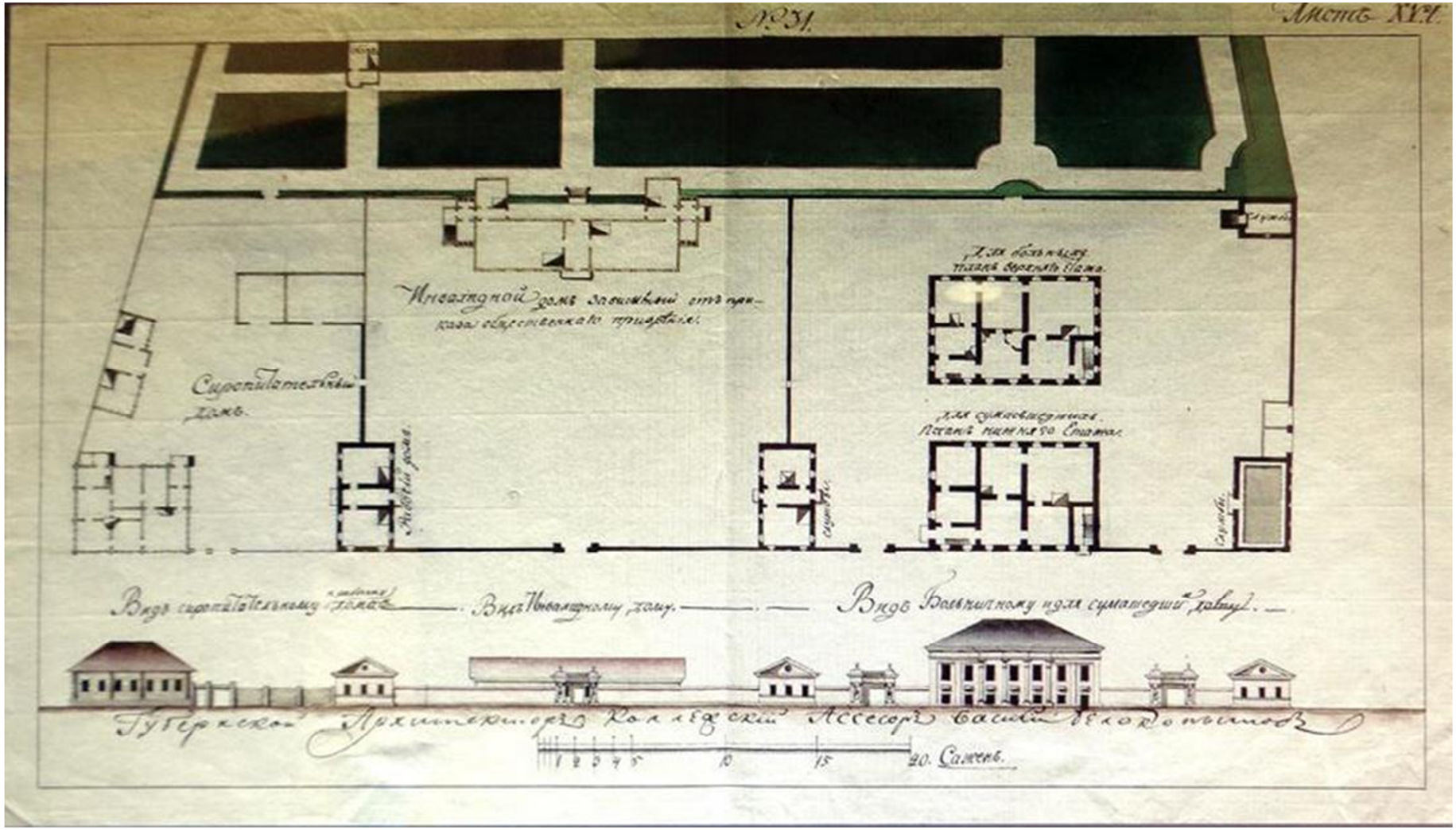


Рис. П.20. Проект сиропитательного дома, инвалидного дома и дома умалишённых
(РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 80)

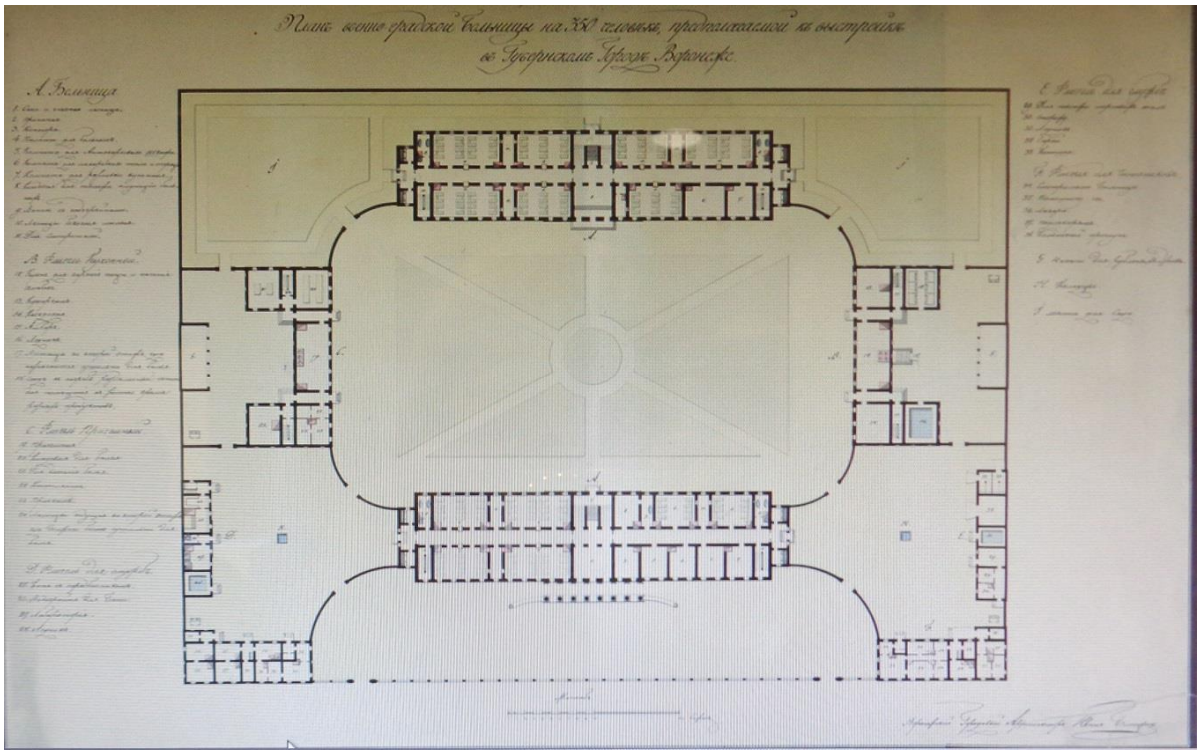


Рис. П.21. Планы Военно-градской больницы на 350 человек, предлагаемой к постройке в губернском городе Воронеж (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 37)

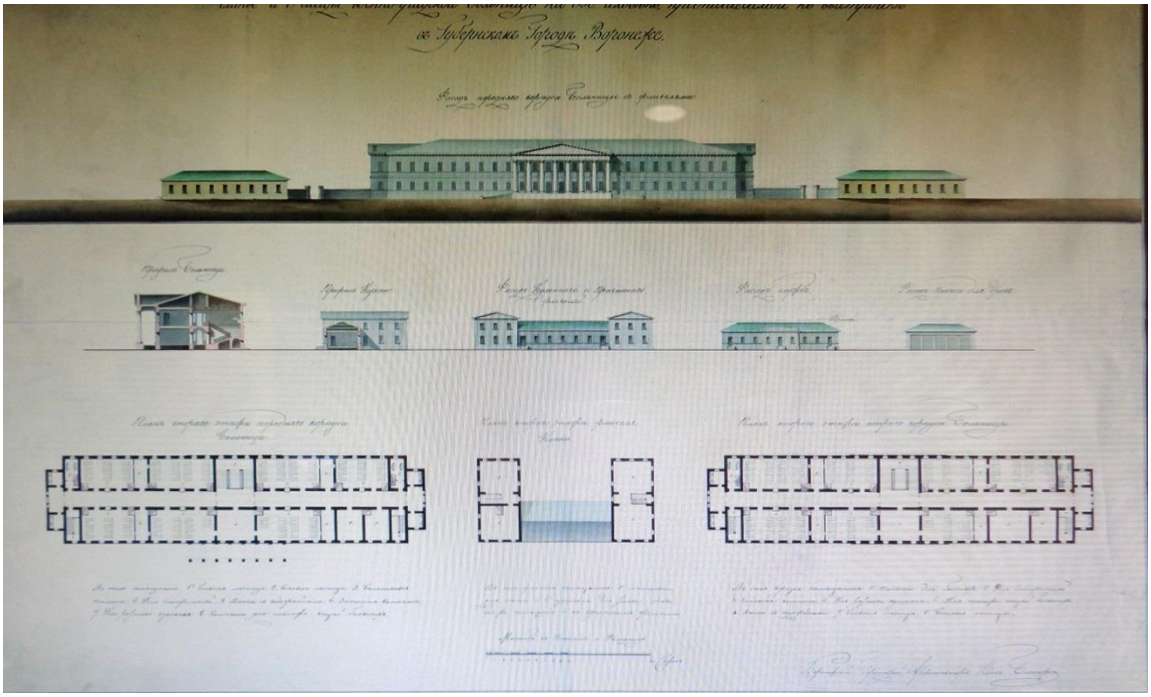


Рис. П.22. Планы и фасады Военно-градской больницы на 350 человек, предлагаемой к постройке в губернском городе Воронеже (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 38)

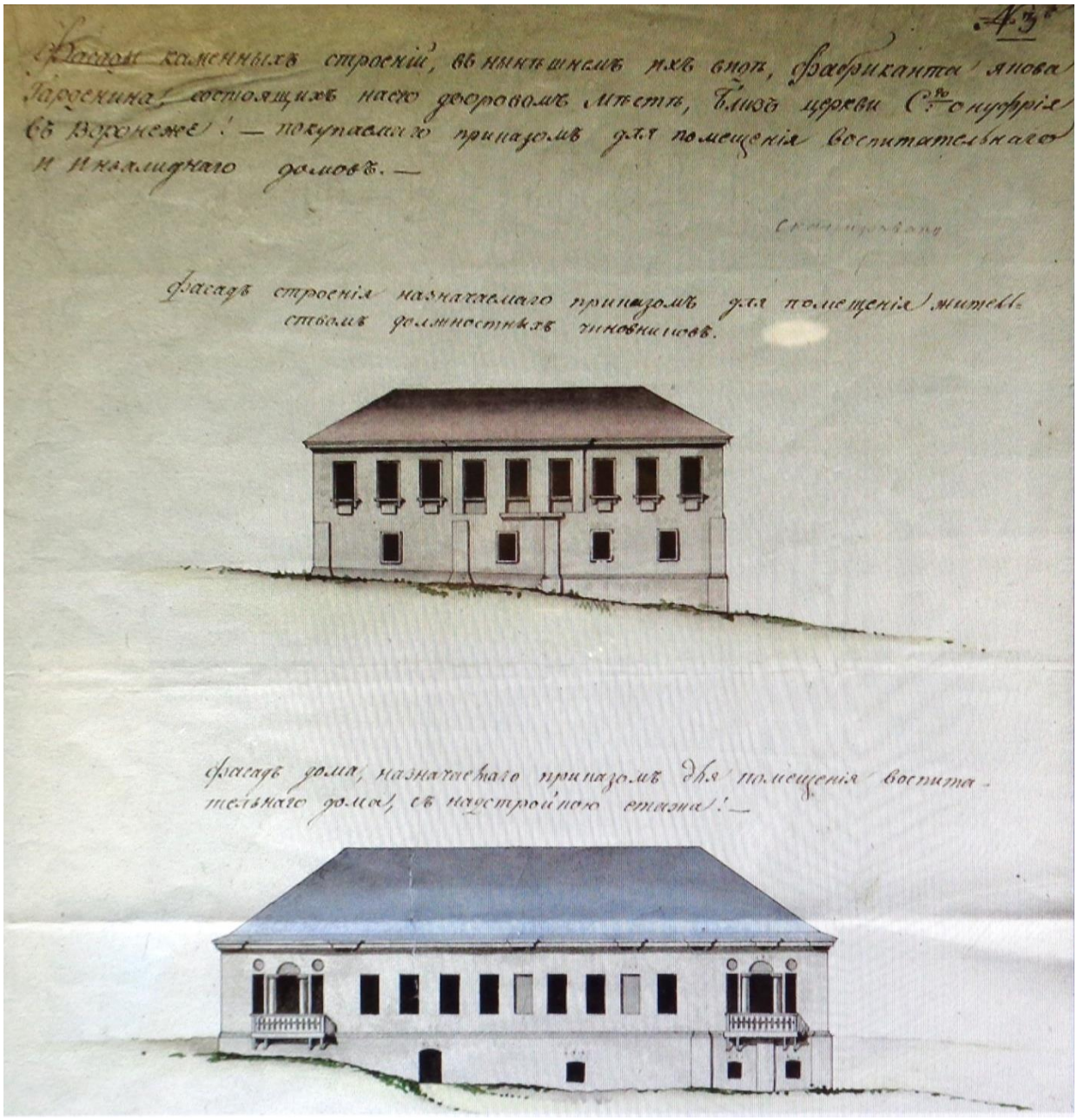


Рис. П.23. Фасады каменных строений в нынешнем их виде фабриканта Якова Гарденина близ церкви Св. Онуфрия в г. Воронеже, покупаемых приказом для помещения воспитательного и инвалидного домов (РГИА. Ф.1293. Оп. 168. Д.60)

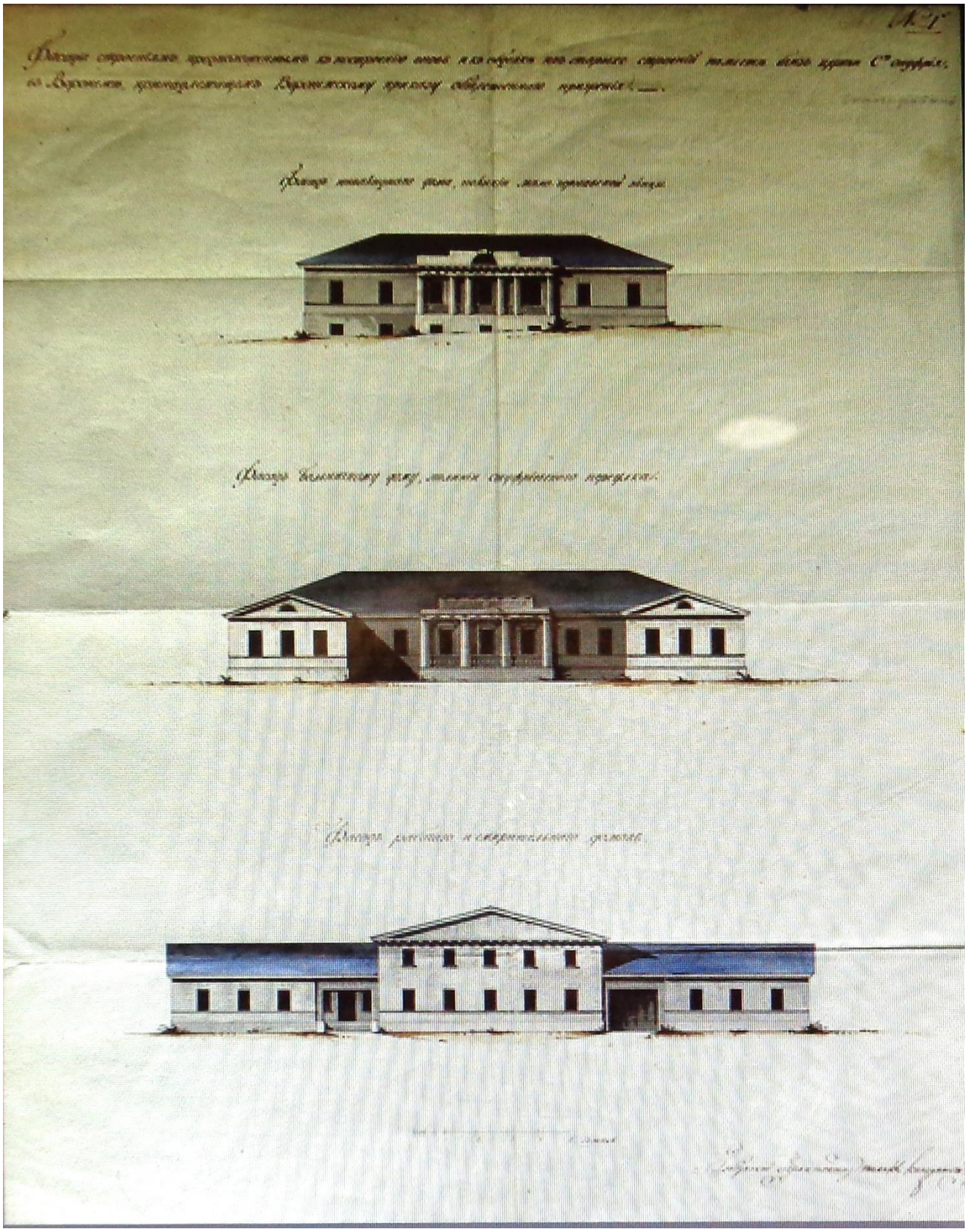


Рис. П. 24. Фасады инвалидного дома, больничному дому, рабочему и смирительному дому (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 51)

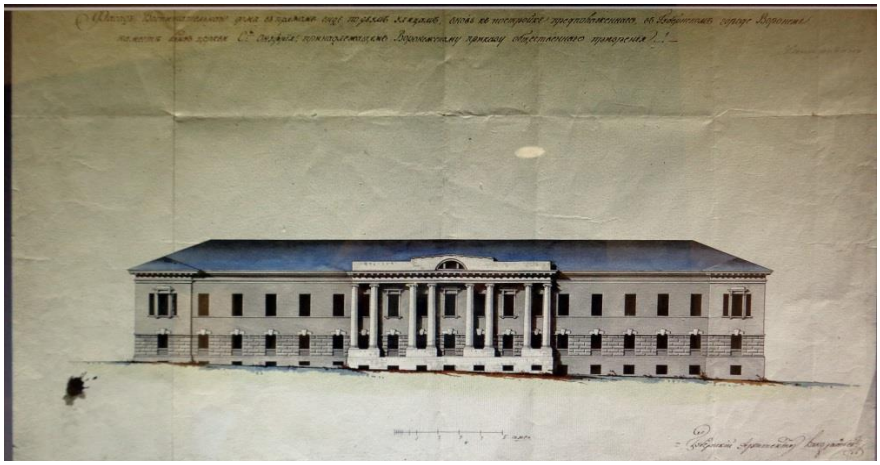


Рис. П.25. Проект строений приказа общественного призрения. Воспитательный дом (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 52)

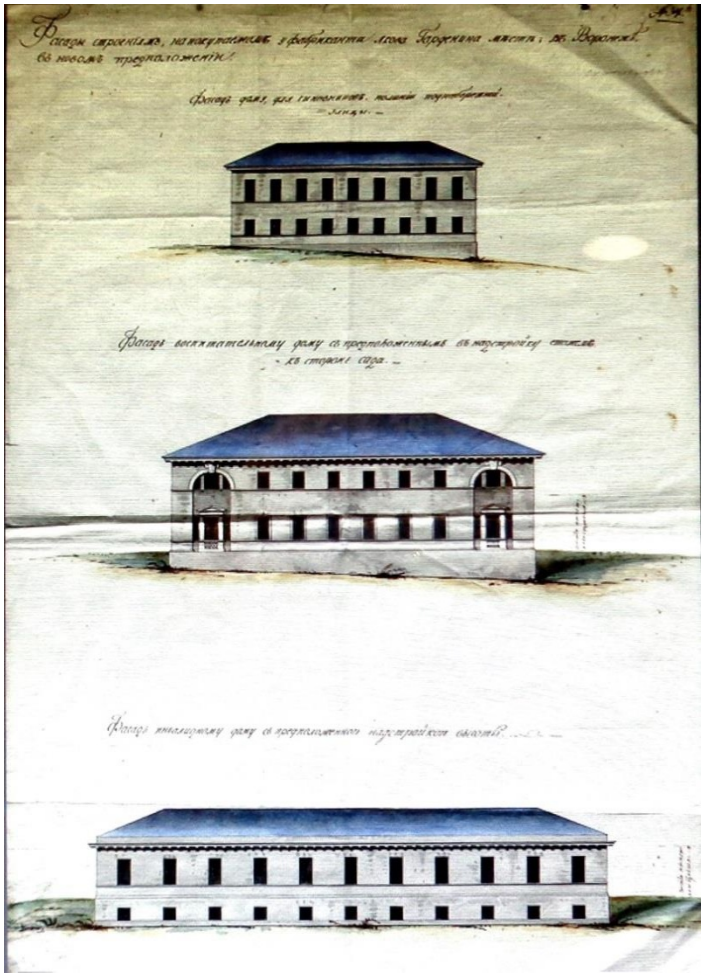


Рис. П.26. Фасады строений на покупаемых у фабриканта Якова Гарденина местах в г. Воронеже в новом предположении: дома для чиновников, воспитательного дома, инвалидного дома (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 59)

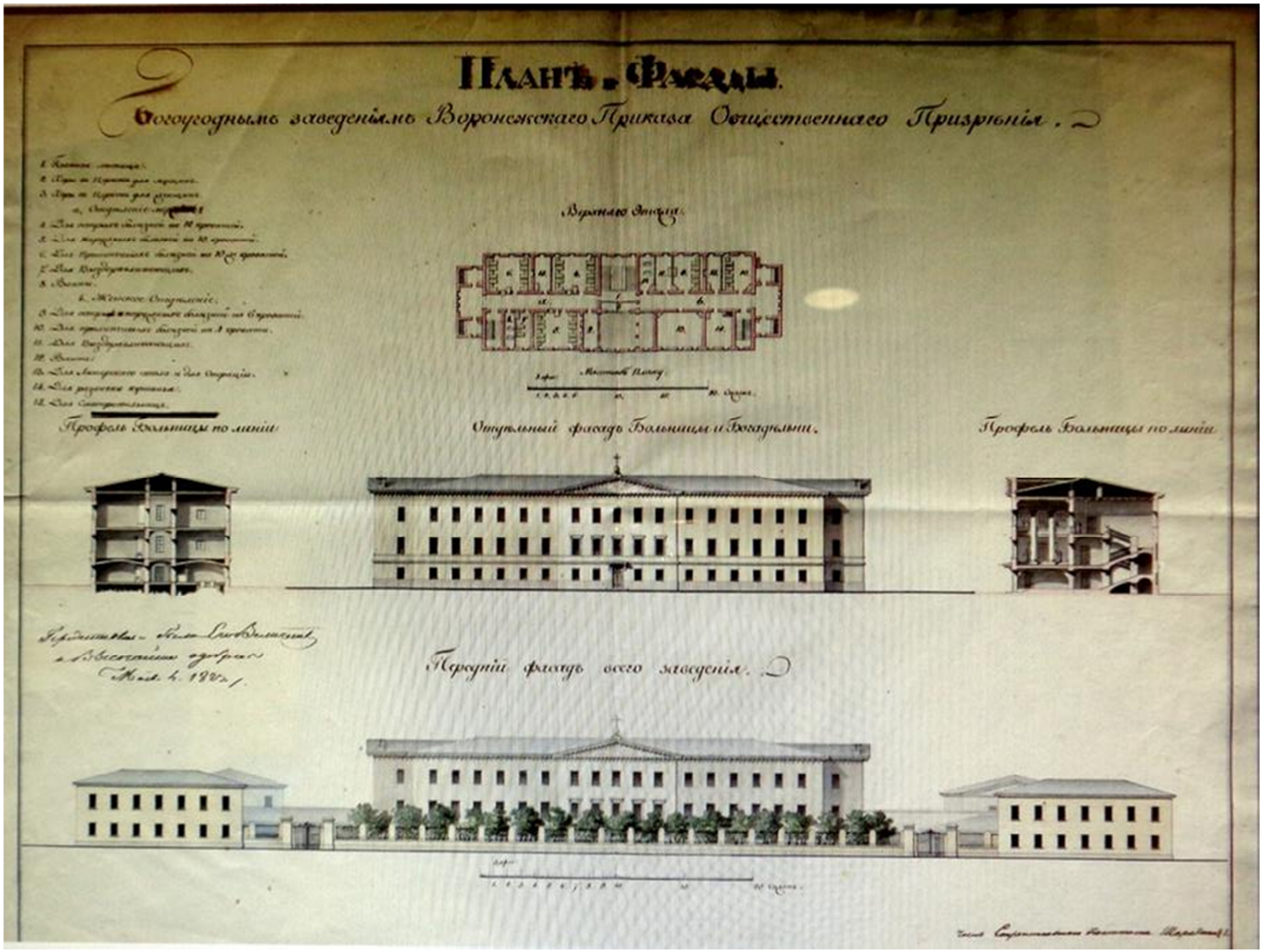


Рис. П.27. Планы и фасады Богоугодным заведениям Воронежского приказа общественного призрения (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 62)

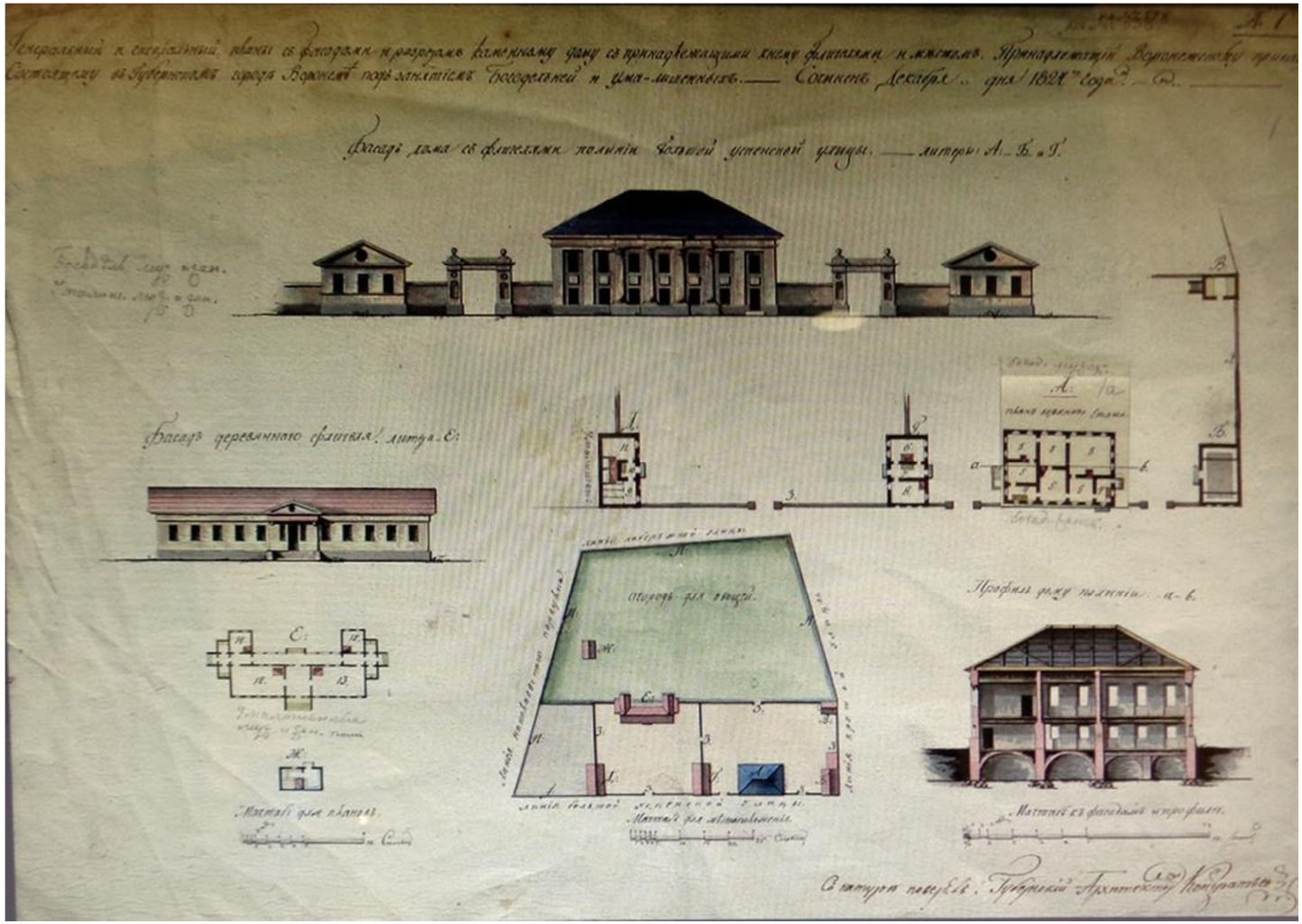


Рис. П.28. План каменному Воспитательному дому с принадлежащими к оному строениями и садом, состоящему в губернском городе Воронеже Онуфриевском приходе (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 55)

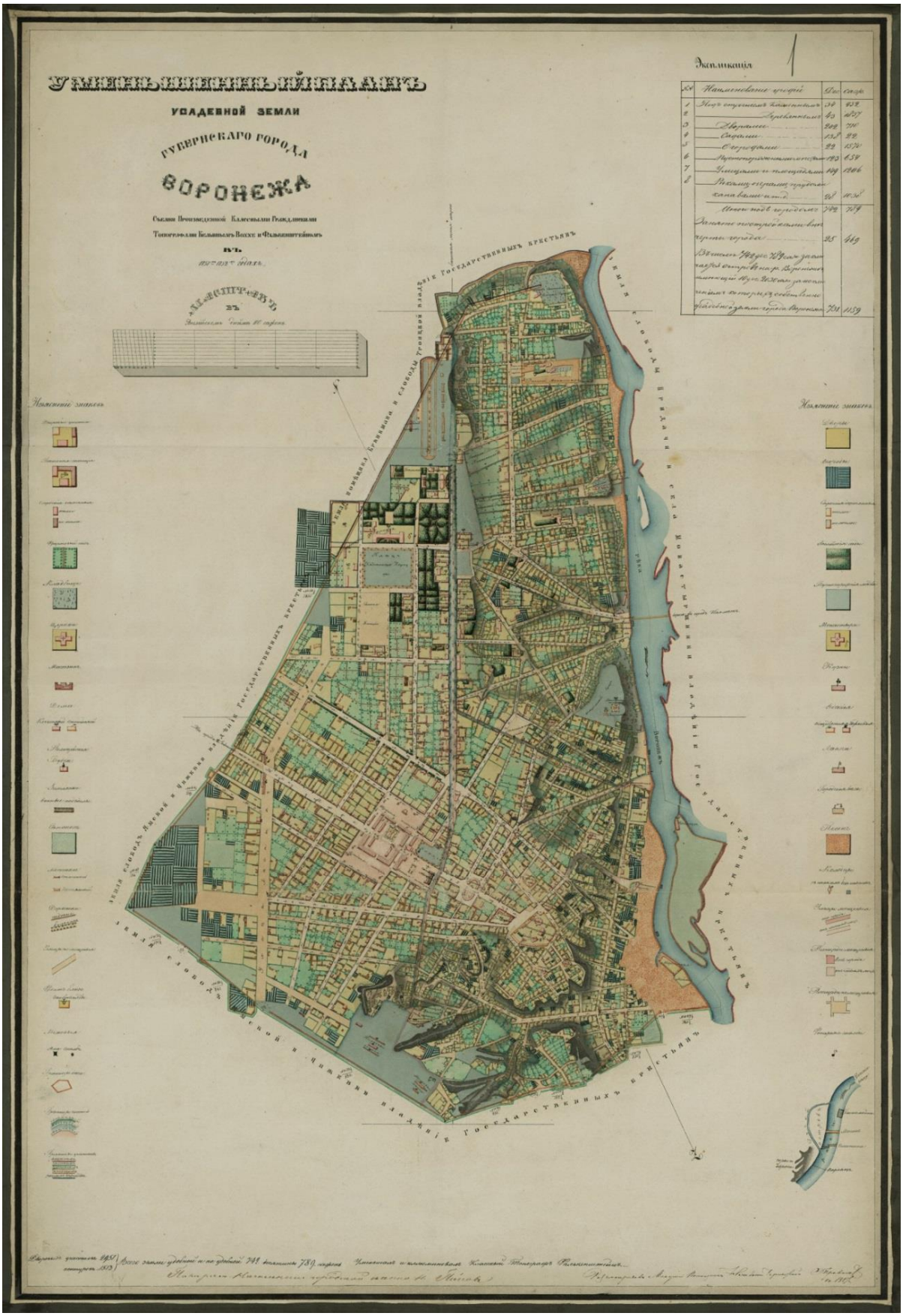


Рис. П.29. Уменьшенный план усадебной земли гор. Воронежа. 1852 г (РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 4)

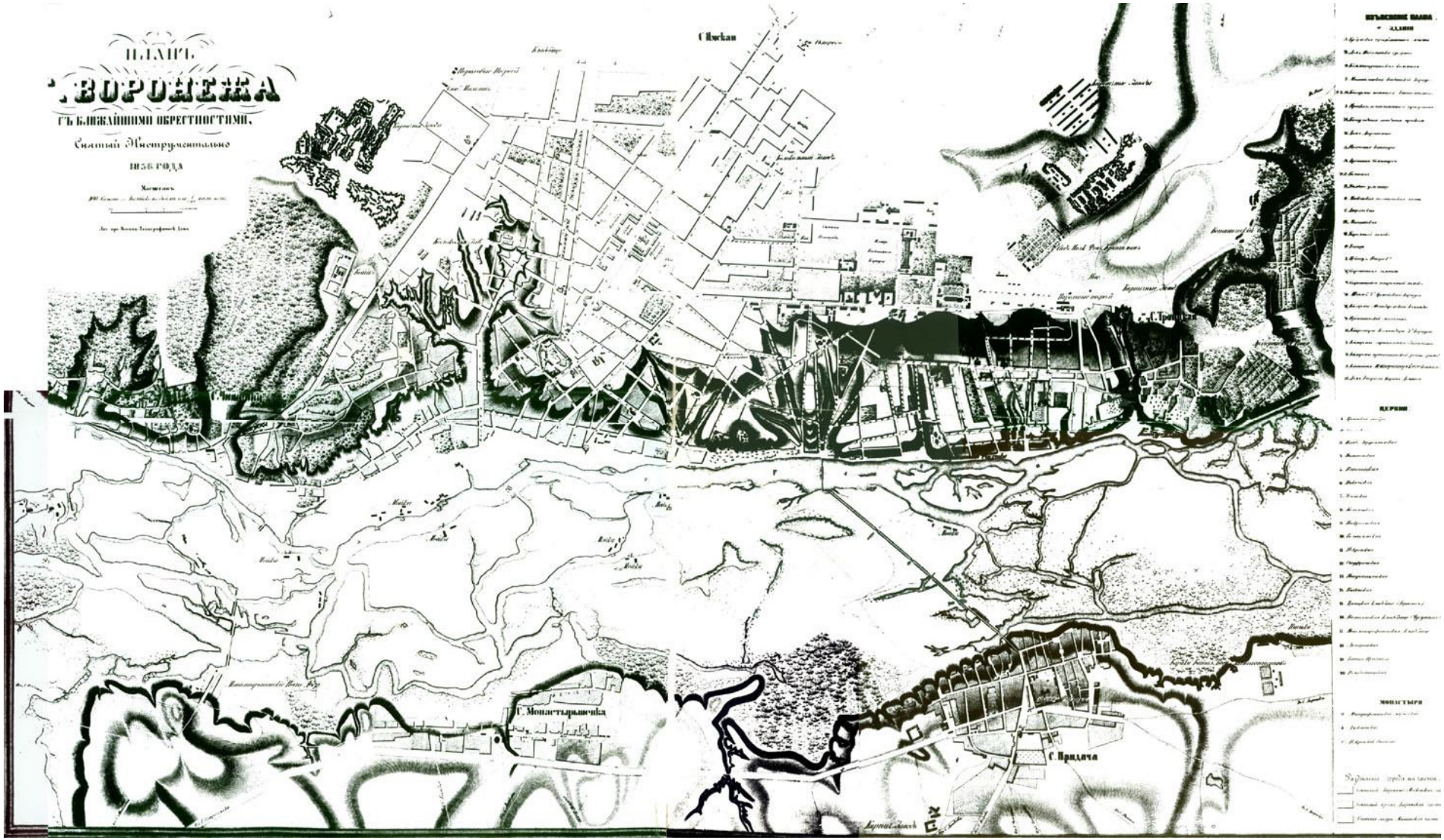


Рис. П.30. План Воронежа с ближайшими окрестностями. 1856 г. (РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 64)

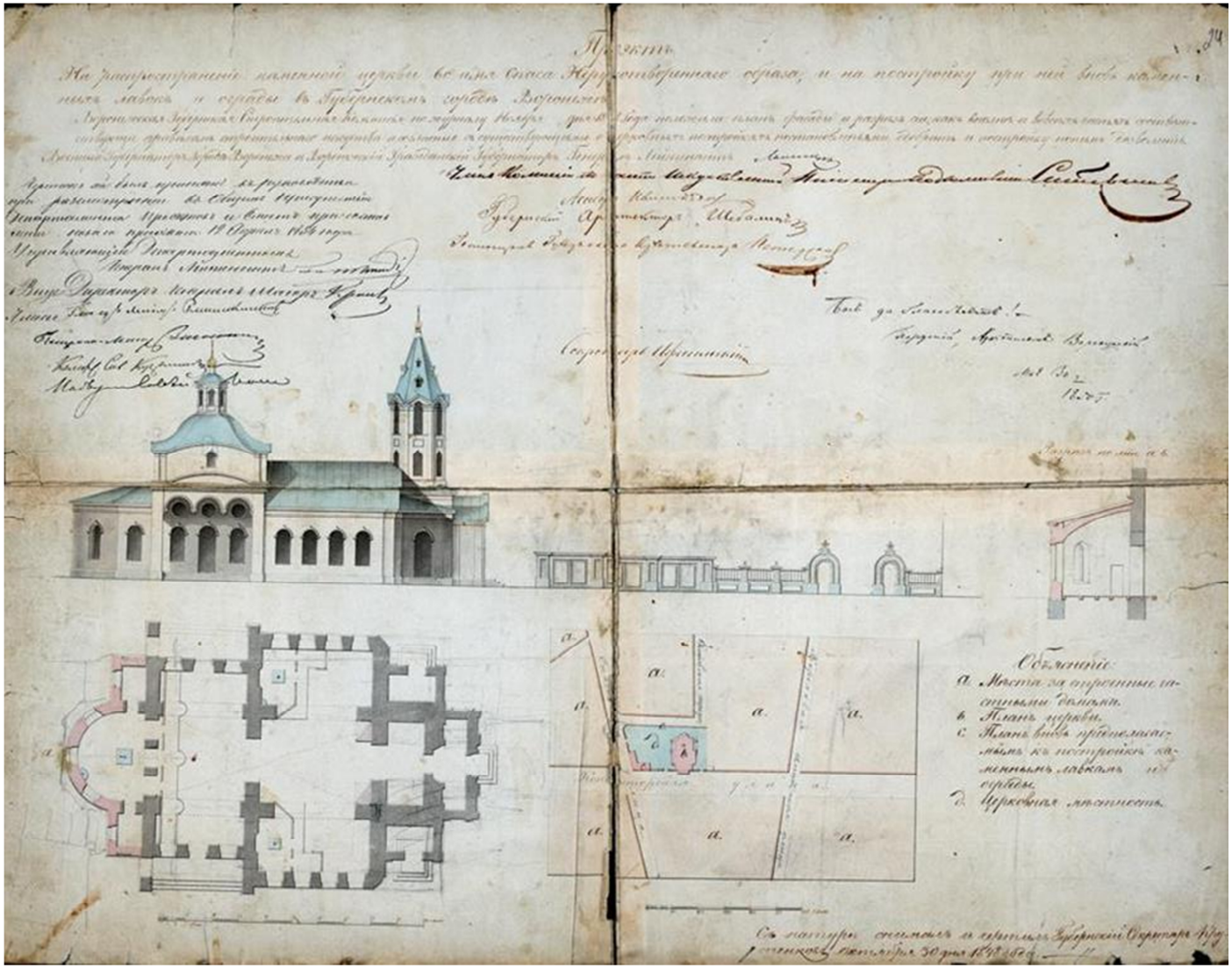


Рис. П.31. Проект перестройки Спасской церкви в г. Воронеже. 1854-57 гг
(РГИА. Ф.218.Оп.4.Д.649. Л. 23-26)

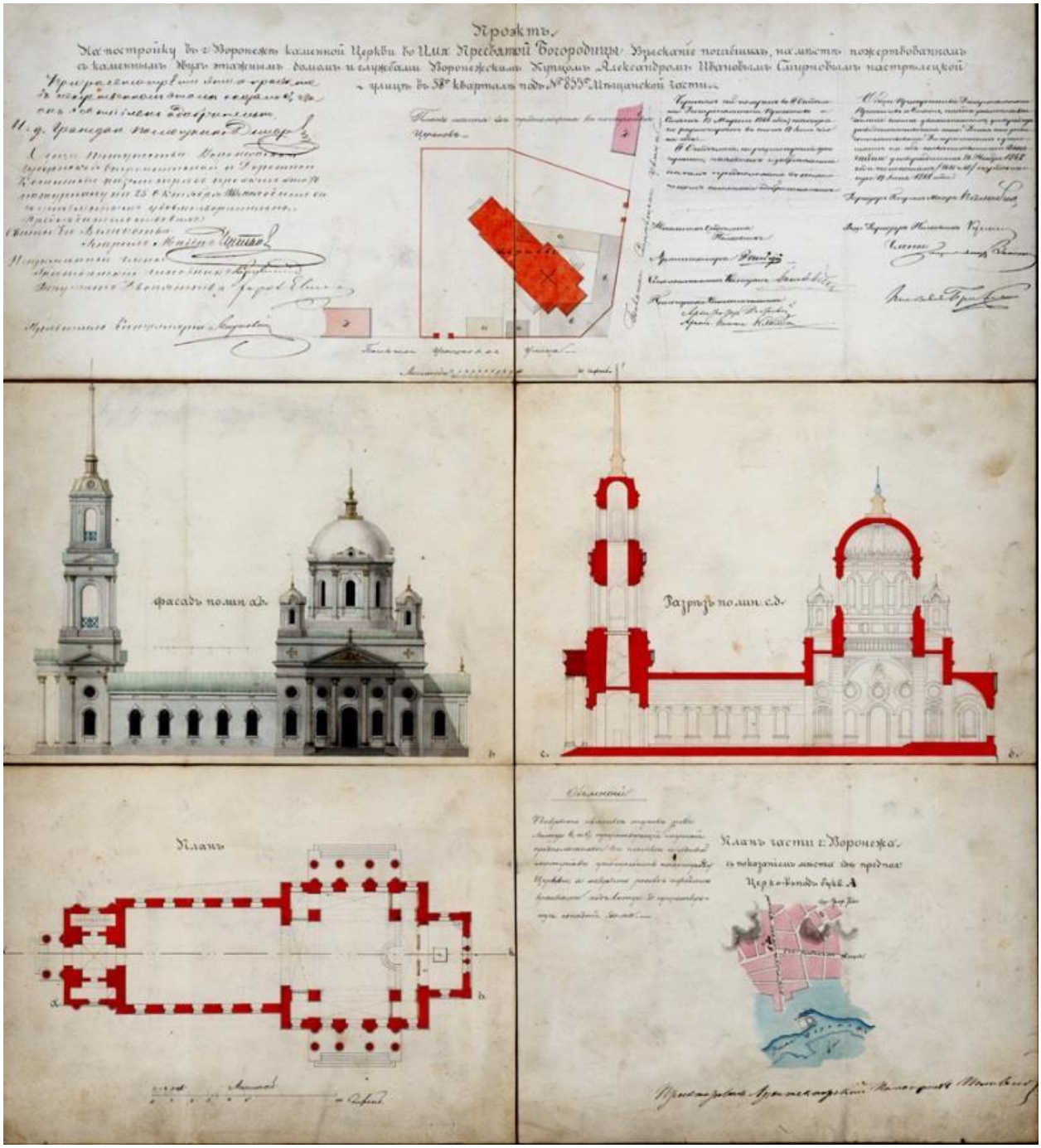


Рис. П.32. Проект каменной церкви на Стрелецком рынке в г. Воронеже (РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.997.Л. 7, 11. 1862-63)

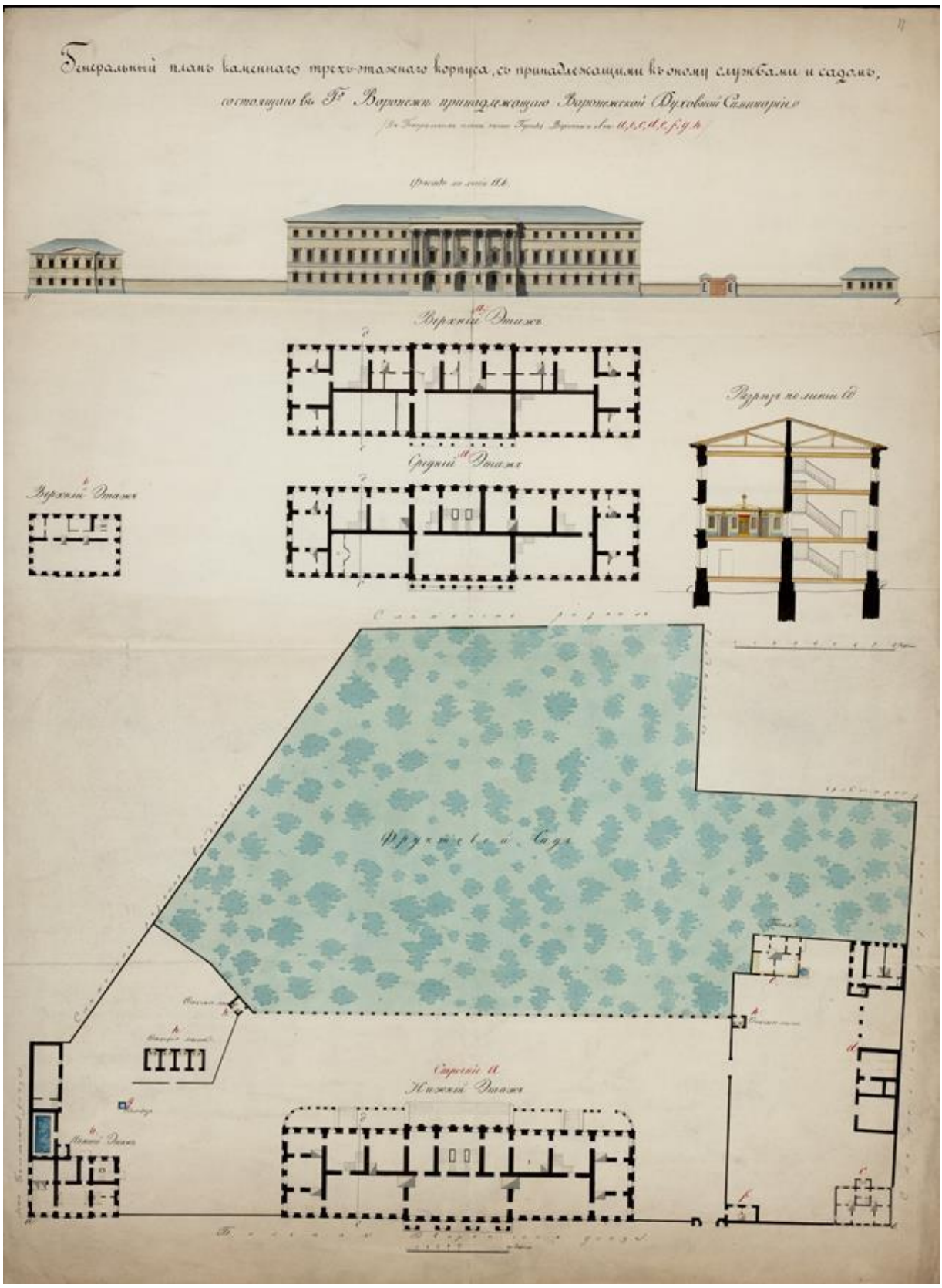


Рис. П.33. Воронежская духовная семинария. Фасады, разрезы, план места. 1835-1838 гг. (РГИА. Ф.835. Оп.1. Д. 67)

Учебное издание

Чесноков Владимир Геннадиевич

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

(последняя четверть XVIII - первая половина XIX вв.)

Учебное пособие

Подписано к изданию 14.10.2024.
Объем данных 36,7 Мб.
Тираж 10 экз.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84